

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Мезин С. А.** Никита Петрович Вильбуа: две версии биографии 5
- Морозова Е. Н.** Обсуждение проекта земской реформы в Государственном совете: полемика вокруг избирательной системы 11
- Кочуков С. А.** Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в поэтической публицистике 17
- Кириченко Е. Б.** Роль Р. Р. Розена в ведении российско-японских переговоров по корейско-маньчжурскому вопросу 24
- Кустов В. А.** Представительная власть в системе формирования внешней политики Российской империи (апрель 1906 – июнь 1907 года) 31
- Симонов А. А.** Периодизация создания Красной армии в трудах её организаторов 39
- Яковлев С. А.** Реформирование сельского хозяйства страны в конце XX века 44

Всеобщая история и международные отношения

- Демченко Е. С.** Отношение к детям на английских фабриках первой половины XIX века (по материалам отчетов и воспоминаний современников) 52
- Малкин С. Г.** «Горский наряд как род военного платья»: административная этнография «Хайлендской проблемы» Великобритании в 1689–1759 годах 56
- Аксенова Е. Ю.** Полемика Э. Берка и К. Маколей по вопросу оценки Французской революции 60
- Алексеев Д. С.** Перспективы реализации стратегии «Нового шелкового пути» в контексте вывода войск НАТО из Афганистана 65
- Маврина Ю. В.** Концепция внешней политики Турции Ахмета Давутоглу 69
- Петрыкина Д. В.** «Горячая точка» Андского региона: Колумбия и Венесуэла в начале XXI столетия 75

Региональная история и краеведение

- Беляков А. В.** Новый документ о ранней истории г. Самары 82
- Рабинович Я. Н.** Воевода Степан Васильевич Чемесов – строитель саратовской крепости (1630–1631) 85
- Горяев М. С.** Политика Российского правительства в Калмыкии во второй половине XIX – начале XX века 93
- Троицкий Н. А.** Судебный процесс по делу о первой политической демонстрации в Саратове 100
- Гуменюк А. А.** Охрана здоровья промышленных рабочих Саратовской области в 1953–1985 гг. 103

Критика и библиография

Представляем книгу

- Рецензия на книгу Я. Н. Рабиновича «Воеводы левобережного Саратова (1616–1641)» 114

Приложение

Хроника

- Чернова Л. Н.** Конференция в честь юбилея профессора М. М. Ябровой 114

Сведения об авторах

Решением Президиума ВАК
Министерства образования и науки РФ
журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов
и изданий, в которых рекомендуется
публикация основных результатов
диссертационных исследований на
соискание ученой степени доктора
и кандидата наук

Зарегистрировано
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № 77-7185 от 30 января 2001 года

Индекс издания по каталогу
ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».
Журнал выходит 4 раза в год.

Заведующий редакцией
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Митенёва Елена Анатольевна

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Степанова Наталия Ивановна

Верстка
Щербакова Ирина Викторовна

Технический редактор
Ковалева Наталья Владимировна

Корректор
Юдина Инна Геннадиевна

Адрес редакции:
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Издательство Саратовского
университета
Тел.: (845-2) 52-26-89, 52-26-85

Подписано в печать 25.03.14.
Формат 60x84 1/8.
Усл. печ. л. 13,95 (15,0).
Тираж 500 экз. Заказ 16.

Отпечатано в типографии
Издательства Саратовского
университета

© Саратовский государственный
университет, 2014

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации общетеоретические, методологические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований в области всеобщей и отечественной истории, региональной истории, краеведения и археологии, международных отношений, источниковедения и историографии, краткие сообщения и рецензии, а также хронику и информацию.

Статьи, написанные в соавторстве (кроме тех случаев, когда оба автора доктора наук), к рассмотрению не принимаются.

Объем статей не должен превышать 12 страниц через 1 интервал в формате MS Word для Windows и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем кратких сообщений – не более 6 страниц и до 2 рисунков и таблиц.

Статья должна быть аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Последовательность предоставления материала:

– на русском языке: индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail), аннотация, ключевые слова, текст статьи, благодарности и ссылки на гранты; примечания (концевые автоматические сноски);

– на английском языке: название статьи, инициалы и фамилия автора, аннотация, ключевые слова.

Отдельным файлом оформляются сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя и отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность и место работы, e-mail, телефон.

Требования к аннотациям:

– должна отражать краткое содержание статьи; оптимальный объем 500–600 знаков;

– не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

В примечаниях нумерация источников должна соответствовать очередности ссылок на них в тексте.

Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <http://www.sgu.ru/journal/izvestiya/hmo>

Материалы, отклоненные редколлегией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлегией серии: larisachernova@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский государственный университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия История. Международные отношения» Черновой Л. Н.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Mezin S. A.** Nikita Petrovich Villebois: Two Versions of Biography 5
Morozova E. N. Discussion of Zemstvo Reform Project in the State Council: Polemics Over Electoral System 11
Kochukov S. A. Russian-turkish War of 1877–1878. In a Poetic Publicism 17
Kyrychenko O. B. The Role of R. R. Rosen at Russo-japanese Negotiations about Korean and Manchurian Question 24
Kustov V. A. The Role of Representation Power in Developing Foreign Policy of the Russian Empire (April 1906 – June 1907) 31
Simonov A. A. The Periodization of Formation of Russian Red Army in the Works of its Founders 39
Yakovlev S. A. Reforming of the Country's Agricultural Sector at the End of XX Century 44

World History and International Relations

- Demchenko E. S.** Attitude towards Children in the English Factories in the First Half of the XIX Century (Based on Reports and Memories of Contemporaries) 52
Malkin S. G. «Highland Dress as a Sort of Military Dress»: Administrative Ethnography of the «The Highland Problem» of Great Britain in 1689–1759 56
Aksenova E. U. E. Burke and C. Macaulay's Viewpoints on the Evaluation of French Revolution 60
Alexeyev D. S. Perspectives of the «New Silk Road» Strategy in the Context of NATO Withdrawal from Afghanistan 65
Mavrina Y. V. Ahmet Davutoglu's Conception of Turkish Foreign Policy 69
Petrykina D. V. The «Trouble Spot» of the Andean Region: Colombia and Venezuela at the Beginning of the XXI-st Century 75

Regional History and Local Studies

- Belyakov A. V.** A New Document about the Protohistory of the City of Samara 82
Rabinovich Ya. N. Voivode Stepan Vasil'evich Chemesov – Saratov Fortress Builder (1630–1631) 85
Goryaev M. S. Russian Government Policy in Kalmykia in the Second Half XIX – Early XX Century 93
Troitsky N. A. The Trial of the First Political Demonstration in Saratov 100
Gumenyuk A. A. Health's Protection of the Industrial Workers in Saratov Region in 1953–1985 Years 103

Critics and Bibliography

Presentation of the Book

- Book Review: Y. N. Rabinowitz «Governors of the left bank of Saratov (1616–1641)» 111

Appendices

Chronicle

- L. N. Chernova** Conference in Honor of Anniversary of Professor M. M. Yabrova 114

Information about the Authors

118

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА «ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ»

Главный редактор

Чумаченко Алексей Николаевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Стальмахов Андрей Всеволодович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Халова Виктория Анатольевна, кандидат физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бабков Лев Михайлович, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Ольга Сергеевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Бучко Ирина Юрьевна, директор Издательства Саратовского университета (Саратов, Россия)

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Коссович Леонид Юрьевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Макаров Владимир Зиновьевич, доктор геогр. наук, профессор (Саратов, Россия)

Прозоров Валерий Владимирович, доктор филол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Устьянцев Владимир Борисович, доктор филос. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шамяионов Раиль Мунирович, доктор психол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шляхтин Геннадий Викторович, доктор биол. наук, профессор (Саратов, Россия)

EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL «IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES»

Editor-in-Chief – Chumachenko A. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Stalmakhov A. V. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Khalova V. A. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Babkov L. M. (Saratov, Russia)

Balash O. S. (Saratov, Russia)

Buchko I. Yu. (Saratov, Russia)

Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Ivchenkov S. G. (Saratov, Russia)

Kossovich L. Yu. (Saratov, Russia)

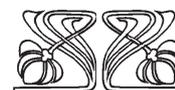
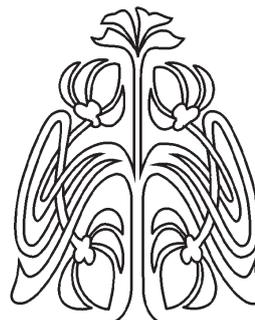
Makarov V. Z. (Saratov, Russia)

Prozorov V. V. (Saratov, Russia)

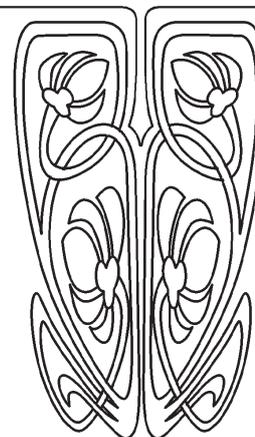
Ustyantsev V. B. (Saratov, Russia)

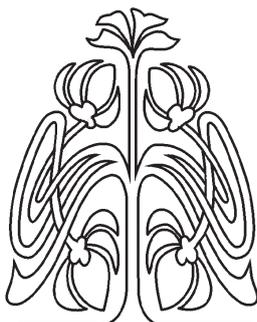
Shamionov R. M. (Saratov, Russia)

Shlyakhtin G. V. (Saratov, Russia)

РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Бэттлер Алекс, доктор ист. наук, профессор (Нью-Йорк, США)

Герман Аркадий Адольфович, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Деннингхауз Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Креленко Наталия Станиславовна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

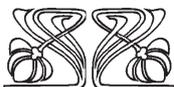
Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, профессор, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шенин Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA SARATOVSKOGO UNIVERSITETA. NEW SERIES.
SERIES: HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

Editor-in-Chief – Danilov V. N. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Chernova L. N. (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Rabinovich Ya. N. (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Battler Alex (New York, USA)

German A. A. (Saratov, Russia)

Golub Yu. G. (Saratov, Russia)

Denningkhauz Victor (Luneburg, Germany)

Kabytov P. S. (Samara, Russia)

Krelenko N. S. (Saratov, Russia)

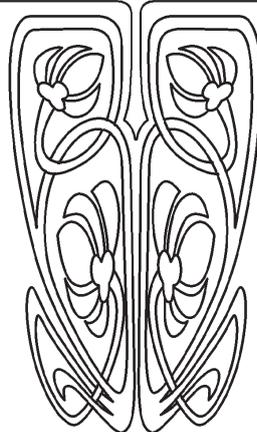
Mezin S. A. (Saratov, Russia)

Rayleigh Donald (Chapel Hill, USA)

Repina L. P. (Moscow, Russia)

Cherevichko T. V. (Saratov, Russia)

Shenin S. Yu. (Saratov, Russia)

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47).05+929Вильбуа

НИКИТА ПЕТРОВИЧ ВИЛЬБУА: ДВЕ ВЕРСИИ БИОГРАФИИ¹

С. А. Мезин

Саратовский государственный университет
E-mail: mezinsa@mail.ru

Статья посвящена одному из самых загадочных и скандальных источников по истории петровского времени – так называемым «Запискам Вильбуа». Автор сравнивает «автобиографический» рассказ «Записок» с реальной биографией француза на русской службе Никиты Петровича Вильбуа (1674–1760) и приходит к выводу, что последний не мог быть автором «Записок». Впервые на русском языке публикуется «автобиографическая» часть «Записок Вильбуа».

Ключевые слова: французская россика XVIII века, Н. П. Вильбуа, Петр I, Екатерина I, Е. И. Глюк.

Nikita Petrovich Villebois: Two Versions of Biography

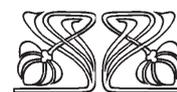
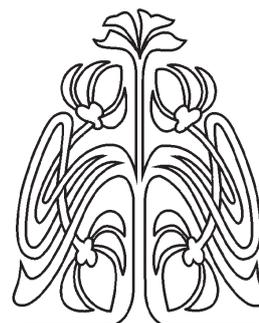
S. A. Mezin

This article is devoted to one of the most mysterious and notorious sources on history of Peter I's times. It is so called «Villebois's memoirs». The author compares «autobiographic» story of the «memoir» with the real biography of the French at the Russian service Nikita Petrovich Villebois (1674–1760) and comes to the conclusion, that Villebois couldn't write the memoir himself. The «autobiographic» part of «Villebois memoirs» is to be published in Russian for the first time.

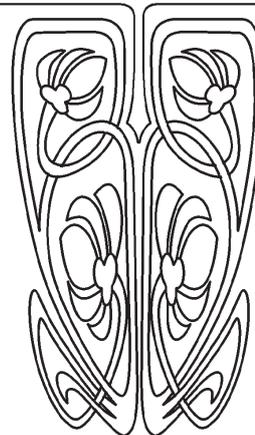
Key words: French rossika of the 18th century, N. P. Villebois, Peter I, Katherine I, E. I. Glück.

Никита Петрович Вильбуа не принадлежал к виднейшим деятелям петровской эпохи. При этом он входил в ближайшее окружение Петра I, был обязан царю своим появлением в России и своей карьерой и с полным правом может быть отнесён к «птенцам гнезда Петрова». Внешне его жизненный путь напоминает биографию «арапа Петра Великого» А. П. Ганнибала: оба родились вдалеке от России и попали в окружение русского царя волею случая, по-видимому, оба были крестниками Петра, оба некоторое время неотлучно находились при царской персоне, выполняя функции денщиков... Далее Ганнибал учился во Франции и успешно служил военным инженером, стал в конце жизни генерал-аншефом. Вильбуа сделал карьеру на флотской службе и достиг чина вице-адмирала. Принадлежит к младшему поколению «птенцов гнезда Петрова», они имели неприятности на службе после смерти первого императора и достигли пика своей карьеры при Елизавете Петровне. Оба получили от императрицы ордена Александра Невского. В биографиях петровских питомцев есть и чисто внешнее сходство: оба были женаты два раза, оба имели поместья в Прибалтике. По странному совпадению сын Никиты Петровича генерал-фельдцейхмейстер А. Н. Вильбуа отправил престарелого генерала Ганнибала в отставку. А. С. Пушкин прославил своего прадеда-арапа. В настоящее время ему посвящено несколько биографических книг². Личность Никиты Петровича Вильбуа до сих пор находится в тени³, хотя с его именем связан один из самых загадочных и скандальных источников по истории петровского времени – так называемые «Записки Вильбуа».

Автору этих строк уже приходилось выступать с докладами, посвященными биографии Никиты Петровича Вильбуа и приписываемым ему «Запискам»⁴. Настоящее сообщение ставит целью сопоставить «ав-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

тобиографический» рассказ «Записок Вильбуа» с фактами биографии Никиты Петровича Вильбуа, имеющимися в источниках, условно говоря, русского происхождения⁵. Таким образом, его «литературная» биография XVIII века сравнивается с её современной научной версией. Это позволит приблизиться к решению вопроса о происхождении и целях создания «Записок», о возможности их использования в качестве достоверного источника. Последний вопрос представляется особенно важным, ибо этот выдержанный в едином стилистическом ключе текст содержит биографические материалы не только о Н. П. Вильбуа, но и о Петре I и его ближайшем окружении – царицах Евдокии Лопухиной и Екатерине Алексеевне, а также об А. Д. Меншикове. Тем более что после публикации на русском языке «Записки Вильбуа» достаточно широко востребованы современными историками.

Давняя историографическая традиция (кажется, она идет от французского историка России П.-Ш. Левека) приписывает авторство «Записок» французу на русской службе Н. П. Вильбуа. Тексты, входящие в «Записки Вильбуа», неоднократно, начиная с 1740-х гг., издавались в разных комбинациях на французском языке без указания авторства. В 1853 г. Теофиль Алез издал записки в наиболее полном составе по рукописи, хранящейся в Парижской Национальной библиотеке, безоговорочно приписав их авторство Вильбуа⁶. В 2006 г. во Франции вышло новое издание «Записок Вильбуа» под названием «Секретные записки бретонца при российском дворе Петра Великого»⁷. Подготовивший это издание Бернар Ле Най полагает, что тексты были написаны кем-то близким к Вильбуа, но не самим бывшим денщиком царя, который мог выступать лишь в роли информатора.

Впрочем, специальному источниковедческому анализу это сочинение почти не подвергалось. Единственная статья о «Записках Вильбуа» была написана советским историком Л. А. Никифоровым⁸ и содержала лишь самую общую характеристику текста, который к тому времени не был опубликован на русском языке. Никифоров относил «Записки» к мемуарным источникам и склонялся к мысли не только об их достоверности, но и о подлинности авторства Вильбуа. Лишь принадлежность французу на русской службе первого рассказа (посвященного самому Вильбуа) вызывала у исследователя серьезные сомнения.

В 1991 г. А. А. Никифоров опубликовал сборник анекдотов под названием: Вильбуа. «Рассказы о российском дворе» (перевод Г. Ф. Зверевой)⁹. Эта публикация, давшая, наконец, возможность российским читателям познакомиться с весьма пикантными анекдотами, является неполной и ущербной. Публикатор опустил первый анекдот, касающийся Вильбуа, не указав, по какой рукописи печатается текст, не сопроводил его научным комментарием. А. А. Никифоров поддержал версию своего деда об авторстве Вильбуа.

Интересующий нас рассказ о жизни Вильбуа отсутствует в русском издании «Записок», а во французском издании 2006 г. дан в виде отдельных отрывков. Он имеется под названием «Биографическая заметка» во французском издании «Записок» 1853 г.¹⁰ Однако публикатор Теофиль Алез, хотя и рассматривал этот рассказ как биографию «не щадящего себя» автора, написанную для узкого круга ближайших друзей¹¹, опустил некоторые пикантные детали. В наиболее полном виде биографический рассказ представлен в рукописных вариантах «Записок», один из которых находится в составе Библиотеки Вольтера в Российской национальной библиотеке¹². Имеющиеся здесь ссылки на европейские издания позволяют датировать эту редакцию «Записок» 1740–1745 гг. В пользу такой датировки свидетельствуют и водяные знаки на бумаге рукописи. Два вида филиграней имеют дату: 1742.

Далее приводится впервые переведенный на русский язык рассказ, героем которого выступает Н. П. Вильбуа. В основу перевода положен текст издания Т. Алеза, дополненный по рукописи из Библиотеки Вольтера. Отрывки, опущенные французским издателем, приведены в квадратных скобках. Комментарий к тексту имеет целью ответить на вопросы, сформулированные в начале статьи.

Вильбуа. Анекдот о российском дворе в царствование Петра I и его второй жены Екатерины¹³

Господин Вильбуа, морской офицер в России, был сыном обедневшего и обремененного многочисленным семейством дворянина из Нижней Бретани. Семья содержалась на доходы от подпольной торговли с английскими контрабандистами, которые приезжали на Бретонское побережье. В эту торговлю были вовлечены и те из детей, которые были в состоянии ею заниматься. Как известно, сие сомнительное занятие рано или поздно приводит участников к пагубным последствиям.

Сведения о происхождении будущего моряка в этом рассказе не отличаются особой точностью. Современный бретонский краевед указывает, что будущий моряк был крещен в соборе Сент-Обен в Геранде 23 марта 1681 г.¹⁴ Это дата плохо согласуется с документальным показанием Никиты Петровича о том, что он начал служить во флоте с 1690 г.¹⁵ Вызывает вопросы и его фамилия Вильбуа (Villebois). Автор «Записок», написанных безупречным французским языком, писал её именно так: Villebois. В документах русский француз подписывался иначе: «Nikite Wilboi» или даже «Mikit Wilboved». Это несоответствие не может не показаться странным. Как утверждает Бернар Ле Най, нашего героя в действительности звали Франсуа Гийемо де Ла Виллебьё (Francois Guillemot de La Villebiot). Он принадлежал к старинному дворянскому роду Гийемо, известному в Бретани с XIV в. В России Франсуа Гийемо принял фамилию своего отца, происходившую от названия поместья

Виллебё, которая трансформировалась в более удобопроизносимую – Вильбуа¹⁶. Бернар ле Най установил, что отец будущего моряка был хирургом. Имеются достоверные сведения о шести его детях. Можно сомневаться в том, что хирург, живший в городе Геранд, расположенном не на морском берегу, занимался морской контрабандой.

Господин Вильбуа, о котором идет речь, в возрасте 15 лет до такой степени оказался втянутым в одно из этих дел, что был вынужден бежать в Англию. Имевшиеся у него рекомендательные письма обеспечили ему место младшего офицера на военном корабле, где ему представилась возможность познакомиться с царем Петром I и понравиться ему.

Указание на возраст и занятия молодого Вильбуа не согласуются с данными из источника, происходившего лично от Никиты Петровича. Он писал, что с 1690 г. находился на французской военно-морской службе: «служил на фрегате, на котором в 1692-м будучи, в морской баталии взят английским фрегатом в полон и был четыре года в службе английской и ходил в разные гишпанские порты»¹⁷. Однако показания престарелого Никиты Петровича о начальном этапе его жизни точностью не отличаются.

Когда английское судно, на котором служил Вильбуа, зашло в порт Тексель, царь находился в Саардаме, где он изучал кораблестроение под видом простого голландского матроса. Узнав, что английский военный корабль готов к отплытию в Лондон, он погрузился на него инкогнито с тем, чтобы там усовершенствовать свои знания навигации, полученные в Голландии. Во время путешествия от Текселя к берегу Англии корабль попал в бурю, продолжавшуюся трое суток, настолько сильную, что капитан и команда, охваченные ужасом ввиду необыкновенной опасности, удрученные усталостью и ожидавшие только своей гибели, находились в бездействии, уже не помышляя предпринимать какие-либо маневры, чтобы избежать угрожавшей им смерти либо отдалить её. Тогда Вильбуа спас всех своими смелыми и отважными действиями, хотя казалось, что он мог тысячу раз потерять свою жизнь.

Царь, любивший необыкновенных людей и восхищенный мужеством Вильбуа, обнял его и воздал достойную похвалу его действиям. Монарх настойчиво попросил его покинуть английскую службу с тем, чтобы поступить на его не только в качестве морского офицера, но и в качестве адъютанта, чтобы он всегда был рядом с ним и на суше, и на море. Таким образом, он дал ему две должности: адъютанта и капитана своих кораблей. Вильбуа, более очарованный лаской своего нового господина, чем его благодеяниями, с радостью принял оба предложения и приобрел такое доверие и милость государя, что трудно передать словами.

Сведения о том, что царь плыл из Голландии в Англию инкогнито из порта Тексель, а до этого

якобы находился в Саардаме, не соответствуют действительности. Не вызывает сомнений лишь тот факт, что Вильбуа оказался в составе экипажа эскадры, посланной по приказу Вильгельма III в голландский порт Гельветслуйс, чтобы перевести Петра I со свитой из Голландии в Англию. Там же, в Голландии, он был принят царем на русскую службу в январе 1698 г., когда английская эскадра адмирала Д. Митчелла прибыла в голландскую гавань¹⁸. Детали рассказа противоречат хорошо известным фактам из истории Великого посольства. Известно, что морской путь из Гельветслуйса в Англию составил не трое, а двое суток, погода была «бурная, но благоприятная», всю дорогу 9–10 января царь провёл в общении с контр-адмиралом Д. Митчеллом¹⁹. Вопреки рассказу, Пётр I далеко не сразу оценил в молодом Вильбуа качества моряка. В действительности он вначале был денщиком и адъютантом царя и лишь с 1715 г. его имя появилось в списках морских офицеров.

Этот дворянин из Нижней Бретани ни в чем не противоречил мнению, которое существует о людях его провинции. Они славятся прекрасными матросами, хорошими солдатами, отважными до свирепости, любителями выпить и бросаться во все крайности, едва выпив вина. Известно, что последствия выпивки отличаются в зависимости от темперамента и склонностей индивида; так же она провоцирует у кого-то мрачное уныние, в то время как у других оживление и веселье, а в некоторых будит ярость и необузданную страсть.

Прежде чем говорить об эффекте, производимом вином на Вильбуа, надо отдать ему должное и сказать, что он по возможности избегал случаев выпить, но попойки были столь частыми при дворе, где он находился, что ему не всегда удавалось их избегать. Необходимо добавить, что люди, побуждавшие его перейти установленные им самим границы, не менее достойны осуждения, чем он.

В самом деле, все были осведомлены, что помимо многочисленных ссор в пьяном виде, он убил трех человек в различных ситуациях. Царь простил ему эти трагические выходки, ценя его замечательные качества, настолько редкие, насколько и существенные в человеке, который должен повсеместно сопровождать своего монарха.

Этими качествами были привязанность и храбрость, верность и умение хранить тайны при всех испытаниях. Однако справедливость требует заключить сказанное выше тем, что пьянки господина Вильбуа сопровождалась приступами ярости, выводившей его из себя. Эта ярость, как мы увидим ниже, не всегда была смертоносной. И вот доказательство.

Сюжет о пьянстве при дворе Пётра I был общим местом в записках иностранцев о России. Ю. Юль, Г. Ф. Бассевич, Ф. В. Берхгольд много писали о принуждении к питию на царских пирах. Отнюдь не случайно эта тема возникла в рассказе о Вильбуа, который был не просто слугой и при-

дворным Петра I, но членом его «кумпании» – узкого круга друзей и собутыльников царя, членов Всешутейшего собора. В наполненных грубоватым юмором письмах к сестре Вильбуа предстает как большой почитатель Бахуса. Чарка, рюмка и стакан во всех письмах служат предметами шуток Вильбуа²⁰. Однако его документальная биография не содержит даже намека на совершенные им убийства. Возникает подозрение, что автор рассказа в данном случае использовал факт из жизни другого француза, служившего русскому царю – Ж. Г. Ламбера де Герена. Последний в ссоре заколол голландского капитана, но был оправдан Петром²¹.

Однажды, когда царь был в Стрельне, загородном доме на берегу залива в нескольких лье от Санкт-Петербурга, он поручил господину Вильбуа секретное послание к царице Екатерине, которая была в Кронштадте.

В тот день был сильнейший холод, который можно почувствовать в северных странах, и против которого у путешественников есть только одно верное средство: несколько стаканов водки в дороге. Вильбуа им воспользовался, хотя и в меру, по дороге из Стрельны в Кронштадт, куда он прибыл, имея спокойный вид. Таким он и показался всем офицерам охраны, перед которыми он должен был предстать, прежде чем проникнуть в апартаменты царицы.

К сожалению, прежде чем ввести его в её комнату, где она ещё спала, его заставили ждать в кабинете, где было слишком жарко. Перепад температуры и водка, выпитая по дороге, произвели в нем в момент, когда его подвели к кровати царицы, резкую перемену, которую дамы, сопровождающие его, не заметили и выжили, дав возможность свободно сказать царице то, что ему было приказано ей сообщить тет-а-тет. [Весьма вероятно, что в смятении чувств, не замечая ничего, кроме прекрасной женщины между двумя простынями, он забыл, кем она была, и что он должен был ей сказать. Без всяких разговоров, предваряющих акцию, которую он себе позволил, он внезапно сорвал покрывало с постели этой монархини и изнасиловал её, не дав ей времени позвать на помощь женщин, которые удалились из скромности в другую комнату.

Мы бы допустили большую неточность в анекдоте, сказав только (как это говорилось в то время и потом), что господин Вильбуа решил изнасиловать императрицу. Это выражение не передаёт идею насилия настолько полно, как это было в данном случае, поскольку эта монархиня вынуждена была прибегнуть к помощи своего хирурга с целью залечить ущерб, нанесенный её чести, чтобы не осталось последствий этой жестокости со стороны мужчины, которого природа слишком щедро наградила для продолжения его рода. Его друзья по дебошам говорили, что обычно он встречал только жестокий отказ (со стороны женщины), с чем ему трудно было смириться. Как

бы то ни было, этот природный дар был сначала источником его несчастья, а затем – его удачи и спокойствия. Я говорю о его несчастье, потому что в наказание и для исправления преступления он был приговорён к двум годам каторги.]

Никто не сомневался, что наказание не соответствовало преступлению, и Петр I в этом случае показал пример невероятного милосердия для государя, имевшего репутацию человека строгого до жестокости. Однако еще более удивительно, что, узнав об этом происшествии, он не выказал ни малейшего признака гнева или негодования в отношении Вильбуа. Он его пожалел, говоря, что прекрасное знание натуры и характера этого офицера убеждает в том, что помыслы разума и рассудка не имели никакого отношения к его действию. Спрашивая тех, кто отчитывался перед ним, о том, что стало с виновным и где он находится, и услышав в ответ, что его связали и отправили в тюрьму, где его оставили спящим, царь заметил: «Держу пари, что если после пробуждения его спросят, почему он в тюрьме, он не будет знать, и даже если его спросить, почему он в тюрьме, он не будет знать, и даже если ему сообщить все обстоятельства его действий, он не захочет этому поверить».

«Тем не менее, надо, – добавил он, шагая в раздумье по своей комнате, – наказать его в наказание другим: даже если это животное невинно, ... посадить его на два года на цепь». Куда Вильбуа и был отправлен без суда, лишь по устному приказу царя. Там он не посылался ни на какие тяжелые работы и пробыл лишь шесть месяцев. После этого государь призвал его к себе, восстановил его в прежних обязанностях и относился к нему с тем же доверием, что и раньше.

Эпизод надругательства над женой царя является центральным в «автобиографической» части «Записок Вильбуа». Вероятность этого скандального случая ничтожно мала. Из контекста следует, что инцидент произошел, когда Екатерина уже стала официальной женой царя (февраль 1712), а Вильбуа ещё не был женат. Последний женился вторым браком в январе 1715 г., уже имея от первого брака сына, родившегося в 1711 г.²² Если учесть, что наш герой был шафером на свадьбе Петра с Екатериной, а затем сопровождал его в походах вплоть до тяжелого ранения в августе 1713 г., а в январе 1715 г. уже праздновал свадьбу со второй женой «в доме Его Величества»²³, то для брутального эпизода и последующей ссылки на галерею просто не остаётся времени. Не вызывает сомнения и место происхождения: первый дворец («maison de plaisance») в Стрельне был заложен около 1714–1715 гг., а царь побывал в нем впервые 25 октября 1717 г.²⁴ Более чем сомнительно и пребывание Екатерины в Кронштадте отдельно от мужа в холодное время года.

Однажды царь дружески беседовал с Вильбуа о необходимости жениться и предложил ему в жены одну из фрейлин царицы. Она не была кра-

савицей, но [была большой, хорошо сложенной, очень рассудительной, и] происходила из очень хорошей семьи из Ливонии. Семья владела в этой провинции прекрасными землями, к которым царь добавил другие в Финляндии, Эстонии и Ингрии. Вильбуа без колебаний дал свое согласие на этот брак. Все ожидали немного больше сопротивления со стороны девицы Глюк (так она звалась). Правда, на первое сделанное ей предложение она ответила только слезами, которым люди рассудительные и любители глупых шуток дали разную интерпретацию соответственно их собственным характерам.

Брак, тем не менее, состоялся, несмотря на противодействие и скрытые инсинуации некоторых родственников девушки, которые запугивали её различными бедами, которым она себя якобы подвергала. Она закрыла им рот, сказав, что воле такого могущественного государя, как царь, не сопротивляются понапрасну, к тому же умная девушка умеет быть готовой ко всем событиям и всем ситуациям в жизни, и что если у нее случится беда, она сумеет ее воспринять терпеливо.

Если у нее и случались беды, она хорошо умела их скрывать, так как она и ее муж всегда казались живущими вместе в идеальном согласии. В браке у них было несколько детей, которым они дали очень хорошее воспитание. И можно сказать, что этот брак составил счастье и покой господина Вильбуа, а его жена никогда не имела повода жаловаться.

В этом рассказе есть один несомненно достоверный факт – Елизавета Ивановна Глюк действительно была женой Никиты Петровича Вильбуа, но не первой, а второй. Первым браком Никита Петрович был женат на некоей Юшковой²⁵ (по другим сведениям, его первой женой была Н. Коскуль) и имел от неё сына Даниила. Вторая жена Елизавета Ивановна была дочерью пастора Эрнста Глюка, в доме которого воспитывалась будущая Екатерина I. Елизавета Ивановна Вильбуа была статс-дамой Екатерины I²⁶. 15 января 1716 г. Пётр I крестил сына Никиты Петровича и Елизаветы Ивановны Александра. От себя, своей жены и дочерей царь пожаловал по этому случаю 24 червонных, проявив изрядную щедрость²⁷.

Приведенный выше рассказ не является биографией, а тем более автобиографией Никиты Петровича Вильбуа. Здесь не нашла отражения его служебная карьера – важнейшая сторона жизни этого обходительного придворного, а главное, умного, смелого и находчивого морского командира, который выполнял ответственные и опасные поручения царя и оставался служакой петровской закалки вплоть до старости. В «Записках» с молодости замешанный в преступных делах Вильбуа рисуется как смелый, необузданный и порочный человек. Даже со скидкой на нравы и авторский цинизм XVIII в. трудно предположить, что Вильбуа мог так написать о себе. Имеются здесь и очевидные фактические ошибки, которые сам

Вильбуа не мог допустить. По сути изложенные здесь факты не соответствуют событиям документальной биографии француза на русской службе.

В рассказе, выдержанном в насмешливом духе, обыгрывается специфика характера бретонцев, а также физические (на грани пристойности) особенности героя. К их проявлениям, собственно, и сводится вся фабула рассказа. По своему жанру и по насмешливому стилю изложения этот рассказ является типичным анекдотом, то есть неизданным рассказом о жизни известного человека, нередко содержащим занимательные, пикантные детали²⁸. К этому распространенному в XVIII в. жанру относятся и другие рассказы «Записок», что прямо следует из их заголовков. Название текста «Вильбуа. Анекдот о российском дворе в царствование Петра I и его второй жены Екатерины» было неверно истолковано историками как указание на авторство. Итак, Вильбуа – лишь герой одного из анекдотов, но не автор сборника, лишь по недоразумению названного «Записками Вильбуа». Нельзя согласиться и с версией Никифоровых, считавших, что «Записки» были написаны Н. П. Вильбуа, а первый рассказ ему не принадлежит. Кроме уже отмеченного стилистического единства, на это указывает фраза из рассказа о Екатерине I, где упоминается «морской офицер Вильбуа, анекдот о котором я уже рассказывал отдельно»²⁹.

Конечно, Н. П. Вильбуа не мог быть автором этого и следующих рассказов, появившегося у Вольтера в то время, когда наш герой еще находился на царской службе. Показательно, что в своем прошении об отставке 1746 г. Вильбуа жаловался на старческие болезни, «дряхлость» и на то, что «в памяти стал быть слаб»³⁰. Эти личные показания несовместимы с датировкой первой половиной 1740-х гг. сборника анекдотов, написанных блестящим французским языком в злой манере «eloquentia canina».

Кто же мог быть автором анекдота о Вильбуа и всего сборника? Косвенный ответ на этот вопрос содержится в одной из рукописей анекдотов, хранящейся в Российской национальной библиотеке и относящейся к середине XVIII в. На её первом листе имеется надпись: «Ce manuscrit rare et précieux vient d'un ministre de France resident à la cour de Russie du temps de Pierre I-er et témoin de tous les faits qu'il avance»³¹. Обнаруживший эту надпись Рудольф Минцлов предположил, что основным автором записок был французский посол в России Ж.-Ж. Кампредон, а его помощником и автором наиболее злобных инвектив мог быть дипломат и шведский шпион Андре Сикье³², бывший прежде офицером на службе Карла XII. Однако наблюдения Минцлова остались незамеченными.

Подводя итог, ещё раз подчеркну, что так называемые «Записки Вильбуа» содержат беллетризованную, в значительной степени вымышленную версию биографии Никиты Петровича Вильбуа, которая лишь отдалённо перекликается с фактами

жизни француза на русской службе. Приведенные в анекдоте детали биографии Вильбуа были призваны дискредитировать обрусевшего, перешедшего в православие француза, а заодно – русского царя, его жену и их «варварский» двор.

Примечания

- 1 Публикуется расширенный текст сообщения, с которым автор выступил на семинаре «Писать биографии» в Германском историческом институте в Москве в апреле 2012 года. Работа выполнена при поддержке Дома наук о человеке (Париж).
- 2 См.: *Леец Г.* Абрам Петрович Ганнибал : Биографическое исследование. Таллин, 1984; *Гнамманку Д.* Абрам Ганнибал : черный предок Пушкина. М., 1999; *Телетова Н. К.* Жизнь Ганнибала – прадеда Пушкина. СПб., 2004.
- 3 Краткие биографии Н. П. Вильбуа содержатся в справочных изданиях : *Веселаго Ф. Ф.* Очерк русской морской истории. СПб., 1875. С. 292–293, 301–302, 329–331 ; (*Веселаго Ф. Ф.*) Общий морской список. Ч. 1 : От основания флота до кончины Петра Великого. СПб., 1885. С. 76–79 ; *Les Français en Russie au siècle des Lumières. Sous la direction d'Anne Mézin et de Vladislav Rjéoutski.* Ferney – Voltaire, 2011. Vol. 2. P. 402–403.
- 4 *Мезин С. А.* Никита Петрович Вильбуа // Труды Государственного Эрмитажа: Т. 58 : Петровское время в лицах – 2011 : К 30-летию Отдела Государственного Эрмитажа «Дворец Меншикова» (1981–2011) : материалы научной конференции. СПб., 2011. С. 281–290 ; *Мезин С. А.* Никита Петрович Вильбуа : друг или враг Петра Великого? // *LiteraruS* (Финляндия). 2012. № 4. С. 10–16 ; *Мезин С. А.* Об одном источнике «Истории Российской империи при Петре Великом» Вольтера : так называемые Записки Вильбуа // *Вольтеровские чтения*. Вып. 2 (в печати).
- 5 Биографические сведения о Н. П. Вильбуа происходят из разных источников. Во-первых, это опубликованное П. И. Бартеневым «всеподданнейшее прошение об отставке с изложением служебного поприща», адресованное императрице Елизавете Петровне и подписанное «Никитой Петровым сыном Вильбо» в октябре 1746 г. (Контр-адмирал Никита Петрович Вильбуа (Автобиографические показания) // *Русский архив*. 1867. Кн. 10. Стб. 1188–1199). Здесь же помещена его краткая переписка с кабинет-секретарем бароном И. А. Черкасовым, относящаяся к 1754 г. Ценные сведения для служебной биографии француза содержатся в письмах и бумагах Петра I, адресованных Вильбуа. Эти документы, числом более 30, когда-то находились в личном архиве адмирала. Они были использованы Черкасовым в работе над «Историей Свейской войны». Частично они были опубликованы в «Деяниях Петра Великого» И. И. Голикова, в «Жизнеописаниях первых российских адмиралов» В. Н. Берха и в фундаментальном издании «Письма и бумаги Петра Великого». Три письма Никиты Петровича к сестре были опубликованы Г. В. Есиповым (Письма Н. П. Вильбуа к сестре // *Исторический вестник*. 1881. № 8. С. 937–938). Имеется также краткая биографическая справка в «Подлинных анекдотах Петра Великого» Я. Штелина, где приведен анекдот, записанный со слов Вильбуа (*Штелин Я.*) Подлинных анекдоты Петра Великого. М., 1787. С. 545–546, 313–315). Все эти биографические материалы, отложившиеся в русских архивах и опубликованные в отечественных изданиях, представляют собой внутренне непротиворечивый комплекс источников, дополняющих друг друга.
- 6 *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la cour de Russie, sous les règnes de Pierre le Grand et de Catherine I-re, rédigés et publiés, pour la première fois, d'après les manuscrits originaux du sieur de Villebois, chef d'escadre et aide-de-champs de S. M. le Czar Pierre I-er, par Théophile Hallez.* Paris, 1853.
- 7 *Guillemot dit Villebois F.* Mémoires secrets d'un Breton à la cour de Russie sous Pierre le Grand. Rennes, 2006.
- 8 *Никифоров Л. А.* Записки Вильбуа // *Общество и государство феодальной России* : сб. статей, посвящ. 70-летию академика Льва Владимировича Черепнина. М., 1975. С. 219–225.
- 9 *Вильбуа.* Рассказы о российском дворе // *Вопросы истории*. 1991. № 12. С. 192–206 ; 1992. № 1. С. 139–155 ; 1992. № 4–5. С. 137–148.
- 10 *Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la cour de Russie.* P. 1–10.
- 11 *Ibid.* P. VI–VII.
- 12 *Memoires pour l'histoire de Russie par Voltaire.* Tom II. Bibliothèque de Voltaire, arm. 5. № 242. F. 1–10.
- 13 Этот вариант названия, позволяющий рассматривать Вильбуа не как автора, а как героя рассказа, содержится в рукописи Библиотеки Вольтера.
- 14 *Guillemot dit Villebois F.* Mémoires secrets d'un Breton à la cour de Russie sous Pierre le Grand. P. 186.
- 15 Контр-адмирал Никита Петрович Вильбуа (Автобиографические показания) // *Русский архив*. 1867. Кн. 10. Стб. 1189.
- 16 *Guillemot dit Villebois F.* Mémoires secrets d'un Breton à la cour de Russie sous Pierre le Grand. P. 183–187.
- 17 Контр-адмирал Никита Петрович Вильбуа (Автобиографические показания). Стб. 1189.
- 18 *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии : в 5 т. Т. 2. Первое заграничное путешествие. М., 2007. С. 329. Однако Вильбуа не мог начать свою службу царю в октябре 1696 г., как указывал в конце жизни в автобиографических показаниях.
- 19 *Богословский М. М.* Петр I. Материалы для биографии. С. 334 ; *Гузевич Д. Ю., Гузевич И. Д.* Великое посольство : Рубеж эпох, или Начало пути : 1697–1698. СПб., 2008. С. 166.
- 20 Письма Н. П. Вильбуа к сестре // *Исторический вестник*. 1881. № 8. С. 937–938.
- 21 *Шарьмов А. М.* О Ламбере де Герэне // *История князя Меншикова*. СПб., 2003. С. 42–43. *Данков М. Ю.* «Первоклассный офицер, дуэлянт, придворный шут, дезертир...» // *История в подробностях*. 2012. № 7. С. 30–37.
- 22 (*Transehe-Roseneck A. von*) *Genealogisches Handbuch der Baltischen Ritterschaften.* Teil 1–2 : Livland,

- lfg. 9–15. Gorlitz, 1935. S. 804. Впрочем, дата вызывает сомнение.
- ²³ (Веселаго Ф. Ф.) Общий морской список. Ч. 1. С. 76.
- ²⁴ Горбатенко С. Б. Архитектура Стрельны. СПб., 2006. С. 139.
- ²⁵ Лобанов-Ростовский А. Б. Русская родословная книга. СПб., 1895. Т. 1. С. 99.
- ²⁶ Агеева О. Г. Императорский двор России, 1700–1796 годы. М., 2008. С. 244.
- ²⁷ Сборник выписок из архивных бумаг о Петре Великом. М., 1872. Т. 2. С. 7.
- ²⁸ См.: Мезин С. А. Анекдоты о Петре Великом как явле-

- ние русской историографии XVIII века // Историографический сборник. Саратов, 2002. Вып. 20. С. 18–54.
- ²⁹ Вильбуа. Рассказы о российском дворе // Вопросы истории. 1992. № 1. С. 152.
- ³⁰ Контр-адмирал Никита Петрович Вильбуа (Автобиографические показания). Стб. 1198.
- ³¹ «Эта редкая и ценная рукопись происходит от французского посла при Российском дворе времени Петра I и свидетеля всех дел, которые он начал». ОР РНБ. Фр. FIV. № 162. Л. 1.
- ³² Минцлов Р. И. Петр Великий в иностранной литературе. СПб., 1872. С. 151–152 (на франц. яз.)

УДК 94 (47). 081

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОЕКТА ЗЕМСКОЙ РЕФОРМЫ В ГОСУДАРСТВЕННОМ СОВЕТЕ: ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Е. Н. Морозова

Саратовский государственный университет
E-mail: morozovaen@mail.ru

Статья посвящена бурной полемике в Государственном совете по поводу принципов формирования органов местного самоуправления, предложенных в валуевском проекте земской реформы. Выявлены изменения, которые внес Государственный совет в избирательную систему. Показан абстрактный характер электоральной системы, которая при реализации в ряде губерний и уездов, привела к неожиданным результатам для законодателя. Организация земских учреждений на основе утвержденной избирательной системы таила в себе причины возникновения земского либерализма.

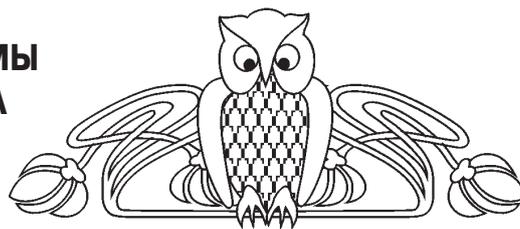
Ключевые слова: Государственный совет, земство, земские учреждения, органы местного самоуправления, избирательная система, избирательные курии, имущественный ценз, принципы всеословности и бессловности, активное и пассивное избирательное право, П. А. Валуев, Д. А. Милютин, Г. А. Щербатов, М. А. Корф, Н. И. Бахтин.

Discussion of Zemstvo Reform Project in the State Council: Polemics Over Electoral System

E. N. Morozova

The paper is dedicated to the exuberant polemics in the State Council over the principles of forming self-government bodies that were put forward in Valuev's project of zemstvo reform. The alterations into electoral system entered by the State Council are identified. The abstract character of electoral system is shown which after its realization in a number of gubernias and uyezds led to the unexpected results for legislator. Organization of zemstvo establishments based on the approved electoral system contained the reasons for emergence of zemstvo liberalism.

Key words: State council, zemstvo, zemstvo establishments, local self-government bodies, electoral system, electoral curiae, property census, principle of all levels inclusion, active and passive electoral right, P. A. Valuev, D. A. Milyutin, G. A. Sherbatov, M. A. Korf, N. I. Bahtin.

Последний этап разработки земской реформы был связан с обсуждением валуевского проекта в Государственном совете¹.

Судя по записям в дневниках П. А. Валуева и журналам заседаний Государственного совета, характерной чертой дискуссий по проекту земской реформы стал весьма бурный их характер. Особенность жарких споров заключалась в том, что наметились расхождения по всем основным проблемам организации и компетенции будущих органов самоуправления даже между бывшими союзниками. Видимо, для Валуева этот оборот событий был неожиданным, ибо он был страшно недоволен ходом обсуждения проекта реформы в Государственном совете. Недаром министр внутренних дел сравнивал прения в Государственном совете с «вавилонской башней» (Tour de Babel)². Сами заседания он характеризовал как «жалкое зрелище», «тупо» и «тяжело идущие», «невежественные», «беспутные и неприличные»³.

П. А. Валуев писал о «неспособности и самонадеянности экспертов». По его мнению, Петербургский предводитель дворянства кн. Г. А. Щербатов, «обуреваемый сильнейшим самолюбием и честолюбием, пытался не слишком удачно ораторствовать», а московский городской голова кн. А. Щербатов был «весьма бледен»⁴.

Министр был разочарован «разладом между неэкспертами»⁵. Раздавая направо и налево нелестные характеристики и эпитеты, Валуев не жалел ни друзей, ни врагов. Яркое свидетельство тому – дневник министра внутренних дел. На его страницах Рейтерн автор дневника обвинял в «полуопрометчивости, полунедобросовестности», кн. А. А. Меншикова – в том, что он «опустился умственно». По поводу гр. Д. Н. Блудова и кн. П. П. Гагарина министр внутренних дел скептически замечал, что их «старческая энергия

смешна». Бахтина он упрекал в том, что тот «идет в свойственном ему радикальном направлении далее проекта». Адлерберг и Толстой, по мнению Валуева, видели в земских учреждениях только «удила и почту», а «красный» Д. А. Милютин «озабочен демократической нивелировкой представительства». М. А. Корф был удостоен сравнения с «вечным маятником между крайними, проходящим через середину, но никогда на ней не останавливающимся»⁶.

Для В. Н. Панина, который солидаризировался с Валуевым по многим основным вопросам, была припасена фраза: «Какая мелочь все эти людишки!». Досталось и ближайшему сподвижнику П. А. Валуева, шефу жандармов В. А. Долгорукому. Последний, по словам союзника и друга, «варит медленно» и видит проект как «туманное пятно, которое ему не разглядеть даже в телескоп»⁷.

В своем дневнике П. А. Валуев сравнивал свое умение вникать в суть проблемы, отстаивать собственную точку зрения и отношение к обсуждаемым вопросам большинства членов Государственного совета, у которых нет «даже и приблизительно полного понятия о предмете суждения». Валуев считал себя единственным человеком в этом учреждении, «умеющим работать по-европейски» и выносить всю «тяжесть прений» в условиях недоброжелательного отношения к нему председателя Государственного совета⁸.

Несмотря на желчные и не всегда справедливые характеристики коллег, Валуев подметил одну важную черту: большой разброс мнений по всем предлагавшимся на обсуждение частям проекта земской реформы. Здесь очень сложно выделить группы единомышленников, ибо даже противники проекта не имели общих взглядов по тем или иным обсуждавшимся проблемам.

Одним из главных дискуссионных моментов стала избирательная система, предложенная в валуевском проекте⁹.

В целом при обсуждении вопроса о составе земских учреждений наметились две основные точки зрения: земство сословное и бессословное¹⁰. Кн. Г. А. Щербатов, Д. А. Милютин, Н. И. Бахтин, М. А. Корф усматривали в системе, предложенной Валуевым, открытое внедрение принципа сословности. Валуева упрекали в искусственно установленном, чрезмерном и несправедливом перевесе «землевладельческого элемента в земских собраниях»¹¹.

Но единства в позициях критиков принципа сословности не было. Г. А. Щербатов и Н. И. Бахтин выступили инициаторами создания бессословного земства и предлагали основать земские учреждения на территориальном принципе, соединив всех избирателей в одно избирательное собрание, «без различий по сословиям и категориям, положив в основу только имущественный ценз», ибо «в делах земства лежат дела имущественные, но не сословные»¹².

Взгляды сторонников сословного земства также имели значительные расхождения. Д. А. Милютин, отрицая вообще существование сословий в России, считал, что в основу нужно положить двухкуриальную систему, создав курии собственников и сельских обществ. Это был более демократичный вариант двухкуриальной системы, ранее предложенной М. А. Корфом. Интересно отметить, что против предложения Д. А. Милютина выступил Г. А. Щербатов, заявивший, что «принадлежность собственности коллективным или отдельным владельцам не может обуславливать различий в делах земства»¹³.

В то же время, проповедуя полный разрыв с принципом сословности, авторы критических замечаний не отрицали, что в земских учреждениях «главное влияние будут иметь дворяне», особенно в распорядительных органах. Однако это преобладание будет связано не с их привилегированным статусом, а с личными качествами, с тем, что они более «опытны и способны» в делах управления¹⁴.

В защиту трехкуриальной системы, которая была предложена в обсуждаемом проекте, выступили: сам автор реформы – П. А. Валуев, В. Н. Панин и В. А. Долгоруков. Именно здесь министр внутренних дел достаточно откровенно изложил свои взгляды на принципы формирования земских учреждений, во многом отличающиеся от тех заявлений, которые делались им ранее (в частности, в докладе от 8 марта 1862 г.)¹⁵. В своей речи он подчеркнул, что «по принятым в проекте нормам число гласных от землевладельцев значительно превышает числа гласных от крестьян и городов. Это сделано неслучайно, ибо «имелось в виду сохранить первое место в делах земства за сословием, которое на самом деле есть сословие первенствующее и наиболее способно к занятиям делами земства»¹⁶.

Валуев отчетливо сформулировал свое понимание целей введения земской реформы: «Исходная точка составителей проекта есть правительственная. Земские учреждения учреждаются правительством на основаниях, соответствующих цели земских учреждений – призвания сословий к участию в делах, которые будут предоставлены их обсуждению. В проекте принято и уравновешивание различных интересов, но не как исключительно руководящее начало, а настолько, насколько оказалось нужным и полезным их уравновесить»¹⁷. Министр внутренних дел подчеркнул, что «основная мысль проекта противоречит буквальному равенству представительства сословий; напротив того, за сословием преобладающим и более способным к занятиям делами земства сохранено принадлежащее ему и ныне первое место»¹⁸.

В. А. Долгоруков, практически повторяя аргументацию П. А. Валуева, заявил, что перевес землевладельцев в земских учреждениях необходим, так как они «принадлежат к классу наиболее способному, образованному и привычному к делам управления». Причем шеф жандармов, пытаясь

скрыть истинную подоплеку дела, утверждал, что «землевладельцы принадлежат ко всем классам общества, и представление ему некоторого перевеса в делах земства» не имеет ничего общего с сословными привилегиями¹⁹.

В. Н. Панин четко определил суть правительственной политики, которая должна заключаться не в слиянии, а в соединении сословий. По его мнению, политика «совершенного уничтожения сословий» и «уравнения дворянства с городским и сельским сословием ошибочна» (курсив мой. – Е. М.). Панин правильно уловил паллиативный характер валуевского проекта, который «не имеет целью ни уничтожения сословий, ни поддержания существующего разъединения», но направлен на их сближение. Поэтому, по его мнению, идея создания одного избирательного собрания, основанного на территориальном принципе, не может иметь места в России²⁰.

Действительно, казалось бы, предложения представителей либеральной бюрократии о соединении всех избирателей в одно избирательное собрание на основе территориального принципа были крайне радикальными. Однако применительно к российской действительности все было не так-то просто. Видный российский правовед Н. М. Коркунов, исследуя избирательную систему по Положению 1864 г., отмечал, что разрешение этого вопроса на практике представляло большие трудности. Он полагал, что, «несмотря на всеми признаваемую тогда желательность устранения из организации земского самоуправления сословного начала, нельзя было не считаться с исторически выработавшейся резкой обособленностью отдельных элементов местного общества»²¹.

Действительно, радикальные предложения Г. А. Щербатова и Н. И. Бахтина, двухкуриальная система Д. А. Милютин и М. А. Корфа на практике не могли бы полностью ликвидировать элементы сословности. И дело заключалось не столько в том, что «при совместных выборах помещики, как более влиятельные... совершенно заслонят собой избирателей-крестьян»²², сколько в том, что существовавшая российская реальность не давала возможности выработать единые принципы избирательной системы для всех категорий избирателей. Принцип имущественного ценза был практически неприменим к крестьянам – членам сельских общин, не владеющих внеадельной землей. Вместе с тем нужно было понизить ценз для небольших уездных городов, почти не отличавшихся от деревни²³.

Таким образом, избирательная система, предложенная П. А. Валувым, имела под собой реальные основания, соответствующие социально-историческому развитию России, когда «самым естественным и удобным» являлось «деление уездного населения на три части: класс землевладельцев частных, не входящих в состав обществ, общества городские и общества сельские»²⁴. Это давало теоретическую возможность

создать сословные органы самоуправления с преобладанием дворянства. Однако обвинения в адрес Валуева в насаждении принципа сословности имели под собой почву.

Валуевский проект предполагал не только различия в имущественном цензе между тремя куриями, но и его разную величину в первых двух куриях. Увеличение размера имущественного ценза для недворян-землевладельцев, дарование пассивного избирательного права дворянам по всем трем куриям дало бы им значительный перевес в будущих земских учреждениях.

Государственный совет сохранил трехкуриальную систему выборов в уездные собрания на основе имущественного ценза, предложенную в валуевском проекте. Отказ от территориального принципа объяснялся тем, что «соединение избирателей в одно собрание было бы механическим и вызвало бы антагонизм между сословиями»²⁵. Вместе с тем Государственный совет смягчил сословную окраску избирательной системы. Имущественный ценз для дворян и недворян – землевладельцев в первой курии стал одинаковым: «Различие в цензе, имеющее сословное основание, не может быть принято для определения права быть избирателями интересов земских»²⁶.

По решению Государственного совета был ликвидирован одиозный принцип формирования курии сельских обществ из выборных от сельской администрации. Косвенные выборы сохранялись, но третье избирательное собрание составлялось из выборных от волостных сходов.

По предложению Н. И. Бахтина и М. А. Корфа²⁷ из проекта было изъято положение о различиях в пассивном и активном избирательном праве: любой избиратель мог быть избранным в распорядительные и исполнительные органы.

Государственный совет согласился с предложением Д. А. Милютин лишить права голоса арендаторов. Милютин объяснил свою позицию тем, что в западных губерниях среди арендаторов слишком велик процент польской шляхты, которая может оказать «разлагающее влияние на местное население»²⁸.

17 членов Государственного совета, в том числе Д. Н. Блудов, М. А. Корф, Н. И. Бахтин, Д. А. Милютин, А. В. Головнин, М. Х. Рейтерн, являлись последовательными сторонниками проведения принципа выборности в земских учреждениях и выступили против статьи проекта, по которой председатели губернских земских собраний назначались от короны. Свою позицию они объясняли тем, что, с одной стороны, «на назначаемых лиц будут смотреть как на начальников»; с другой – назначаемость председателя являет собой «выражение недоверия к собранию». Эти лица возражали и против председательства губернских предводителей дворянства в земских собраниях, что означало бы на практике «предпочтение дворянскому сословию». Они настаивали на избрании председателя большинством голосов из среды гласных²⁹.

Однако эти идеи вызвали резкие возражения П. П. Гагарина, В. А. Долгорукова, К. И. Чевкина, кн. А. А. Суворова, В. А. Татаринова, которые поддержали валуевский вариант назначения председателя земских собраний, доказывая, что подобный пост должны занимать лица, «облеченные особым высочайшим доверием и приобретенными вес в обществе, и известность в государстве своей службой». По их мнению, это должно возвысить «в глазах подданных значение земских учреждений»³⁰.

Государственный совет принял паллиативное решение: председателями земских собраний становились предводители дворянства, а исполнительные органы (губернские и уездные управы) возглавлялись выборными лицами из числа гласных.

В целом избирательная система, утвержденная Государственным советом и вошедшая в Положение 1864 г., строила земские учреждения на принципах всеобщности, имущественного ценза, выборности, гласности³¹. По мысли законодателя, трехкуральная система выборов, высокий имущественный ценз, лишавший права голоса многие слои населения, должны были обеспечить господство дворянства в земских учреждениях.

Т. Портер, анализируя избирательную систему по Положению 1864 г., отмечает, что имущественный ценз «преобладал, как правило, и в Западной Европе». По мнению автора, введение высокого имущественного ценза валуевским проектом «было призвано исключить потенциально ненадежную мелкую буржуазию и городскую интеллигенцию» из участия в местных делах³².

Большинство исследователей, как отечественных, так и зарубежных, не подвергают сомнению факт преобладания дворянства в земских учреждениях. Эта мысль высказывалась Б. Б. Веселовским, С. Я. Цейтлиным, В. В. Гармизой, которые подчеркивали, что «землевладельцам почти повсеместно было обеспечено сильнейшее относительное большинство»³³. Подобную точку зрения поддерживают Т. Эммонс и Т. Портер. В частности, Т. Эммонс заявляет, что «преобладание дворян в земствах было непреложным фактом в жизни этих всеобщных институтов местного самоуправления»³⁴.

Средние цифры в целом по земским губерниям России действительно свидетельствовали об этом, и Б. Б. Веселовский приводил, казалось бы, убедительную статистику.

Однако законодатель не смог учесть всего многообразия факторов, могущих оказать влияние на состав земских учреждений, и, прежде всего, распространение дворянского землевладения по уездам в различных группах губерний, различавшихся по своему хозяйственному облику.

Несмотря на то что Положение 1864 г. установило размеры поземельного ценза для 6 (позже 7) категорий уездов, нормы представительства и роспись уездных и губернских гласных, состав

земских учреждений не стал «прямым следствием избирательной системы», что утверждается некоторыми исследователями³⁵.

П. А. Валув в частном письме Ф. П. Корнилову от 27 августа 1865 г. привел данные выборов в уездные собрания по 16 губерниям России: дворян – 2769, крестьян – 2699, купцов и мещан – 702 человека. Он с горечью заметил, что «нумерическое преобладание дворянства не сказывается». В то же время Валув утверждал, «что же касается нравственного, т. е. превосходства образования, ума, знаний, то оно естественно»³⁶.

Социальный состав земских учреждений различался не только в рамках регионов (северных, центральных черноземных, южных степных), но и в рамках отдельных губерний по уездам, особенно на начальном этапе формирования органов земского самоуправления, о чем свидетельствуют региональные исследования. В уездных собраниях Самарской губернии дворяне составляли, в среднем, 28,8%, в Таврической – 34%, в Саратовской – 40,6%, в Калужской – 42,2%. Разительно отличался состав уездных земств в рамках отдельных губерний. В Вологодской губернии в Яренском и Усть-Сысольском уездах дворянство составляло всего соответственно 16,7% и 21,4% от количества уездных гласных. В Саратовской губернии в черноземных уездах с развитым дворянским землевладением (Аткарском, Петровском, Сердобском) дворянству в первые два трехлетия принадлежало свыше 50% голосов. Иная ситуация сложилась в юго-восточных уездах. В Камышинском уезде Саратовской губернии с широким развитием землевладения немцев-колонистов в уездное собрание был избран всего один дворянин, а в Новоузенском районе Самарской губернии «не было избрано ни одного представителя дворянства»³⁷. В основном дворянство избиралось по первой курии. В частности, в Московской губернии процент дворян, избранных по курии уездных землевладельцев, составил около 85%³⁸.

Дворянство преобладало в губернских собраниях и в исполнительных органах (губернских и уездных управах). В вышеупомянутом письме П. А. Валув, сопоставив состав уездных и губернских собраний, выяснил, что в последних очевидным было доминирование дворянства (дворян – 582, крестьян – 94, купцов – 95). Для него это был желаемый результат: «Иначе и быть не могло. Никогда не имелась в виду одинаковость состава губернских и уездных собраний». По его мнению, дворянский состав губернских собраний и управ является естественным³⁹, что, собственно, и предусматривалось Положением 1864 г.

В среднем удельный вес крестьянства в уездных собраниях, по подсчетам Б. Б. Веселовского, в 29 губерниях России составил 38,4%⁴⁰. Однако в ряде губерний он был намного ниже (в Самарской – 27%), в других – намного выше (в Вологодской – 65%). В некоторых уездах Вологодской губернии преобладание крестьян было абсолют-

ным: от 70 до 80%. Некоторые земства, такие как Вятское, вообще относили к «мужицким»⁴¹.

Удельный вес купечества в земских учреждениях в начальный период существования земских учреждений был относительно невелик, однако также различался по губерниям и уездам. В среднем в уездных собраниях по 29 губерниям России он составлял 10,4%, в губернских собраниях и управах – около 11%. Однако, например, доля купечества в Саратовской губернии варьировалась от 6% до 43% в различных уездах. В Самарской губернии купцы составляли более 1/3 количества уездных гласных, в Таврической – свыше 1/4⁴². Помимо всего, состав земских учреждений претерпевал определенную эволюцию в 70–80-е гг. XIX в.⁴³

Следовательно, состав уездных собраний был настолько различен по России, что это дало повод Б. Б. Веселовскому заметить, что при «поверхностном взгляде на земские собрания различных губерний, они кажутся до того несходными между собой, что как будто представляется даже невозможным искать общих движущих сил»⁴⁴.

Этот факт отмечался как представителями правительственной бюрократии, так и исследователями. Сенатор Шамшин, проводивший ревизию Самарской и Саратовской губерний в 1880-х гг., писал, что «закон создал известные нормы, которыми определялась организация земского представительства», но самый состав земских собраний был «обусловлен экономическими условиями владения недвижимыми имуществами в отдельных уездах России»⁴⁵. После отмены крепостного права в России шли новые социально-экономические процессы. Н. Н. Авинов, говоря о них, отмечал, что «процесс мобилизации поземельной собственности и рост ценности недвижимых имуществ изменяли состав класса частных собственников, что сказывалось и на составе земских собраний»⁴⁶.

Вместе с тем фактологический материал доказывает, что сама деятельность земских учреждений и, в частности, исполнительных органов, зависела не столько от социального состава, сколько от персоналий, от личных качеств председателей управ⁴⁷ и результатов борьбы между различными группировками (консервативными и либеральными) в органах местного самоуправления.

Таким образом, законодатель создал некую абстрактную схему, которая при реализации проекта стала наполняться реальным содержанием. Особенности социально-экономического развития губерний и уездов внесли свои коррективы в социальный состав органов местного самоуправления, обозначив определенные противоречия между тем, что предполагал законодатель, и тем, что получилось на практике.

Государственный совет определил принципы избирательной системы и структуру земских учреждений, имевших лишь среднее звено (исполнительные и распорядительные органы) на

уровне уезда и губернии. Вопрос о низшем звене (волостном земстве) и центральном земском представительстве в Государственном совете даже не ставился. Органы земского самоуправления современники именовали «зданием без крыши и фундамента».

Недаром П. В. Валуев, будучи дальновидным политиком, рассматривал земскую реформу как составную часть реформы государственного управления в рамках идей «правительственного конституционализма». В этом случае земства получили бы в урезанном виде общероссийское представительство, депутаты от которого составили бы подавляющее большинство в нижней палате парламента – Съезде государственных гласных. В письме к кн. С. Н. Урусову министр внутренних дел замечал: «Земские учреждения – суть учреждения соправительствующие и представительные. Дело не в количестве, а в свойстве, не в размерах, а в начале». Он подчеркивал, что «интересы самодержавного монарха, его династии и всего государства в настоящее время требуют, чтобы вопрос о допущении известной доли представительных элементов в центре управления был разрешен утвердительно, но с большой осмотрительностью и в самой ограниченной по возможности форме»⁴⁸.

Таким образом, принципы организации земских учреждений, принятые Государственным советом и закрепленные Положением 1864 г., неизбежно вели к возникновению либеральной оппозиции в земствах, требованиями которой станут введение мелкой земской единицы и создания общероссийского земского представительства.

Примечания

¹ Об этапах разработки земской реформы см.: Морозова Е. Н. Подготовка земской реформы : проекты П. А. Валуева (март-июль 1862 года) // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 4. С. 82–90. Валуевский проект рассматривался в 16 заседаниях Соединенного присутствия Департамента законов и экономики (19, 22, 27 авг. ; 2, 5, 9, 12 сент. ; 3, 17, 21, 24 окт. ; 11, 14, 25, 28 нояб. ; 5 дек. 1863 г.), затем – в 3 заседаниях Общего собрания Государственного совета (14, 16, 19 дек. 1863 г.). См.: Государственный совет. Б. м. ; б. г. Т. 25, ч. 1. С. 2. Кроме членов Государственного совета, к обсуждению были привлечены эксперты. 16 мая 1863 г. Валуев отмечал в дневнике, что первоначально планировалось включение экспертов – губернских предводителей дворянства : петербургского, московского, новгородского, псковского и городских голов – Петербурга и Москвы. Однако, как сообщает П. А. Валуев, «по настоянию кн. Гагарина и др.» решили ограничиться приглашением петербургского и московского предводителей дворянства и городских голов обеих столиц. См.: Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел : в 2 т. М., 1961 (далее – Валуев П. А. Дневник). Т. 1. С. 350.

² Валуев П. А. Дневник. Т. 1. С. 255.

³ Там же. С. 234, 236, 257.

- ⁴ *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. 234–236.
- ⁵ Российский государственный архив (далее – РГИА). Ф. 908. Оп. 1. Д. 123. Л. 42.
- ⁶ Там же. Л. 67, 227, 230, 233, 350.
- ⁷ В оценке деловых качеств В. А. Долгорукова с П. А. Валуевым был согласен П. В. Долгоруков, который писал о 4 министрах: Адлерберге, Долгорукове, Анненкове и Прянишникове: «эти четыре индивидуума тупоумны, безгласны, и редко один из четырех начнет рассуждать в Совете (министров), а если и начнет, то уж непременно понесет такую ерунду, что доставит великому князю (Константину Николаевичу) и приятелям его предмет разговоров и смеха дня на три». (*Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. Памфлеты эмигранта. 1860–1867. М., 1992. С. 116, 135). Несколько другую характеристику В. А. Долгорукову дает В. П. Мещерский, который называет его «вельможей старого закала, необыкновенно деликатным человеком». Правда, об его умственных способностях Мещерский отзывается иначе: «у него был тонкий, быстро схватывающий ум, но главный недостаток этого ума был тот, что он не умел сосредотачиваться и углубляться в предметы, а предпочитал скользить по поверхности вопросов». См.: *Мещерский В. П.* Мои воспоминания. (1850–1865 гг.). СПб., 1897. Ч. 1. С. 161–162.
- ⁸ *Валуев П. А.* Дневник. Т. 1. С. 232–233, 246, 264. Несмотря на самонадеянные заявления Валуева, в них была доля истины. Даже недоброжелательно относившийся к нему П. В. Долгоруков отмечал, что министр хорошо говорил по-русски, что «для старых членов Государственного совета столь же поразительно, как если бы им ввели слона в заседание». (*Долгоруков П. В.* Петербургские очерки. С. 294). О стремлении П. А. Валуева выглядеть европейцем говорили и современники. См.: Из записок сенатора К. Н. Лебедева // Русский архив. 1911. Т. 2. С. 62; *Мещерский В. П.* Мои воспоминания... С. 137; *Секиринской С. С.* Петр Александрович Валуев // Российские консерваторы. М., 1997. С. 156–165.
- ⁹ Подробнее см.: *Морозова Е. Н.* Подготовка земской реформы: проекты П. А. Валуева... С. 86–87.
- ¹⁰ В историографии имеет место терминологическая путаница. Иногда между понятиями «бессословное» и «всесословное» земство ставится знак равенства. Напр., см.: *Курицын В. М.* Буржуазные реформы госаппарата и развитие права России в 60–80-е годы XIX в. М., 1992. Б. Б. Веселовский и А. А. Кизеветтер подчеркивали, что земства строились на принципе всесословности, а не бессословности. См.: *Веселовский Б. Б.* К вопросу о классовых интересах в земстве. СПб., 1905. Вып. 1. С. 77; *Кизеветтер А. А.* История России в 19 в. Курс лекций, читанный на МВЖК в 1915–1916 году. М., 1916. Ч. 2. С. 103. Различие между этими двумя понятиями определяется разными принципами формирования органов местного самоуправления. Бессословными по своему составу учреждения могут быть лишь в том случае, если они формируются на территориальном принципе.
- ¹¹ Историческая записка о ходе работ по составлению и применению положения о земских учреждениях. Б. м., 1888–1889. С. 147.
- ¹² Историческая записка... С. 61, 93–94. Г. А. Джаншиев считал наиболее решительными противниками сословности М. А. Корфа, Н. И. Бахтина и кн. А. Суворова и видел в их взглядах сходство с предложениями тверских дворян, считавших земскими делами не сословные, а общие для всего населения интересы. См.: *Джаншиев Г. А.* Эпоха Великих реформ. Исторические справки. 10-е изд., посмертное, дополненное. СПб., 1907. С. 306.
- ¹³ Историческая записка... С. 63–76.
- ¹⁴ Там же. С. 63, 94.
- ¹⁵ *Валуев П. А.* О положении работ в Комиссии, высочайше учрежденной для составления проектов преобразования губернских и уездных учреждений. Доложено в Совете министров 8 марта 1862 г. Б. м.; Б. г. С. 10–11.
- ¹⁶ Историческая записка... С. 93.
- ¹⁷ Там же. С. 94–95.
- ¹⁸ Там же. С. 95.
- ¹⁹ Там же. С. 139–140.
- ²⁰ Там же. С. 63.
- ²¹ Ходатайства о расширении прав земских учреждений. Б. м., 1884. С. 540.
- ²² *Коркунов Н. М.* Русское государственное право: в 2 т. СПб., 1904. Т. 2. С. 540.
- ²³ В. А. Шомпулев, вступив в должность Кузнецкого уездного предводителя дворянства (Саратовская губерния), писал об уездном городе, каких тогда немало было в провинции: «Кузнецк в то время был настолько плохо обустроен, что в нем даже не было ни одного двухэтажного дома. Улицы были узенькие, немощные и кое-где стоявшие на них фонари освещались конопляным маслом». Соответственно бедно обустроенным городам население было малочисленным и бедным. См.: *Шомпулев В. А.* Во время реформ Александра II // Русская старина. 1898. Т. 96, кн. 10. С. 72.
- ²⁴ *Коркунов Н. М.* Русское государственное право. Т. 2. С. 540. Принцип имущественного ценза, как основа избирательной системы органов местного самоуправления, существовал практически во всех европейских странах. См.: Очерки по истории выборов и избирательного права / под ред. Ю. А. Веденеева и Н. А. Богдановой. Калуга; М., 1997. Трехкурриальная система, предложенная Валуевым, несколько напоминала существовавшую в 1850-х гг. в Пруссии. Однако, по мнению отечественных правоведов, она была еще более ограниченной, нежели в России. В Пруссии в окружных собраниях 4/5 составляли депутаты от курии вотчинных землевладельцев, а 1/5 приходилась на долю городов и общин, хотя население последних в 100 раз превосходило обладателей вотчинных имений. См.: Институты самоуправления: историко-правовое исследование / под ред. Л. С. Мамута. М., 1995. С. 239–240.
- ²⁵ Историческая записка... С. 110.
- ²⁶ Там же. С. 111. Вел. кн. Константин Николаевич еще в 1862 г. критиковал стремление Валуева «выехать на одном дворянстве», подчеркивая, что этим «ничего путного нельзя добиться». См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее – ОР РНБ). Ф. 208, Архив А. В. Головинина. Оп. 1. Д. 23. Л. 4, 7.
- ²⁷ Историческая записка... С. 77.
- ²⁸ Там же. С. 78.

- ²⁹ Историческая записка... С. 164.
- ³⁰ Там же. С. 164–165.
- ³¹ Точка зрения некоторых исследователей, утверждающих, что земские учреждения строились на сословном принципе, представляется ошибочной, ибо при всех минусах земской избирательной системы и ограничении выборного принципа, они носили всесословный характер. См.: *Кутафин О. Е., Фадеев В. И.* Муниципальное право. М., 1997. С. 64.
- ³² *Porter Th.* The Development of Political Pluralism in Late Imperial Russia : Local Self-government and the Movement for a National Zemstvo Union. 1864–1917. Washington, 1990. P. 27.
- ³³ *Цейтлин С. Я.* Земская реформа // История России в XIX веке : Б. м. ; Б. г. Т. 3. С. 229 ; *Гармиза В. В.* Подготовка земской реформы 1864 г. М., 1957. С. 231.
- ³⁴ The Zemstvo in Russia : An Experiment in Local Self-government / ed. by T. Emmons, A. Vucinich. Cambr. (Mass.). 1982. P. 23 ; *Porter Th.* The Development of Political Pluralism... P. 27.
- ³⁵ См.: *Фролова Л. Г.* Тульское земство в 1864–1890 гг. : дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. С. 45.
- ³⁶ ОР РНБ. Ф. 682. Селифонтов Н. Н. Оп. 1. Д. 494. Л. 3.
- ³⁷ См.: *Вайровская С. В.* Земство Коми края (1869–1890) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1992. С. 11 ; Самарское земство : опыт практической деятельности (1865–1918). Самара, 2009. С. 118–119 ; *Маскина А. С.* Таврическое земство в 1866–1890 гг. (Социальный состав, бюджет и практическая деятельность) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. С. 49 ; *Стефанова И. И.* Вятское земство в пореформенный период. : автореф.

- дис. ... канд. ист. наук. Киров, 1973 ; *Морозова Е. Н.* Саратовское земство. 1866–1890. Саратов, 1991. С. 21–28 ; *Свиридова Т. А.* Калужское земство (1865–1918). Калуга, 1996. С. 24–27.
- ³⁸ *Львова Т. Н.* Московское земство в 1865–1890 годах (Социальный состав и практическая деятельность) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1968. С. 43.
- ³⁹ ОР РНБ, Ф. 682. Селифонтов Н. Н. Оп. 1. Д. 494. Л. 3–4.
- ⁴⁰ *Веселовский Б. Б.* История земства за сорок лет : в 4 т. СПб., 1909. Т. 3. С. 8–9 ; 42.
- ⁴¹ *Вайровская С. В.* Земство Коми края... С. 11 ; *Стефанова И. И.* Вятское земство... С. 7.
- ⁴² *Веселовский Б. Б.* История земства... Т. 3. С. 42.
- ⁴³ См.: *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. С. 161–162.
- ⁴⁴ *Веселовский Б. Б.* К вопросу о классовых интересах в земстве. СПб., 1905. Вып. 1. С. 70.
- ⁴⁵ Сенаторская ревизия Самарской и Саратовской губернии в начале 80-х годов // Саратовская земская неделя. 1904. № 2. С. 2–4.
- ⁴⁶ *Авинов Н. Н.* Опыт систематического чтения по вопросам земского самоуправления. М., 1905. С. 17.
- ⁴⁷ Об общественно-политической деятельности многих председателей земских управ см.: *Пирумова Н. М.* Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 127–175.
- ⁴⁸ Переписка министра внутренних дел П. А. Валуева и государственного секретаря С. Н. Урусова в 1866 году / публ. Л. Г. Захаровой // История СССР. 1973. № 2. С. 122.

УДК 9(470) «18»

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 ГГ. В ПОЭТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ

С. А. Кочуков

Саратовский государственный университет
E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

В статье рассматривается ряд поэтических произведений, написанных на тему Балканского кризиса 70-х гг. XIX в. и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Анализируются взгляды публицистов на причины и ход военных действий с Османской империей, показано воздействие на поэтическую публицистику критических общественных настроений.

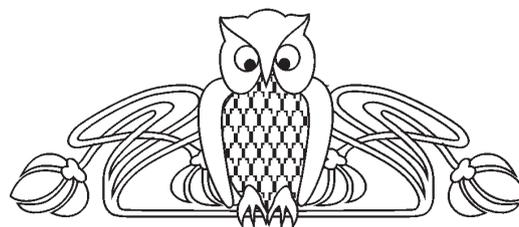
Ключевые слова: Балканский полуостров, действующая армия, публицистика.

Russian-turkish War of 1877–1878. In a Poetic Publicism

S. A. Kochukov

The article discusses a number of poetry written on the topic of Balkan crisis of the 70's. XIX century. and the Russian-Turkish war of 1877–1878. Examines the views of commentators on the causes and course of the war with the Ottoman Empire, shows the impact on the poetic journalism critical of public sentiment.

Key word: Baikan peninsula, Current army, publicism.

Впервые проблему отражения войны на Балканском полуострове 1877–1878 гг. в русской поэтической публицистике затронул в своей работе историк В. А. Золотарев¹. В главе «Война 1877–1878 гг. в народном и профессиональном поэтическом творчестве» он не только справедливо заметил, что «поэзия эта многоцветна по тематике, позициям авторов и художественным достоинствам... она вписалась на злобу дня, по свежим следам событий...»², но и предпринял попытку дать характеристику конкретным произведениям нескольких авторов.

Безусловно, проблема Балкан и южных славян возникла в русской поэтической публицистике задолго до 1877 г. Одним из первых, кто серьезно обратился к данной теме, был А. С. Хомяков. Большинство исследователей упоминали лишь одно его произведение – «К

сербам»³ (1860). Стоит согласиться с Л. В. Кузьмичевой, которая считала, что этот документ был одним из самых спорных в славянофильской среде⁴. Это произведение Хомякова явилось, по сути, обращением русских славянофилов к сербским реформаторам. Более того, оно фактически имело форму наставления «старшего брата». А. С. Хомяков писал: «Мы старше вас в действующей истории, мы прошли более разнообразны, хотя не более тяжелые испытания, и просим Бога, чтобы опытность наша, слишком дорого купленная, послужила нашим братьям в пользу и чтобы наши многочисленные ошибки предостерегали их от опасностей, часто невидимых и обманчивых в своем начале, но крайне гибельных в своих последствиях...»⁵ Безусловно, работа славянофила Хомякова была важной и необходимой для всего «славянофильского дела»⁶, это доказывают те призывы, которые высказывал Алексей Степанович в своем труде: «Сохраняйте же и развивайте у себя все добрые начала! Будьте верны православию и едины в просвещении духовном! Не изменяйте никогда братскому равенству и будьте едины в цельности народной! Стремитесь к образованности и правде и будьте едины в достижении всякого общественного блага и разумного совершенства!»⁷

Несмотря на своевременное написание послания «К сербам», оно было встречено в славянофильской среде неоднозначно. Сам Хомяков хотел, чтобы его единомышленники подписались под его трудом. Он даже ручался за поддержку К. С. Аксакова. И хотя сочинение «К сербам» вызвало определенные споры, но, в конце концов, под этим произведением подписался весь цвет славянофильства. Необходимо заметить, что все-таки послание было далеко не единственным произведением, отразившим взгляды Хомякова на Балканский вопрос. Еще в мае 1854 г., во время Крымской войны, славянофил разразился циклом стихотворений в защиту «славянского дела», самое известное из которых «Суд Божий». Это произведение является, по сути, открытым призывом к решению судьбы южных славян:

*Глас божий: «Сбирайтесь на праведный суд,
Сбирайтесь к Востоку, народы!»...*

*Глас божий: «Сбирайтесь из дальних сторон!
Великое время пришло
Для тризны кровавой, больших похорон:
Мой суд совершится, мой час положен,
В сраженье бросайтесь смело»⁸.*

Исполнение Россией своей исторической миссии – вот главная идея Хомякова. Он признавал, что «русский народ и общество были принесены в жертву гордой и всемогущей бюрократии»⁹, но все эти внутренние проблемы уходили в его представлении на второй план. Главное заключалось в том, что России необходимо осуществить свое

историческое предназначение, а именно освободить от турецкой зависимости южных славян.

*Вставай, страна моя родная,
За братьев! Бог тебя зовет
Чрез волны гневного Дуная
Туда, где, землю огибая,
Шумят струи Эгейских вод.
Но помни: быть орудьем Бога
Земным созданиям тяжело,
Своих рабов Он судит строго:
А на тебя, увь! как много
Грехов ужасных налегло!
В судах черно неправдой черной,
И игом рабства клеймено;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мерзкой и позорной,
И всякой мерзости полно!¹⁰*

Можно согласиться с мнением исследователя Р. П. Гришиной, которая в статье «Российское общественное мнение и Балканы» высказалась о том, что «славянофилы немало сделали для расширения кругозора русской интеллигенции о “славянстве” как таковом, а также в пользу самих балканских славян, снабжая их книгами, церковной утварью, создавая фонд помощи»¹¹. Вместе с тем, «зачинщики» Славянского благотворительного комитета понимали идею освобождения славян от власти турок доктринерски, ставили во главу угла лишь то, что связывало русских с южными славянами и не замечали отличительных черт. В их представлениях ценности, связанные с включением православных славян Балканского полуострова в пространство национального мифа русского самосознания, были однозначно приоритетными в сопоставлении с прагматическими интересами внешней политики как России, так и народов Балканского полуострова. (Сам термин «панславизм» в этом отношении не совсем верен: славяне у славянофилов были объектом, включаемым в пространство идеи русского национального строительства.)

Рассматривая проблему поэтической публицистики, нельзя не затронуть одну из самых колоритных фигур Московского славянского благотворительного комитета – Ивана Сергеевича Аксакова. Своеобразной программой Аксакова является его стихотворение «На Дунай!», которое было им презентовано А. Д. Блудовой:

*На Дунай! Туда, где новой славы;
Славы чистой светит нам звезда,
Где на пир мы позваны кровавый,
Где на спор взирая величавый,
Целый мир ждет божьего суда!*

*Чудный миг! Миг строгий и суровый!
Там, в бою сгибаясь роковым,
Стонут царств могучие основы,
Старый мир об мир крушится новый,
Ходят тени вещице кругом...!*

*В общей жизни жизнью потеряться,
В общий труд всю душу положить...
Дням так им уж вновь не возвращаться!
На Дунай! Что медлишь? Чем смущаться?
Раз один дается в мире жить!*

*Так проси у бога сил небесных,
Все для дня великого забудь,
Весь зажгись огнем восторгов честных,
Меж рабочих темных и безвестных
Ты всегда рабочим добрым будь!^{12!}*

В этом стихотворении И. С. Аксаков предстает не только как сторонник войны «за идею» и реванша за поражение в Крымской войне. Он отдавал себе отчет, что война станет для России серьезным испытанием. С другой стороны, предостережение Аксакова было настолько закауфлировано, что простой читатель и заметить его не мог. Но зато слова: «На Дунай! Что медлишь ты напрасно?»¹³ – русское общество воспринимало буквально хотя бы потому, что добровольцы, идущие на фронт, были убеждены, что исполняют божью волю. Это стихотворение было дополнено и «пламенными» призывами Аксакова с трибуны Московского славянского благотворительного комитета. В речи от 6 марта 1877 г. он заявил: «Восточный вопрос для России в существе своем прав и ясен. Это вопрос нашего собственного бытия, наш русский, а не западно-европейский. Ибо христианский Восток есть область христианства восточного, во главе которого мы стоим, и иного быть не может. Россия и все славяне Балканского полуострова – это целый особый мир православно-славянский, все оторванные его члены должны быть возвращены этому миру. Его призвания – развить, проявить и воплотить в исторической жизни те духовные начала, которые лежат в основе славянской народности и обуславливаются главным образом православным вероисповеданием... Это война историческая необходимость; это война народная, и никогда ни к какой войне не относился народ с таким сознательным участием»¹⁴.

Начало войны с Османской империей в 1877 г. всколыхнуло все русское общество. Оно было настолько пронизано желанием как можно скорее отправиться на войну, что любое промедление казалась предательством по отношению к миссии, которую должны были выполнить русские войска на Балканском полуострове. По этому поводу в журнале «Дело» было опубликовано анонимное стихотворение «Взгляд и нечто», написанное от лица некоего офицера-добровольца и рассказывающее о его настроениях в начале Балканской кампании:

*Два дня я пробыл в Кишиневе.
Настала дивная пора!
Полки давно уж наготове
И в воздухе гремит «ура!»
Что нам Дунай? Ручей – не боле!*

*Что турки? Что Керим-паша?
Когда б в моей-то было воле,
Скажу, ни мало не греша:
Я мост сейчас бы перекинул,
Керима посадил на кол,
Виддин целчком бы опрокинул
И в миг в Болгарию вошел.
Чего мы ждем теперь в Галаце?
Браилов – скуки синоним!
Я в лучшем здесь живу палате,
Но все же одурью томим.
И если б... если б не девчонки...
(Тсс!.. Тсс!.. Не выдайте секрет!)
В проклятой эдакой сторонке
Давно б мне опостылел свет!^{15!!!}*

Действительно, значительная часть русского общества ждала скорейшего открытия боевых действий. По словам мемуариста В. В. Воейкова: «Наконец, раздался царский голос, война была объявлена, и войска двинулись на Дунай. Надо было видеть всеобщую радость: знакомые и незнакомые поздравляли на улицах друг друга с объявлением войны. Манифест и газеты раскупали нарасхват. Воинственная горячка охватила всех; все старались быть причастниками к делу. Кто хлопотал поступить в действующие войска, кто в Красный крест, кто жертвовал, кто пил за успех русского оружия; одним словом, всякий старался как мог выразить свою готовность быть хоть чем-нибудь полезным в эти важные минуты и способствовать победе Креста над Луной»¹⁶. Священник Вахх Гурьев также был очень расстроен, что русские войска так долго стоят на границе без дела, он отмечал в одном из своих писем: «Если б я знал да ведал, что мы простоим здесь целую неделю, то вместо двух-трех писем я завел бы дневник...»¹⁷ Русские офицеры называли этот период своей службы не иначе как «курорт». Тогда они еще могли себе позволить в большей степени интересоваться городскими новостями, чем полковыми сводками. Порой даже складывается такое впечатление, что война уже закончилась, а для офицерского корпуса важен был сам факт отправки на войну, вызывавший восторженную реакцию общественного мнения страны, а не ведение боевых действий. Например, штабс-капитан К. А. Вольский замечал: «В Кишиневе мы встречали очень много красивых и видных женщин, но из-за боязни заболеть я воздержался от более близкого знакомства с этими милыми гетерами. Подобную воздержанность я высказывал не только в Кишиневе, но и во время всего похода в Румынию, где, признаюсь, соблазн был очень велик. Мы в России, а в особенности в Петербурге, не избалованы женской красотой, в Румынии же женщины одна привлекательней другой... Жилье в Яссах было очень веселое, мы по целым дням шатались по улицам...»¹⁸ На Кавказском фронте дело обстояло аналогично. Например, в письмах поручика Севастьянова

родителям прямо сообщалось: «Время проводим весело и вообще масса удовольствий»¹⁹. Более искренен был в своих мемуарах будущий герой Первой мировой войны А. А. Брусилов, заявляя, что «едва ли кто-либо был особенно воодушевлен мыслью идти драться за освобождение славян или кого бы то ни было, так как целью большинства была именно самая война, во время которой жизнь течет беззаботно, широко и живо, содержание получается большое, а вдобавок дают и награды, что для большинства было делом весьма заманчивым и интересным»²⁰.

Непосредственно перед войной с Османской империей появилось немало поэтических произведений, в которых не только восторженно принималась сама идея освобождения славян от турецкого ига, но и появились стихи панегирического содержания. Наиболее ярким примером этого является воззвание к генералу М. Г. Черняеву, автором которого являлся поэт Ф. Б. Миллер, написавший в 1851 г. стихотворение «Раз, два, три, четыре, пять – вышел зайчик погулять...» В 1876 г. он стал известен благодаря стихотворению более серьезного, если не сказать пафосного, характера:

*Архистратиг славянской рати,
безукоризненный герой!
Под кровом Божьей благодати
да совершится подвиг твой!
Да сохранит в борьбе кровавой
тебя Всевышнего рука,
и память дел твоих со славой
пройдет в далекие века»²¹.*

Прозвище «Архистратиг славянской рати», прикрепленное к Черняеву поэтом Миллером, сослужило генералу плохую службу. Если первоначально его миссию на Балканах и его службу в сербской армии воспринимали в русском обществе «на ура», то впоследствии начались нападки на генерала со стороны общественного мнения. Наиболее яростную атаку на Черняева предпринял редактор газеты «Голос» и будущий военный корреспондент Г. К. Градовский²², который в своей статье «Архистратиг славянской рати» подверг резкой критике поездку Черняева на Балканы. Г. К. Градовский в первую очередь предупреждал о необдуманности в деле военной помощи братьям-славянам, он писал: «Сербия вовсе не бедствовала, а вздумала разыграть роль Пьемонта на Балканском полуострове, не имея для того ни малейшей подготовки»²³. Градовский называл саму поездку генерала на Балканы позором²⁴, и предпринял также попытку развенчать легенды, связанные с фигурой «русского Гарибальди» (так называл Черняева лидер Московского славянского комитета Аксаков).

Миссия России на Балканском полуострове в качестве темы поэтической публицистики звучит в произведениях А. Н. Майкова. Аполлон Нико-

лаевич Майков в России был известен, главным образом, как поэт, воспевающий русскую деревню и античный мир. Но начиная с 1868 г. в его творчестве важное место занимает история Балканского полуострова. По всей видимости, заняться этим его побудила поездка по Сербии, Болгарии и Греции. Сразу по возвращении в Россию, он пишет ряд произведений относительно балканского вопроса. Одним из самых показательных произведений является стихотворение «Никогда».

*Мы – славяне; край сей дан
Нам в удел от Бога.
Щедро им он наделен
Благодатью с неба:
Не поленись, так всем
Свой кусок есть хлеба.
Много-ль, мало-ль – с нас того
Будет, что имеем:
Благо сеем на своем,
Жнем, что сами сеем...»²⁵*

Из приведенного отрывка явно следует, что Майков объединял все славянские народы в единое целое. В этом отношении он был, безусловно, не одинок. В частности, в 1867 г. во время Славянского съезда в Москве подобные высказывания звучали не раз. Например, профессор Белградского лицея Янко Шафарик высказался по этому вопросу предельно ясно: «Я предлагаю тост за здоровье величайшего из народов славянских и за то, чтобы народ русский, бывший доселе только русским, стал народом славянским и взял бы под свой покров прочие племена славянские...»²⁶ Подобные настроения были явно близки и русским общественным деятелям, в частности М. П. Погодину. Он не только заявил, что «Все племена славянские в первый раз отроду собираются вместе»²⁷, но и напечатал в газете «Русский» стихотворение следующего содержания:

*На землях славян заря горит,
Се жених грядет во полнощи.
«Едем, братья, на Святую Русь,
Повидаем богатырь-братьев...»
Поздно вечером не спит Москва,
Братья кровные беседуют...
Тысячу лет мы не видались»²⁸.*

Изъяснения в любви славянских народов друг к другу были чрезвычайно популярны, особенно на фоне назревавшего очередного балканского конфликта. Что же касается позиции Майкова, то он в своей работе «Раздел Турции», комментируя стихотворение «Никогда», заявил: «Еще издавна славянские народы, особливо ближайшие между собой по языку и вере, обнаруживали взаимное друг другу тяготение»²⁹. Вместе с тем, он воспринял начавшуюся войну с Турцией очень осторожно, считая, что европейские державы в лице Великобритании и Австрии

втянули Россию в очередную бойню. Он писал: «Какой бы исход ни имела начавшаяся война, в которую втравили Россию, порядок вещей в Турецкой империи должен был пошатнуться»³⁰. Вероятнее всего, Майкову, как и многим деятелям из Московского славянского благотворительного комитета, больше импонировала роль наблюдателя, чем активного деятеля, тем более на театре военных действий.

В поэзии А. Н. Майкова не была забыта и фигура российского монарха, который должен возглавить освободительный процесс на Балканском полуострове.

*Опять горит Восток... Опять и кровь и стон...
Спаленные поля, насилие, смерть, проклятье...
Опять блуждающих в горах детей и жен
По братьям во Христе молящие объятья.
Европа на сей раз внимает их мольбам!
Но взоры их следят за царственной Россией:
Там царь-помазанник, стратиг Востока там;
Туда указано пред смертью Византией³¹!*

Как видно, в стихотворении «Опять горит Восток» переплетены две идеи. Во-первых, России предназначено освободить земли, которые в свое время принадлежали Византийской империи, а во-вторых, организатором этого освобождения должен стать российский император. Для значительной части русского общества имя императора Александра II было неразрывно связано с идеей освобождения сербов и болгар.

Тем не менее, говорить о единстве поэтической публицистики в понимании балканской проблемы ошибочно. Несмотря на то что в основе этих произведений была одна и та же идея – идея освобождения южных славян и восстановления престижа Российской империи, пошатнувшегося в результате неудачной Крымской войны, публицистические произведения на тему освобождения Балканского полуострова можно условно разделить на две части. Первая часть – это произведения, появившиеся до 1877 г. Вторая часть – это публицистика непосредственно военного периода. Исследователь В. А. Золотарев недооценил это хронологическое различие³².

Русское общество проявляло большую степень энтузиазма в ожидании войны и при подготовке к ней, чем в период тяжелых военных событий. Война оказалась не такой простой, как проповедовал лидер Московского славянского благотворительного комитета И. С. Аксаков, и не такой молниеносной, как предполагал в своем плане генерал-лейтенант Н. Н. Обручев³³. Русское общество ждало быстрых побед, что было совершенно нереалистично. Кроме того, любая война стоит жертв, в Россию хлынула масса раненых. В обществе возникало разочарование, зрело недовольство.

Поэтическая публицистика, как барометр, живо реагировала на реалии войны. Появляются

стихи иного содержания. Злободневные поэтические тексты этого периода зачастую анонимны. Само пребывание русских волонтеров на Балканском полуострове в 1876 г. уже начинало казаться если не ненужным, то, по меньшей мере, странным. Показательным в этом отношении является стихотворение «Два кадета».

*Жили-были два кадета
И примером всем служили:
Поднимались до рассвета
Иловайского зубрили...*

*Только нынешнее лето
Сбило их с пути науки,
Лишь Суворина газета
Им попала где-то в руки...*

*Даже клятву дали где-то
Взять вдвоем Константинополь,
И недавно басня эта
Облетела весь Петрополь³⁴.*

Для многих становилось очевидным, что немалое количество добровольцев, прибывших в Сербию, понятия не имело, чем им предстоит заниматься. Прозаик и публицист Григорий де-Воллан в своих мемуарах так описывает русского волонтера, «случайно» отправившегося освободить братьев-славян: «Один изящный, богатый офицер и не думал ехать в Сербию. Вся жизнь была для него поприщем радости и наслаждения. Он сознавался потом, что вся эта сербская история – ужасная глупость. Он возвращался с пирушки в Павловске, после музыки; какое-то грустное чувство овладело им, он не мог отделаться от него и на другой, и на третий день. Все казалось ему бессодержательно, мелко, пусто кругом. “Поеду в Сербию”, – решил он и поехал. А таких было много, и они делали свое дело»³⁵. Но главное в том, что у русских добровольцев, рвавшихся на помощь славянам из самых разных побуждений, было не совсем верное понимание предстоящей войны наряду с незнанием возможностей противника. Что собой представляет турецкая армия – «про то хорошо не знали: на месте будет виднее». Не менее жестко о некоторых волонтерах высказывался русский журналист Н. В. Максимов, называя их не иначе как «пьющими, безобразными, бесшабашными, плохо подготовленными в военном искусстве»³⁶.

Русское общество начали раздражать огромные людские потери. В прессе появились анонимные стихотворения, где эта проблема поднималась. В 1878 г. в журнале «Дело» было опубликовано стихотворение «Зимой в 1877–1878 гг.». В этом произведении, подписанном «С.Г.», не указывалось напрямую место действий, но всякому было понятно, что в нем описываются события, происходившие на Шипке.

*Под этот шум рукоплесканий,
Под эту музыку пиров,
Не веришь, что на поле брани
Вчера лилась родная кровь.*

*Не веришь, что над бедным краем
На завтра пушки загремят
Что в этих оргиях встречаем
Мы дни страданий и утрат*³⁷.

Более того, появляются публицистические произведения, где поднимается важный вопрос: «Какие интересы у России в этой войне?». Освободить братьев-славян от турецкого ига? Но подобные заявления И. С. Аксакова будоражили русское общество все меньше. Многие считали, что у Российской империи много своих насущных проблем, и нужно решить в первую очередь их, а не тратить людские ресурсы и финансовые средства на помощь южным славянам. Под псевдонимом «Мизантроп Н» в журнале «Дело» в разделе «Калейдоскоп» была опубликована статья, в которой поднимался этот вопрос. Автор писал: «...Всеобщее внутреннее недовольство, возрастающий государственный долг, биржевой ажиотаж, банкротства, упадок экономического развития и преобладание милитаризма, как охраны искусственно-созданного порядка – вот цветы общегерманского прогресса, взлелеянные на почве объединения. Таким ли блаженным состоянием намериваются наши шовинисты облагодетельствовать воссоединяемых славян? А что станет с русским народом даже в случае удаchi грандиозного предприятия, с тем серым мужичком, который газет не читает по безграмотству или потому, что у него все пятаки сосчитаны, который о славянах имеет смутное понятие, смешивая их, по вере, с греками, который сам себе не в силах помочь в безысходной беде, но которого наши войнолюбцы тащат за ворот: “спасай, мол, весь мир угнетенья?!”»³⁸.

Присутствие русских войск на Балканах развеяло ряд иллюзий. В первую очередь об угнетенных и доведенных до отчаяния сербах, болгарах и черногорцах. У русского общества благодаря неумной агитации Славянских комитетов сложилось превратное понимание крайне неблагоприятной ситуации в регионе. Но впоследствии обнаруживался тот факт, что южные славяне в ряде случаев жили гораздо лучше, чем их освободители, русские солдаты. Русская поэтическая публицистика затронула и эту проблему. В одном из анонимных произведений отмечалось:

*Болгарский мужичок
Стал нашим идеалом,
А русский серячок
Пусть знает с кружалом
Пусть сохнет от труда,
В одежде ходит рваной:
Прилично ль господа,*

*Нам звать с обезьяной?
Пристойно ль нюхать вонь
Онучей и сермяги,
Когда горит огонь
Воинственной отваги.
Когда бодрится дух,
Вдали мелькают лавры,
Когда гремят вокруг
И трубы и литавры,
Когда газетный люд
В тревоге и кураже,
И денежки плывут
От розничной продажи...»³⁹*

Действительно, в Российской империи многие проблемы, в том числе и пресловутый крестьянский вопрос, ушли на второй план, а наиболее популярным и даже модным стал вопрос балканский. В определенной степени были обмануты и сами угнетенные. В частности, сербы были убеждены в поголовном богатстве и достатке русских⁴⁰.

Однако не стоит считать, что русская поэтическая публицистика, рассматривая войну 1877–1878 гг., лишь безлично критиковала либо, напротив, воспринимала на ура события на фронтах. В ходе вооруженного столкновения предпринимались попытки, правда, единичного характера, выяснить, кто был конкретно виноват в ряде неудач русской армии. Под Плевной как нельзя лучше проявились шапкозакидательские настроения, высказанные еще Ф. М. Достоевским: «Мы всех сильнее»⁴¹. По свидетельству офицера-современника: «Выступили мы в поход под Плевну бодро, все были в беззаботном настроении духа, несмотря на малый отдых и пропавший обед; все были в том настроении, как пелось в старинном марше:

*«Гром победы раздавайся
Веселись, храбрый Росс!»⁴²*

С другой стороны, внешнее торжественное оформление затеняло профессиональную подготовку. Налицо была определенная беспечность перед штурмом: «Ничего не было слышно ни о рекогносцировках, ни о детальном движении, которое, однако, уже давно, еще при переходе нашем через Дунай, было предположено по направлению через Плевну»⁴³. Даже когда офицерам была прочитана диспозиция, то она удивила всех своей лаконичностью: «Выходило по ней, что 18-го июля два отряда, один генерала Шаховского, а другой Криденера должны с раннего утра начать атаку Плевны с двух сторон, имея, кажется, два полка для поддержания связи между обоими отрядами»⁴⁴.

Безусловно, события при Плевне не могли не быть отраженными в поэтической публицистике. В списках гуляли стихи, в которых высмеивались командующие русскими войсками на Дунае и Кавказе, великие князья Николай Николаевич старший и Михаил Николаевич.

*Горькая наша доля
Знать досталась свыше,
За Дунаем Коля,
На Кавказе Миша.*

*Храбро, будто спяна,
Смело наступая,
Зивин да Османа
Сдуру прозевали.*

*И куда же бедным
В Византию в гости!
Опустите ж флаги,
Как уж сделал Костя.*

*Турок победим мы,
Дайте умным волю
Да пошлите к черту
Мишеньку да Колю⁴⁵.*

В данном произведении недвусмысленный намек на поражение русских войск у села Зивин 13–14 июня 1877 г. И хотя официально виновными в поражении были названы генералы В. А. Гейман и М. Т. Лорис-Меликов, тем не менее было совершенно очевидно, что они согласовывали свои действия с командующим русскими войсками на Кавказе вел. кн. Михаилом Николаевичем, который напрямую вмешивался в полковые дела. Что же касается вел. кн. Николая Николаевича, то его командование русской армией на Балканском фронте принесло больше вреда, чем пользы, непродуманностью при отдаче приказов и настаиванием на своем, часто ошибочном, мнении и т. д., что в конечном итоге и было одним из факторов плевенской трагедии.

Поэтическая публицистика России внесла ощутимый вклад в формирование общественных взглядов на Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Ведущей темой оставалось прославление похода русской армии на Дунай как исполнения исторической миссии Российской империи. Помимо заведомо хвалебных панегирических произведений, нашли свое отражение и критические настроения части общественности, причем не только в отношении генералитета Дунайской и Кавказской армий, но и в понимании самой необходимости войны с Османской империей.

Примечания

- ¹ См.: *Золотарев В. А.* Противоборство империй. Война 1877–1878 гг. апофеоз восточного кризиса. М., 2005.
- ² Там же. С. 223.
- ³ См.: *Хомяков А. С.* Полное собрание сочинений : в 8 т. М., 1900. Т. 1. С. 377–408 ; *Кочуков С. А.* «За братьев-славян»: Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в восприятии общества, власти и армии Российской империи. Саратов, 2012. С. 196–197 ; *Кузьмичева Л. В.* Сербская государственная идея в 60–70-х гг. XIX в. // Двести лет

новой сербской государственности. К юбилею начала Первого сербского восстания 1804–1813 гг. СПб., 2005. С. 158.

- ⁴ *Кузьмичева Л. В.* Указ. соч. С. 158.
- ⁵ *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 379.
- ⁶ *Кузьмичева Л. В.* Указ. соч. С. 157.
- ⁷ *Хомяков А. С.* Полн. собр. соч. Т. 1. С. 407.
- ⁸ Цит. по: *Апостольский П.* Нравственные основы настоящей войны. М., 1877. С. 5–6.
- ⁹ *Ш.* О некоторых направлениях в нашей поэзии после Пушкина // *Гражданин.* 1872. №1. С. 185.
- ¹⁰ Там же. С. 185, 186.
- ¹¹ *Гришина Р. П.* Российское общественное мнение и Балканы // *Человек на Балканах глазами русских.* СПб., 2011. С. 153.
- ¹² РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 153. Л. 1об–2.
- ¹³ Там же. Л. 1об.
- ¹⁴ Там же. Д. 136. Л. 10об, 14об.
- ¹⁵ *Калейдоскоп* // *Дело.* 1877. №6. С. 136–137.
- ¹⁶ *Воейков В. В.* От Дуная до Царьграда 1877–1878. Записки участника. М., 2008. С. 7. Так же в восторженных тонах о начале войны пишет в своих воспоминаниях офицер В. Ф. Ореус : «4-го августа 1877 г. я простился с родными и товарищами и отправился в Москву догонять мой уже ушедший полк. В Петербурге как-то не замечалось того волнения и оживления, которое я нашел в первопрестольной столице России. На улицах, на дебаркадере, в ресторанах, только и слышны были толки про военные действия, причем, конечно, слышались иногда преуморительные суждения, приносимые с важным видом домороженными стратегами. По курской железной дороге, на станциях, уже попадались партии пленных турок, конечно, возбуждавших мое любопытство, и я не раз подходил и общался с пленным офицером по-французски или по-немецки, но, к крайнему моему удивлению, ответа не получал, так как большинство из них, выслуживавшиеся из рядовых, иностранных языков не понимали... Сколько тут было съедено и выпито – предоставляю читателю судить, взявши в расчет, что сто восемьдесят гвардейских кавалерийских офицеров прожили тут несколько дней и от безделья, конечно, засиживались на вокзале» (*Ореус В. Ф.* Воспоминания о походе 1877–1878 гг. // *Русская старина.* 1884. Т. 43, № 8. С. 411–412).
- ¹⁷ *Гурьев В.* Письма священника с похода 1877–1878 гг. М., 2007. С. 7.
- ¹⁸ РГВИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 398. Л. 6–7.
- ¹⁹ Там же. Д. 386. Л. 7.
- ²⁰ *Брусилов А. А.* Мои воспоминания. М., 2004. С. 21.
- ²¹ *Михайлов А. М.* Михаил Григорьевич Черняев. СПб., 1906. С. 5.
- ²² См.: *Кочуков С. А.* Русский Гарибальди (русский военный деятель – Михаил Григорьевич Черняев) // *Чтения по военной истории.* СПб., 2009. С. 131–136 ; *Он же.* Г. К. Градовский – военный корреспондент русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Проблемы истории российской цивилизации : сб. науч. тр.* Саратов, 2007. Вып. 3. С. 88–95.

- ²³ Градовский Г. К. Архистратиг славянской рати // Образование. 1909. № 1. С. 116.
- ²⁴ Там же. С. 117.
- ²⁵ Майков А. Н. Никогда // Гражданин. 1884. № 1. С. 7–8.
- ²⁶ Цит. по: Милютин Д. А. Воспоминания. 1865–1867. М., 2005. С. 477.
- ²⁷ Русский. 1867. № 195. 1 мая.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ Майков А. Н. Раздел Турции. Б. м. ; Б. г. С. 130.
- ³⁰ Там же. С. 138.
- ³¹ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 223.
- ³² Там же. С. 223–233.
- ³³ См.: Кочуков С. А. Указ. соч.
- ³⁴ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 229.
- ³⁵ де-Воллан Г. А. В Сербии. Недавняя старина // Русский архив. 1879. Кн. 2, №7. С. 355.
- ³⁶ Максимов Н. В. Две войны 1876–1878 гг. // Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1. С. 202.
- ³⁷ Зимой 1877–1878 гг. // Дело. 1878. № 6. С. 141.
- ³⁸ Мизантрон Н. Калейдоскоп (Литературные и общественные заметки) // Дело. 1878. № 11. С. 236.
- ³⁹ Там же. С. 236–237.
- ⁴⁰ «Сербы заинтересуются, начнут расспрашивать подробно о житье-бытье русского крестьянина. Начнешь им, бывало, рассказывать:
– Живет наш крестьянин совсем бедно!.. Изба-то его на бок согнулась, еле-еле держится, лошаденка единственная, коровка его пала, деткам молока негде взять... Слушает серб и... не верит.
– Знаете что, братики? – скажешь, бывало сербу в заключение, – у нас есть такие крестьяне, что всего раза четыре в год мясо пробуют...
– Не истина! – крикнет, бывало, серб, шибко крикнет, даже рассердится» (Максимов Н. В. Указ. соч. С. 193).
- ⁴¹ Достоевский Ф. М. Собрание сочинений : в 9 т. М., 2007. Т. 9, ч. 2. С. 102.
- ⁴² Бачевский К. И. 18-й пехотный Вологдорский полк в первом сражении под Плевной 7-го и 8-го июля 1877 года. Чернигов, 1884. С. 8.
- ⁴³ К... Первая Плевна // Сборник военных рассказов, составленных офицерами – участниками войны 1877–1878 : в VI т. СПб., 1878–1879. Т. II. С. 172.
- ⁴⁴ Ш... Под Плевной 18-го июля 1877 года // Сборник военных рассказов... Т. II. С. 556.
- ⁴⁵ Цит. по: Золотарев В. А. Указ. соч. С. 229–230.

УДК 94(5–11)«187/190»:327.82(470+571:520):929Розен

РОЛЬ Р. Р. РОЗЕНА В ВЕДЕНИИ РОССИЙСКО-ЯПОНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ ПО КОРЕЙСКО-МАНЬЧЖУРСКОМУ ВОПРОСУ

Е. Б. Кириченко

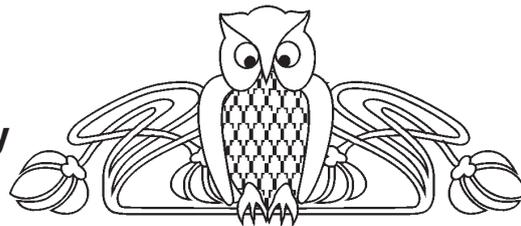
Харьковский национальный педагогический университет, Украина
E-mail: borodina_olena@mail.ru

Статья посвящена роли посланника России в Японии Р. Р. Розена в ведении переговоров, предшествовавших войне 1904–1905 гг. Благодаря довольно длительному пребыванию на дипломатической службе в Японии ему удалось досконально изучить японские интересы в Восточной Азии и отношение японского общества к притязаниям Российской империи на контроль над Маньчжурией и Кореей. Будучи осведомлённым о военном потенциале Японии, Р. Р. Розен заявлял о крайней нежелательности возникновения вооруженного конфликта; однако, несмотря на его усилия, найти компромисс между Санкт-Петербургом и Токио так и не удалось.
Ключевые слова: Р. Р. Розен, Россия, Япония, Корея, Маньчжурия, переговоры.

The Role of R. R. Rosen at Russo-japanese Negotiations about Korean and Manchurian Question

О. В. Курыченко

The article focuses on the Russian minister to Japan R. R. Rosen's role at the negotiations that preceded the war of 1904–1905. Because of quite long stay at the diplomatic service in Japan, he could study Japanese interests in East Asia and the attitude of the Japanese society to the Russian Empire claims to the control over Manchuria and Korea thoroughly. Being informed about military potential of

Japan, R. R. Rosen stated that rise of armed conflict was extremely undesirable; however, in spite of his efforts, Saint-Petersburg and Tokyo couldn't strike a happy medium.

Key words: R. R. Rosen, Russia, Japan, Korea, Manchuria, negotiations.

Роман Романович Розен (1847–1921) – один из выдающихся дипломатов Российской империи, значительная часть карьеры которого была связана с Дальним Востоком, а именно с Японией. Его имя часто упоминается в связи с заключением Портсмутского договора, завершившего Русско-японскую войну 1904–1905 гг., так как Р. Р. Розен исполнял роль второго уполномоченного на мирной конференции, и его подпись, наряду с подписью С. Ю. Витте, подтверждала заключение мира. Тем не менее, недостаточно исследованным остаётся вопрос о влиянии Р. Р. Розена на ход российско-японских переговоров накануне войны, поскольку именно он в этот период представлял интересы России в Японии, находясь на посту посланника в Токио.

Дипломатическая деятельность барона Р. Р. Розена в Японии рассматривается в работах А. И. Кубышкина и А. И. Сизоненко¹, П. Э. Подалко², И. Лукоянова³. Источниковая база представлена материалами Государственного архива

Российской Федерации (ГАРФ)⁴ и Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ)⁵, мемуарами Р. Р. Розена⁶, рапортом военного агента в Японии А. И. Русина⁷, воспоминаниями капитана I ранга Б. И. Бока⁸, корреспонденцией между министром иностранных дел Японии Комура Дзютаро и японским посланником в Петербурге Курино Синитиро⁹. В работе использованы материалы американских¹⁰, австралийских¹¹ газет, а также периодической печати Сингапура¹².

Цель настоящей статьи – определить возможности посланника России в Японии Р. Р. Розена влиять на ход переговорного процесса, предшествовавшего Русско-японской войне, и оценить степень реализации этих возможностей.

Р. Р. Розен был выпускником юридического факультета Санкт-Петербургского университета, по окончании которого он был определён на службу в Азиатский департамент Министерства иностранных дел Российской империи (1872). Его дипломатическая карьера в Японии началась с должности вице-консула в Йокогаме, куда он был назначен летом 1875 г. В то время Р. Р. Розен оценивал русско-японские отношения как «наиболее сердечные»¹³. Укрепление дружественных отношений стало, по мнению дипломата, следствием заключения договора об обмене Курильских островов на Сахалин (1875)¹⁴.

В 1877 г. Роман Романович приступил к исполнению обязанностей первого секретаря российской дипломатической миссии в Токио. На тот момент он имел чин надворного советника и звание камер-юнкера. Его годовое содержание на новой должности составляло 4 500 руб.¹⁵ Будучи секретарём миссии, барон Р. Р. Розен неоднократно замещал по службе тогдашнего посланника К. В. Струве (1835 – 1907)¹⁶, приобретая таким образом ценный опыт сотрудничества с политической элитой Японии, а также с дипломатами других государств. С самим К. В. Струве у Р. Р. Розена сложились весьма доверительные отношения. Барон даже стал крёстным отцом двух дочерей своего начальника, как, впрочем, и всех остальных детей российских подданных, рождённых в Японии¹⁷.

Прослужив три года в должности секретаря миссии в Токио, весной 1880 г. Р. Р. Розен был временно назначен консулом в Сан-Франциско и вернулся в Японию в конце того же года.

После того как в январе 1882 г. К. В. Струве был назначен посланником в Северо-Американские Соединённые Штаты, ответственность за деятельность миссии в Японии была временно возложена на Р. Р. Розена, что, по его собственному мнению, было хорошим шансом для молодого дипломата. Более того, когда начался пересмотр неравноправных договоров между Японией и великими державами, Роман Романович был назначен официальным представителем России на этих переговорах.

Целью переговоров со стороны японского правительства был пересмотр договоров на условиях равенства с западными государствами. Конференция по этому вопросу была созвана в январе 1882 г. в японской столице под председательством министра иностранных дел Японии Иноуэ Каору (1836–1915). Российская дипломатическая миссия в Токио находилась напротив Министерства иностранных дел Японии, поэтому Р. Р. Розен был частым гостем в семье Иноуэ. Но такие дружеские отношения сложились у Иноуэ Каору далеко не со всеми дипломатическими представителями иностранных государств в Японии, для которых, так же как и для Р. Р. Розена, на первом месте стояли интересы их правительств.

Переговоры по пересмотру неравноправных договоров проходили без эксцессов до того момента, пока министр не поставил вопрос об отмене консульской юрисдикции и экстерриториальности иностранцев. В то время как это предложение было поддержано аплодисментами американского посланника, представители других великих держав заявили, что им необходимо получить соответствующие рекомендации своих правительств, а британский посланник сэра Г. Паркеса сразу выразил свой протест. Таким образом, попытка японского правительства избавиться от ограничений, возложенных на него существующими договорами, закончилась на этот раз безрезультатно. Российский посланник выступал на данных переговорах скорее наблюдателем, чем активным участником, так как вопрос отмены экстерриториальности, ввиду малочисленности российских граждан в Японии, не был для российских дипломатов настолько острым, как для Великобритании, представители торговых компаний которой во множестве прибывали в Японию. К тому же, согласно статье 8 Трактата о торговле и границах 1855 г. россияне взамен на получение права экстерриториальности в Японии, признавали такие же привилегии за японцами, посещающими Россию¹⁸. Достичь своей цели, то есть избавиться от режима экстерриториальности иностранцев, Японии удалось лишь в 1899 г.

В своих воспоминаниях Р. Р. Розен писал, что между ним и Г. Паркесом сложились очень тёплые дружеские отношения, и между ними никогда не было никаких серьёзных споров. Когда после восемнадцати лет службы на должности посланника Великобритании в Японии Г. Паркес получил новое назначение в Пекин, он пришёл попрощаться с Р. Р. Розеном. Обсуждая российско-британские отношения, дипломаты пришли к согласию в том, что политика скрытого антагонизма между Российской и Британской империями не принесёт ни одной из сторон ничего хорошего. Забегая вперёд, следует отметить, что создание в 1902 г. англо-японского союза оставляло всё меньше надежд разрешить российско-японские противоречия мирным путём.

Осенью 1883 г. новым посланником России в Японии был назначен О. П. Давыдов (1838–1885). По его просьбе Р. Р. Розен остался в Токио на пару недель для того, чтобы ознакомить новоприбывшего с состоянием дел, после чего отправился в Вашингтон навестить семью своего прежнего начальника К. В. Струве. Проведя около месяца в Америке, Р. Р. Розен прибыл в Санкт-Петербург в январе 1884 г. Его следующим назначением стал пост генерального консула в Нью-Йорке. Затем, когда К. В. Струве получил назначение в Нидерланды, ответственность за деятельность российской миссии в Америке была возложена на Р. Р. Розена. Развитие карьеры дипломата продолжилось на должностях посланника России в Мексике, затем на аналогичной должности в Сербии¹⁹. В январе 1897 г. Р. Р. Розен представил королю Сербии документы о своём отзыве обратно в Россию. По прибытии в Санкт-Петербург Роман Романович получил задание от министра иностранных дел М. Н. Муравьёва (1845 – 1900) всесторонне изучить состояние российско-японских отношений и в целом обстановку на Дальнем Востоке. В своих мемуарах Р. Р. Розен вспоминал, что, проанализировав корреспонденцию между Министерством иностранных дел и Военным министерством, он обнаружил далеко идущие планы, возникшие в последнем из названных ведомств, – намерения, могущие привести Россию к смертельной опасности²⁰. Барон доложил министру иностранных дел о необходимости предотвратить решительные шаги военного ведомства по осуществлению своих планов. Граф М. Н. Муравьёв согласился на предложение Р. Р. Розена подготовить обстоятельную служебную записку по вопросу положения дел на Дальнем Востоке. Первым пунктом в этом документе был тезис о том, что на Дальнем Востоке Россия столкнулась с ситуацией, кардинально отличной от условий, с которыми россияне встретились в Средней Азии. Если в Западном Туркестане, по мнению Р. Р. Розена, существовал низкий уровень развития цивилизации, и тамошнее население приветствовало приход россиян, которые принесли закон и порядок, то на Дальнем Востоке Российской империи предстояло столкнуться с двумя великими государствами: одно из которых огромно по территории и населению, другое же является неприступным островом с населением, характеризующимся агрессивным патриотизмом и милитаристским духом. Р. Р. Розен настаивал на том, что российское правительство должно было исключить из сферы своих политических интересов такие нечёткие цели, как гегемония и преобладающее влияние, и определять внешне-политические цели, исходя из реальных потребностей государства.

Согласно записям Р. Р. Розена, оптимистические рапорта тогдашнего поверенного в делах в Токио и первого секретаря миссии А. Н. Шпейера вызывали у Романа Романовича искреннее

удивление. Если верить его мемуарным записям, А. Н. Шпейер убеждал Министерство иностранных дел в том, что российское продвижение в Корею будет абсолютно безопасным, а протесты с японской стороны не несут в себе серьёзной угрозы. Высшее руководство, видимо, признало Р. Р. Розена более компетентным в вопросах российско-японских отношений, чем А. Н. Шпейера. Поэтому 4 февраля 1897 г. было осуществлено предложение уже покойного к тому моменту министра иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского (1824–1896) о переводе А. Н. Шпейера в Сеул и назначении Р. Р. Розена посланником в Токио.

Р. Р. Розен прибыл в Японию в августе 1897 г., вслед за ним прибыли новый первый секретарь С. А. Поклевский-Козелл и второй секретарь Андреев. Обоих Роман Романович характеризовал как ценных сотрудников.

Вскоре после вступления в должность Р. Р. Розен провёл деловую встречу с министром иностранных дел графом Окума Сигэнобу (1838–1922), от которого узнал, что семь или восемь русских офицеров прибыли в Сеул для того, чтобы обучать солдат корейской армии. Данные действия являлись нарушением обещаний российского правительства, официально высказанных японскому посланнику в Санкт-Петербурге Хаяши Тадасу (1850 – 1913), о том, что Россия не будет предпринимать каких-либо действий в отношении Кореи до прибытия Р. Р. Розена в Токио и заключения дружественного соглашения с японским правительством. В ответ на претензии японского министра российский посланник заявил, что на момент его отбытия из Санкт-Петербурга российское правительство не имело намерений посылать своих офицеров в Корею. Р. Р. Розен оказался в неудобном положении, не будучи в курсе всех планов своего правительства. Неосведомлённость посланника не лучшим образом отображалась и на международном имидже Российского государства. В своих мемуарах Р. Р. Розен писал, что он имел слабое представление о том, что произошло в Санкт-Петербурге в связи с инцидентом отправки российских офицеров в Сеул. Роман Романович знал о существовании в Военном министерстве плана обучения россиянами корейских солдат, но на момент отъезда Р. Р. Розена из российской столицы этот план был отвергнут. Лишь по возвращении в Россию тремя годами позже барон узнал, что министру иностранных дел М. Н. Муравьёву удалось получить согласие императора Николая II на отправку в Корею совсем незначительного числа офицеров в надежде, что это не вызовет протестов с японской стороны. Открытым остаётся вопрос, почему об этом вовремя не сообщили Р. Р. Розену, который был назначен посланником в Японию главным образом для того, чтобы уладить спорные вопросы, связанные с Кореей. Дело завершилось тем, что упомянутые офицеры были отозваны весной 1898 г. после оккупации россиянами Порт-Артура, где планировалось создание

военно-морской базы для российских военных судов. 15 (27) марта 1898 г. была подписана русско-китайская конвенция, согласно которой император китайский предоставлял российскому правительству в арендное пользование Порт-Артур (Люйшунь) и Дальний (Далянь) сроком на двадцать пять лет. Это событие вызвало всплеск антироссийских настроений в японском обществе, в то время как кабинет министров Японии, со многими членами которого Р. Р. Розен имел дружеские отношения, оценивал передачу Порт-Артура россиянам позитивно. Согласно записям российского посланника, правительство Японии было осведомлено о том, что России требовался незамерзающий порт, и оно надеялось, что, получив Порт-Артур, россияне откажутся от поисков подходящего порта на берегах Кореи²¹. Во время одной из обычных еженедельных встреч Р. Р. Розена с министром иностранных дел Японии Ниси Токудзиро (который в своё время получил образование в Санкт-Петербургском университете) последний заявил о желании правительства Японии достигнуть взаимопонимания с Россией и предложил заключить соглашение об обоюдных обязательствах воздерживаться от какого-либо вмешательства в политику друг друга: России в Маньчжурии и Японии в Корее. Вечером того же дня российский посланник получил от японского министра письменный проект договора, который немедленно был отправлен в Санкт-Петербург. В ответной телеграмме М. Н. Муравьев сообщал, что правительство России с удовлетворением приняло заявление правительства Японии о том, что Маньчжурия не входит в сферу японских интересов, но Россия не может сделать подобного заявления в отношении Кореи. В результате 13 (25) апреля 1898 г. Р. Р. Розеном со стороны России и Ниси Токудзиро со стороны Японии был подписан протокол по корейскому вопросу²². Согласно этому документу, российское и японское правительства признавали полную независимость Кореи и взаимно обязывались воздерживаться от всякого вмешательства во внутренние дела этой страны. Ввиду существования широкой сети коммерческих предприятий Японии в Корее, российское правительство обязывалось не чинить препятствий развитию коммерческих и промышленных отношений между Японией и Кореей. После подписания протокола из Сеула был отозван российский финансовый советник. Японцам удалось получить стратегически ключевой контракт на сооружение железной дороги Сеул – Пусан, упредив конкуренцию Германии, Великобритании и России в строительстве транспортных магистралей на полуострове.

Несмотря на положения подписанного протокола, Корея продолжала пребывать в сфере интересов царского правительства. Корабли российского военно-морского флота регулярно курсировали вдоль побережья Кореи, что стало причиной возрастания недовольства со стороны японских властей.

Осенью 1899 г. один из офицеров российского флота сошёл на берег в корейском порту Пусан и ввязался в какую-то неприятную историю в чайном домике японской концессии. Занимаясь расследованием этого дела, Р. Р. Розен отправил М. Н. Муравьеву телеграмму о необходимости ограничить свободу деятельности российских морских офицеров в Корее. Днём позже Роман Романович получил ответную телеграмму, где сообщалось о его назначении посланником в Мюнхене – гораздо менее важный в политическом отношении пост. Таким образом, царское правительство, не желая уступать Японии Корейский полуостров, сместило Р. Р. Розена, стремившегося ограничить присутствие российских военных моряков в Корее во избежание конфликта с Японией.

Новым посланником в Токио был назначен А. П. Извольский²³ (1856–1919), который до этого занимал аналогичную должность в Мюнхене. После заключения в январе 1902 г. англо-японского союза на первую линию дипломатической активности на Дальнем Востоке выходит проблема возможного провозглашения нейтралитета Кореи. По мнению А. П. Извольского, Япония зашла настолько далеко в своих приготовлениях с целью захвата Корейского полуострова, что выработка какого-либо компромисса в отношениях между Токио и Санкт-Петербургом представлялась маловероятной. В такой кризисной ситуации сохранить российские внешнеполитические интересы на Дальнем Востоке, как полагал А. П. Извольский, можно путём нейтрализации Кореи при надёжных международных гарантиях. Учитывая сложность формирования международного дипломатического механизма обеспечения нейтралитета Кореи, указанный статус мог быть гарантирован наиболее заинтересованными государствами: Россией, Японией, а также США, которые не преследовали в Корее определённых политических целей и были заинтересованы в свободе торгово-промышленных отношений. Однако доводы А. П. Извольского, отвечавшие государственным интересам Кореи, не были поддержаны ближайшим политическим окружением Николая II²⁴. Осенью 1902 г. А. П. Извольский в связи с семейными обстоятельствами подал прошение о переводе его на соответствующую должность в Европу. На пост посланника России в Японии вновь был назначен Р. Р. Розен. На выбор наиболее подходящего кандидата на должность посланника в Токио в этот непростой период российско-японских отношений повлияло то, что барон был хорошо знаком с ситуацией на Дальнем Востоке и имел богатый опыт общения с японским политиком.

По прибытии в Японию Роман Романович первым делом принял дела миссии, а затем отправился в Киото, где ему была назначена аудиенция у императора Муцухито для представления документов о его назначении. После вручения верительных грамот императору посланник вместе со своей супругой были приглашены на приём к

императрице. Монаршая чета выразила Розенам своё удовлетворение по поводу их возвращения в Японию. Согласно мемуарам Р. Р. Розена, члены японского правительства также встретили его как старого друга, но в японском обществе господствовала атмосфера враждебности и подозрительности по отношению к россиянам. Тем не менее, первые месяцы по возвращении Р. Р. Розена в Японию прошли очень спокойно, без каких-либо инцидентов²⁵.

Во избежание вооружённого конфликта с Японией российский посланник считал необходимым расколоть англо-японский союз, но, изложив свои соображения по этому поводу министру финансов С. Ю. Витте, не получил поддержки с его стороны²⁶.

16 мая 1903 г. преемник М. Н. Муравьёва на посту министра иностранных дел В. Н. Ламсдорф (1845–1907) предложил Николаю II прозондировать в Токио возможности заключения соглашения России с Японией. Царь одобрил идею, и В. Н. Ламсдорф уже 17 (30) мая уполномочил Р. Р. Розена искать договорённостей относительно Кореи. Одновременно в Японию был направлен военный министр России А. Н. Куропаткин (1848–1925). 28 мая возглавляемая им миссия высадилась в японском порту Симоносеки, и уже 2 июня А. Н. Куропаткин смог встретиться с одним из наиболее влиятельных японских политиков Ито Хиробуми, который выразил свою обеспокоенность неопределённостью положения, занятого Россией на Дальнем Востоке, а именно в Маньчжурии и Корее. В тот же день А. Н. Куропаткин передал Р. Р. Розену содержание своего разговора с Ито Хиробуми, и министр с посланником совместно составили депешу государю. О весомости точки зрения Р. Р. Розена свидетельствует тот факт, что военный министр просил его лично написать проект основной части депеши, чтобы иметь в руках документ о том, что содержание депеши разделялось посланником России в Японии. Основной смысл составленного А. Н. Куропаткиным и Р. Р. Розеном документа сводился к необходимости отказаться от активной политики в Корее со стороны России, во избежание вооружённого конфликта с Японией. Однако дневниковые записи А. Н. Куропаткина свидетельствуют о том, что в секретных депешах, отправленных Р. Р. Розеном графу В. Н. Ламсдорфу, посланник неожиданно заявил о том, что россияне «могли бы ... в своих действиях в Корее ... руководствоваться одними собственными интересами, хотя бы такие действия и казались задевающими сантиментальные или даже реальные интересы Японии в этой стране»²⁷. Подобное заявление со стороны Р. Р. Розена на фоне его постоянного стремления убедить российское правительство отказаться от Кореи с трудом поддаётся объяснению. Возможно, некоторые факты в записях А. Н. Куропаткина искажены. В случае же их достоверности – одной из версий объяснения поступка Р. Р. Розена являлось

его желание сохранить своё влияние на дальневосточные дела, так как к тому моменту посланник уже получил приказание подчиняться наместнику царя на Дальнем Востоке адмиралу Е. И. Алексееву (1843–1917), который был принципиальным противником подписания соглашения с Японией: он считал невыгодным для России обменять Южную Корею на Маньчжурию. Инициативу проявила Япония – по поручению Токио посланник в Петербурге Курино Синитиро (1852–?) обратился к В. Н. Ламсдорфу с предложением начать обмен мнениями по поводу Дальнего Востока. 30 июля 1903 г. он передал В. Н. Ламсдорфу японские предложения, главной идеей которых был обмен Кореи на Маньчжурию. За Россией Япония признавала лишь железнодорожные интересы, в то время как сама стремилась действовать в Корее практически без каких-либо ограничений. В. Н. Ламсдорф поручил Р. Р. Розену изучить предложения японского правительства и разработать встречные предложения, согласуя их с наместником на Дальнем Востоке Е. И. Алексеевым²⁸.

Когда в сентябре 1903 г. Р. Р. Розен прибыл из Токио в Порт-Артур для консультаций с Е. И. Алексеевым, о его приезде не знало даже ближайшее окружение адмирала. Наместник уверял барона в неотвратимости войны и высказал предположение о возможном невозвращении Р. Р. Розена в Японию. Государю-императору была отправлена телеграмма о необходимости немедленного объявления войны с целью предупредить подобные действия со стороны Японии. В столице с делом ознакомились министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф, военный министр А. Н. Куропаткин, морской министр Ф. К. Авелан, контр-адмирал А. М. Абаза и сам царь. В составленном ответе сообщалось, что Николай II не допускает возможности для великой России объявить войну маленькой Японии.

Наместник настаивал на жёстком курсе по отношению к Японии, отказываясь уступать Корее. Кроме того, он требовал от Токио объявить Маньчжурию вне сферы японских интересов, соглашаясь признать там лишь торговые права Японии. Р. Р. Розен считал, что Токио не примет условий адмирала. Официальный ответ российского правительства, представленный Романом Романовичем 3 октября в японской столице, был основан на разведении корейского и маньчжурского вопросов. Его основной смысл состоял в предложении обменять Корею на полный отказ Японии от каких-либо действий в Маньчжурии²⁹. Россия признавала за Японией привилегированные интересы в Корее, обязываясь не чинить препятствий её коммерческой и промышленной деятельности в названном государстве, но требовала отказа обеих сторон от попыток использовать территорию Кореи в стратегических целях. Территорию Кореи, севернее 39-й параллели, предлагалось признать нейтральной зоной, куда будет запрещено вводить свои войска обеим из сторон³⁰.

В ходе обсуждения корейско-маньчжурского вопроса между Р. Р. Розеном и министром иностранных дел Японии Комура Дзютаро (1855–1911) последний указал на признание Японией особых интересов России в Маньчжурии при условии уважения суверенитета Китая и прекращения попыток ограничить свободу коммерческой деятельности японцев в Маньчжурии. Предметом спора стала позиция, высказанная российским посланником, о том, что Россия не допустит вмешательства третьей стороны в её отношения с Китаем.

31 октября 1903 г. Р. Р. Розен сообщил Комура Дзютаро о том, что он не может продолжить переговоры, так как находится в ожидании новых указаний от своего правительства. В связи с этим министр иностранных дел Японии приказывал посланнику в Петербурге встретиться с исполняющим обязанности министра иностранных дел России (ввиду временного отсутствия в Петербурге В. Н. Ламсдорфа) и сообщить ему о том, что японское правительство признаёт маньчжурский вопрос исключительно вопросом российско-китайских отношений, однако Япония имеет свои права и интересы в этом регионе. 20 ноября Р. Р. Розен информировал Комура Дзютаро о том, что адмирал Е. И. Алексеев отправил разработанные контрпредложения в Санкт-Петербург, и переговоры в Токио могут быть продолжены только после обсуждения российским правительством предложений наместника. Реакцией японского министра стала отправка телеграммы мистру Курино с поручением как можно быстрее встретиться с графом В. Н. Ламсдорфом и высказать просьбу о неотложном предоставлении инструкций российскому посланнику в Токио, так как правительство Японии было заинтересованно в ускорении хода переговоров (на полвека ранее с подобными просьбами – об ускорении хода переговоров с целью заключения первого российско-японского договора – обращались к японцам россияне; теперь ситуация изменилась). Просьба японского посланника не была удовлетворена, и в телеграмме от 28 ноября Комура Дзютаро вновь приказывал мистру Курино поспособствовать ускорению отправки инструкций для Р. Р. Розена. 4 декабря Курино Синитиро сообщил Комура Дзютаро о том, что, по словам В. Н. Ламсдорфа, он сможет встретиться с императором лишь 8 декабря – тогда будет возможность отправить инструкции для барона Р. Р. Розена. Наконец 28 ноября (11 декабря) Р. Р. Розен официально представил министру иностранных дел Японии проект договора, утверждённый российским правительством. В то время как японцы на первое место среди своих предложений ставили необходимость признания независимости и территориальной целостности Китайской и Корейской империй, россияне в свою очередь официально соглашались признать лишь корейскую независимость. Маньчжурский вопрос в проекте договора упомянут не был³¹.

Обвинения в затягивании переговорного процесса исходили как от японцев, так и от россиян. 7 (20) декабря 1903 г. российский морской агент в Японии А. И. Русин рапортовал помощнику начальника Главного морского штаба А. А. Вирениусу, что «прошло уже почти десять дней со времени вручения российским посланником японскому министру иностранных дел, барону Комура, условий соглашения императорского правительства, и до сих пор нет никакого ответа, хотя сами японцы всё время твердили о спешности переговоров»³².

Во время встречи с российским посланником 21 декабря барон Комура указал на принципиальную разницу в определении территориальных границ сфер влияния на Дальнем Востоке в японских предложениях и в российских контрпредложениях. Японское правительство не соглашалось с пунктом о невозможности для него использовать территорию Кореи для стратегических целей.

25 января директор Азиатского департамента Н. Г. Гартвиг (1857–1914) сообщил Курино Синитиро о том, что российский ответ на японские предложения задерживается, так как идёт консультационный процесс между Министерством иностранных дел и адмиралом Е. И. Алексеевым. Однако, по информации современника событий капитана I ранга Б. И. Бока, с 12 января российским посланником в Токио, Пекине и Сеуле было приказано связываться непосредственно с Петербургом в обход наместника царя на Дальнем Востоке³³. Таким образом, можно предположить, что информация, предоставленная Н. Г. Гартвигом Курино Синитиро, не имела под собой реальных оснований, а была лишь поводом для затягивания хода переговоров. В результате японцы использовали медлительность россиян как повод для прекращения переговоров³⁴. 5 февраля 1904 г. министр иностранных дел Японии отправил посланнику в Санкт-Петербурге телеграмму с приказом передать графу В. Н. Ламсдорфу дипломатическую ноту о том, что правительство Японской империи желает прекратить безрезультатные переговоры и разорвать дипломатические отношения с правительством Российской империи³⁵.

Разрыв дипломатических отношений между Японией и Россией привлёк внимание всей мировой общественности. Об отозвании российского посланника из Токио написали такие газеты, как «The New York Times»³⁶, «The Register»³⁷, «The Straits Times»³⁸, «The Sydney Morning Herald»³⁹ и др. 7 февраля Р. Р. Розен и Комура Дзютаро обменялись прощальными визитами, в ходе которых японский министр заявил, что, поскольку дальнейшие российско-японские переговоры, очевидно, будут безрезультатными, Япония вынуждена начать активные действия, отвечающие её интересам.

Несмотря на обострение российско-японских отношений, которое привело к военному конфликту, российские дипломаты, долгое время

служившие в Японии, продолжали пользоваться уважением представителей японской власти. Накануне своего отъезда, 11 февраля 1904 г., российский посланник был приглашён на приём к микадо в честь годовщины промугации японской конституции. Японцы высказали Роману Романовичу свою симпатию, называли его другом Японии и сторонником мира.

Когда барон Р. Р. Розен уезжал из Токио, более сотни друзей и знакомых пришли на железнодорожную станцию Симбаси попрощаться с ним. Среди них были: премьер-министр Таро Кацура и другие министры, церемониймейстер барон Санномия, посланник Франции в Японии и другие. На специальном поезде члены российской миссии отправились в Йокогаму, где были приняты меры для гарантирования их безопасности. В экипажах, принадлежавших японскому правительству, российских дипломатов доставили на пристань, где был пришвартован пароход «Yagga» французского общества «Messageries Maritimes»⁴⁰. Кроме отозванного российского посланника с семьёй и персонала миссии на борту «Yagga» Японию покинули генеральный консул в Йокогаме В. Я. Сиверс, вице-консул в Кобе Ф. И. Васильев и консул в Нагасаки князь А. А. Гагарин⁴¹.

В общей сложности Р. Р. Розен прослужил в дипломатических представительствах России в Японии около двенадцати лет. Пройдя путь от вице-консула до посланника, он приобрёл ценный опыт дипломатического сотрудничества с японскими политическими кругами, ознакомился со спецификой дальневосточной политики. За время службы в Токио Р. Р. Розену удалось наладить дружеские отношения со многими влиятельными людьми Японии.

Современник Р. Р. Розена дипломат Ю. Я. Соловьёв написал о нём в своих воспоминаниях следующее: «Необыкновенно широкий кругозор и выдающийся здравый смысл выделяли Розена из среды большинства его коллег. Тем не менее Розен остался до конца старого режима непонятым. В министерстве обыкновенно с ним соглашались лишь после того, как события подтверждали верность его оценки политической обстановки»⁴².

Важной попыткой обратить внимание российских военных кругов на реальное состояние дел на Дальнем Востоке, попыткой обуздать имперские амбиции, неминуемо ведущие к войне, было составление Р. Р. Розеном обстоятельного документа (1897), призывавшего скорректировать цели российской дальневосточной политики. К сожалению, дипломату не удалось приостановить нарастание российской-японской конфронтации. Царское правительство признавало компетентность Р. Р. Розена в вопросе российско-японских отношений, тем не менее, он был снят с поста посланника в Токио, когда попытался указать на неуёмные амбиции российских военных в Корее.

Негативным образом на качестве исполнения Р. Р. Розеном обязанностей посланника в Японии

сказывалась несвоевременность получения им информации из Министерства иностранных дел Российской империи. Ситуация, когда японский министр иностранных дел узнавал новости об активности россиян в Сеуле раньше, чем российский посланник, выглядела, по меньшей мере, странной.

Будучи хорошо осведомлённым о настроении в японском обществе и о военном потенциале Японии в начале XX в., Р. Р. Розен понимал крайнюю нежелательность разжигания вооружённого конфликта. Тем не менее, он был представителем интересов руководства своего государства, а Николай II и его советники признали контроль над Маньчжурией и Кореей одной из приоритетных задач внешней политики Российской империи.

Примечания

- ¹ Кубышкин А. И., Сизоненко А. И. Российский дипломат Р. Р. Розен // Новая и новейшая история. 2003. № 3. С. 194–201.
- ² Подалко П. Э. Япония в судьбах россиян: Очерки истории царской дипломатии и рос. диаспоры в Японии в конце XIX–начале XX века. М., 2004. 352 с.
- ³ Лукоянов И. Последние русско-японские переговоры перед войной 1904–1905 гг. // Acta Slavica Iaponica. 2006. Т. 23. С. 1–36.
- ⁴ ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 828. Оп. 1. Д. 165.
- ⁵ АВПРИ (Архив внешней политики Российской империи). Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1982. Трактаты с Японией.
- ⁶ Rosen R. R. Forty Years of Diplomacy. L., 1922. 315 p.
- ⁷ Рапорт А. И. Русина А. А. Вирениусу. URL : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XX/1900-1920/Rusin_A_I/1-20/13.phtml?id=11810 (дата обращения : 25.07.2013).
- ⁸ Бок Б. И. Завтрак у наместника. URL : <http://www.bibliotekar.ru/port-artur/3.htm> (дата обращения : 7.05.2013).
- ⁹ Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. 61 p.
- ¹⁰ Russian Gunboat in Trap // The New York Times. 1904. February 8.
- ¹¹ The Crisis in the East // The Sydney Morning Herald. 1904. March 4. P. 7 ; Movements of Ambassadors // The Register. 1904. February 16. P. 5.
- ¹² The Russian Minister to Japan visits Singapore // The Straits Times. 1904. February 29. P. 5.
- ¹³ Rosen R. R. Op. cit. P. 26.
- ¹⁴ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1982. Трактаты с Японией. Л. 11–14.
- ¹⁵ ГАРФ. Ф. 828. Оп. 1. Д. 165. Л. 150.
- ¹⁶ Подалко П. Э. Указ. соч. С. 64.
- ¹⁷ Rosen R. R. Op. cit. P. 39.
- ¹⁸ АВПРИ. Ф. 150. Японский стол. Оп. 493. Д. 1982. Трактаты с Японией. Л. 5.
- ¹⁹ Rosen R. R. Op. cit. P. 109.
- ²⁰ Ibid. P. 133.

- ²¹ Rosen R. R. Op. cit. P. 157.
- ²² Правительственное сообщение, отъ 29 Апрѣля (11 Мая) 1898 года о независимости Кореи // Сборник договоров и дипломатических документов по дѣламъ Дальняго Востока. 1895–1905 гг. С.-Петербургъ, 1906. С. 345–348.
- ²³ Подалко П. Э. Указ. соч. С. 64.
- ²⁴ История Кореи (Новое прочтение) / под ред. А. В. Торкунова. М., 2003. С. 252–253.
- ²⁵ Rosen R. R. Op. cit. P. 215.
- ²⁶ Лукоянов И. Указ. соч. С. 4.
- ²⁷ Куропаткин А. Н. Дневник. С 27 мая 1903 г. по 6 июня 1903 г. URL : http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/XX/1900-1920/Kuropatkin_A_N/frametext.htm (дата обращения : 15.06.2013).
- ²⁸ Mr. Kurino to Baron Komura // Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. P. 19.
- ²⁹ Лукоянов И. Указ. соч. С. 19.
- ³⁰ Baron Comura to Mr. Kurino // Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. P. 23.
- ³¹ Baron Comura to Mr. Kurino. P. 41–42.
- ³² Рапорт А. И. Русина А. А. Вирениусу.
- ³³ Бок Б. И. Завтрак у наместника. URL : <http://www.bibliotekar.ru/port-artur/3.htm> (дата обращения : 7.05.2013).
- ³⁴ Лукоянов И. Указ. соч. С. 18.
- ³⁵ Baron Komura to Mr. Kurino // Correspondence Regarding the Negotiations between Japan and Russia (1903–1904). Tokyo. P. 58–59.
- ³⁶ Russian Gunboat in Trap // The New York Times. 1904. February 8.
- ³⁷ Movements of Ambassadors // The Register. 1904. February 16. P. 5.
- ³⁸ The Russian Minister to Japan visits Singapore // The Straits Times. 1904. February 29. P. 5.
- ³⁹ The Crisis in the East // The Sydney Morning Herald. 1904. March 4. P. 7.
- ⁴⁰ Rosen R. R. Op. cit. P. 234.
- ⁴¹ The Russian Minister to Japan visits Singapore // The Straits Times. 1904. February 29. P. 5.
- ⁴² Соловьѣв Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1939. С. 90.

УДК 94(470)

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНАЯ ВЛАСТЬ В СИСТЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (апрель 1906 – июнь 1907 года)

В. А. Кустов

Саратовский государственный социально-экономический университет
E-mail: kustovv@list.ru

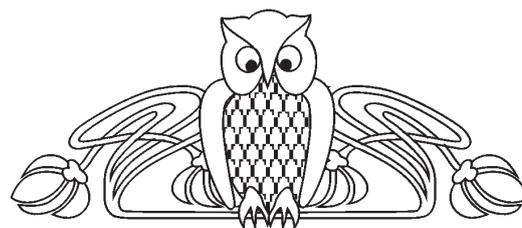
Статья посвящена изучению роли и места Государственной думы во внешнеполитическом механизме Российской империи в период Первой русской революции. Компетенции представительной власти не распространялись на сферу внешней политики. Между тем Основные Законы 1906 г. наделяли парламентариев некоторыми косвенными способами контроля, позволяющими оказывать определенное влияние и на текущую работу министерства иностранных дел, и на формирование внешнеполитического курса страны.

Ключевые слова: Государственная дума, политические партии, Первая русская революция, внешняя политика России.

The Role of Representation Power in Developing Foreign Policy of the Russian Empire (April 1906 – June 1907)

V. A. Kustov

The paper studies the role played by the State Duma in developing foreign policy of the Russian Empire during the First Russian revolution. Competences of the representation power do not extend to foreign policy. However, the State Law, adopted in 1906, gave members of Parliament tools of indirect control that enabled them to influence current activities of the Ministry of Foreign Affairs and to shape foreign policy of the country.

Key words: State Duma, political parties, First Russian revolution, foreign policy of Russia.

Поражение в Русско-японской войне и тяжелейший внутренний кризис 1905–1907 гг. привели к качественной трансформации внешней политики Российской империи. Началась обратная переориентация внешнеполитического курса страны с Дальнего Востока на Европу, оформлялись основы политики соглашений и балансирования, происходила модернизация внешнеполитического механизма, обновление и приспособление структуры министерства иностранных дел и всего государственного аппарата, отвечающего за реализацию внешнеполитических функций, к потребностям и задачам новой международной политики. С этого момента на принятие важнейших внешнеполитических решений вместе с непростой обстановкой на международной арене (обострением империалистических противоречий в конфликтных регионах мира, усилением напряженности между военными блоками) стали влиять и изменения, имевшее место внутри страны.

Подъем революционного движения подтолкнул самодержавие к реформированию политической системы Российской империи. Появившийся

в разгар октябрьской всероссийской стачки манифест «Об усовершенствовании государственного порядка» наделил Государственную думу законодательными полномочиями, провозгласил гражданские права, увеличение круга избирателей, положив начало эволюции абсолютной монархии в конституционную. «Впервые этим актом самодержавная власть отказалась от своей неограниченности, признала за народом право на участие в законодательстве»¹, – писал один из основателей кадетской партии И. И. Петрункевич.

Законодательные акты, последовавшие за Манифестом 17 октября, конкретизировали характер государственного устройства страны (Указ 19 октября 1905 г. «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных учреждений», Указ 11 декабря 1905 г. «Об изменении положения о выборах в Государственную думу», Манифест 20 февраля 1906 г. «Об изменении учреждения Государственного совета и о пересмотре учреждения Государственной думы», Свод основных государственных законов Российской империи от 23 апреля 1906 г.). Современные исследователи сходятся во мнении, что сложившийся в годы революции порядок правления следует считать дуалистической монархией, которая сочетала элементы неограниченной и конституционной модели при незавершенном разделении властных полномочий². Законодательную власть император делил с двумя палатами парламента, сохраняя за собой всю полноту исполнительной власти.

Накануне созыва законодательного собрания представители высшей бюрократии, участвовавшие в обсуждении правового статуса Государственной думы, пытались оставить максимум полномочий за императором и в области управления, и в области законодательства. Отсутствие ответственности правительства перед народными избранниками еще больше закрепляло складывавшийся дисбаланс властных функций. Проект будущей «конституционной хартии» особо оговаривал, что внешняя политика вместе с государственной обороной, управлением императорским двором будет выведена из-под юрисдикции депутатов³.

В апреле 1906 г. на царскосельских совещаниях под председательством императора вносились окончательные правки в новую редакцию Основных Законов. Царские сановники не скрывали своей главной цели – «отнять у Думы все, что опасно». Наиболее рьяно исключительный характер внешнеполитических прерогатив верховной власти отстаивал председатель правительства граф С. Ю. Витте. «Для меня важно изложить статью так, – заявил премьер-министр, – чтобы не было ни малейшего сомнения в том, что внешние сношения не подлежат ведению Государственного совета и Государственной думы. Поэтому надо придумать такую редакцию, которая точно бы выражала эту мысль»⁴. В противном случае, по мнению С. Ю. Витте, законодательное собрание

будет постоянно вмешиваться во внешнюю политику, готовить запросы в МИД и «перессорит нас со всеми иностранными государствами».

Внешнеполитическая составляющая Основных Законов, обнародованных 23 апреля 1906 г. (за четыре дня до открытия Госдумы), предельно точно выражала взгляды и надежды ревностных защитников прав и полномочий российского монарха. Комментируя статьи документа, посвященные международным отношениям, известный юрист С. А. Котляревский отмечал: «Такой энергичной формулировки мы не найдем даже в японской конституции»⁵. Автономность верховной власти в сфере управления целиком и полностью распространялась на внешнюю политику. Все основные звенья внешнеполитического механизма Российской империи были подчинены исключительно главе государства. Без его санкции не могло состояться ни одно значимое внешнеполитическое решение. Согласно статье 12, «Государь Император есть верховный руководитель всех внешних сношений Российского Государства с иностранными державами. Им же определяется направление международной политики Российского Государства»⁶. Царь формировал общий внешнеполитический курс, осуществлял текущий контроль за деятельностью министерства иностранных дел, принимал и аккредитовал послов, утверждал руководящий состав центрального аппарата и дипломатических представительств.

Следующая 13-я статья гласила, что «Государь Император объявляет войну и заключает мир, а равно договоры с иностранными государствами»⁷. В соответствии со своими полномочиями, глава государства представлял Российскую империю на международной арене, имел единоличное право вести переговоры с иностранными державами, объявлять войну, заключать международные соглашения. Такая предельная концентрация внешнеполитических функций вызывала сомнения даже в министерстве иностранных дел. Российский дипломат Г. Н. Трубецкой писал: «При уступке территории государство поступает частью своей верховной власти и, наоборот, при новом приобретении расширяется сфера действия той же власти. Поэтому с чисто юридической точки зрения такие вопросы должны подлежать ведению парламента, являющегося в конституционной монархии соучастником верховной власти»⁸.

Новая редакция Основных Законов не допускала никаких разночтений и иных толкований, устраняя другие политические институты дуалистической монархии от участия во внешней политике и еще больше усиливая роль верховной власти в разработке и реализации международного курса. И если раньше вопросы войны и мира, заключения внешних займов, торговых договоров император формально делил с Государственным советом, то теперь внешняя политика оказалась вне компетенции законодательных учреждений.

На практике исполнительной власти не удалось полностью исключить Государственную думу из внешнеполитического процесса.

Во-первых, законодательное собрание получило право утверждать проект государственного бюджета, включавшего расходы МИД на содержание центрального аппарата, дипломатических и консульских постов. От Госдумы зависело представление дополнительных ассигнований, рассмотрение штатных изменений, перераспределение средств между отдельными статьями сметы, что заставляло руководителей министерств выстраивать диалог с представительной властью, учитывать критику и пожелания парламентариев относительно работы ведомств.

Во-вторых, Государственная дума, не выходя за рамки своих компетенций, могла осуществлять международную деятельность, развивать сотрудничество с зарубежными парламентами, налаживать контакты с межпарламентскими организациями. «Обновленной России, – предсказывали либеральные издания, – придется вступить в более тесные отношения не с правительствами... других стран, а с законодательными учреждениями»⁹.

В-третьих, при всей ограниченности полномочий в арсенале депутатского корпуса имелось право запросов к правительственной администрации по поводу незаконных действий. Также парламентарии в случае необходимости получали возможность задавать «вопросы» министрам, обращаться в правительство за дополнительными разъяснениями интересующих дел. И запросы, и вопросы могли быть использованы Думой для привлечения внимания к внешнеполитическим проблемам и оказания давления на дипломатическое ведомство.

Политическая конфигурация I Государственной думы (27 апреля – 8 июля 1906 г.) оказалась совершенно неожиданной для нового Совета министров во главе с И. Л. Горемыкиным. Практически сразу оппозиционные фракции, сформировав парламентское большинство (кадеты провели в Думу 178 депутатов, трудовики – 110, социал-демократы – 18, партия демократических реформ – 12), начинают последовательное наступление на власть, выступая за расширение полномочий народного представительства и введение парламентаризма. В ответ на тронную речь монарха народные избранники принимают решение подготовить адрес, своего рода декларацию о намерениях, «законодательную программу думских работ». Среди главных приоритетов провозглашаются – создание ответственного министерства, проведение политической амнистии, установление всеобщего избирательного права, обеспечение независимости судебной власти, преобразование местного управления, реализация аграрной реформы с отчуждением части помещичьих земель. По свидетельству В. А. Маклакова: «Первый открытый политический жест Думы за-

ключался в принятии адреса. Он предопределил все дальнейшее»¹⁰.

4 мая 1906 г. на пленарном заседании, посвященном обсуждению заключительной части адреса, депутаты поднимают вопрос об участии российского парламента в формировании и реализации внешнеполитического курса страны. М. М. Ковалевский обращает внимание присутствующих, что проект документа имеет существенный пробел – в нем отсутствует позиция законодательного собрания по внешней политике. «Я полагаю, что Государственная дума, как представительное учреждение Российской империи, не может игнорировать ее отношений к другим народам Европы и должна высказать свою общую точку зрения... какой внешней политике Россия желает следовать»¹¹, – заявил лидер партии демократических реформ.

В ходе развернувшейся дискуссии выяснилось весьма двоякое отношение законодателей к внесению в адрес пункта о международной политике. С одной стороны, ведущие фракции полностью разделяли суть предложения и само содержание поправки М. М. Ковалевского. С другой – многие депутаты подвергли сомнению своевременность и целесообразность данной инициативы. Доводы противников упоминания в тексте международной тематики высказал В. Д. Набоков: «Как ни симпатично предложение М. М. Ковалевского и как по своему существу оно не возбуждает сочувствия, полнейшего сочувствия, но тем не менее... оно не желательно. Мы здесь никакой внешней политики не касались, мы говорили о другом, чего будем ждать от Государя; мы указывали на вопиющие наши нужды, на страшные внутренние язвы...»¹² Авторитетного кадетского юриста поддержали товарищи по партии Ф. И. Родичев, кн. Д. И. Шаховской, И. В. Галецкий, В. А. Племянников, Е. Г. Шольп, В. Е. Якушкин, трудовик Г. Н. Шапошников. Сложная политическая ситуация в стране, да и сам характер документа мало подходили для декларации внешнеполитических взглядов парламентариев. К тому же, по мнению кн. Д. И. Шаховского, намек на внешнюю политику в адресе уже имелся. Пункт об ответственности правительства перед Государственной думой был специально дополнен указанием, по которому ответственности подлежали «все министры», включая руководителя дипломатического ведомства¹³.

Большинством голосов поправка М. М. Ковалевского была отклонена и не попала в окончательный текст документа. Между тем радикальные настроения «Думы народного гнева» в полной мере отразились на обсуждении внешнеполитической части адреса. Депутатам первого созыва, сделавшим ставку на пересмотр Основных Законов, открытое противостояние с правительством, безусловно, импонировала идея распространить парламентский контроль на внешнюю политику. Все участники дискуссии сходились в одном –

российскому представительному учреждению необходимо включиться в борьбу за влияние на внешнеполитический курс самодержавия и «завоевать себе право участия в международных делах»¹⁴.

Практически одновременно с торжественной инаугурацией Государственной думы в министерстве иностранных дел происходит смена руководства. 12 мая 1906 г. глава дипломатического ведомства В. Н. Ламздорф, неоднократно заявлявший, что не желает иметь с Думой ничего общего, был отправлен в отставку. На его место пришел бывший посланник в Копенгагене А. П. Извольский, по свидетельству современников, «стремившийся, наоборот, предстать перед первым русским «Парламентом», в качестве первого «конституционного» русского министра иностранных дел»¹⁵. Новому руководителю внешней политики России предстояло вывести страну из внешнеполитического кризиса, реформировать министерство иностранных дел и, наконец, наладить взаимодействие с печатью, ведущими политическими партиями и законодательным собранием.

Следует отметить, что начало думской сессии, несмотря на продолжающийся острый политический кризис, выдвинувший в центр дискуссий решение внутренних проблем, совпало с возрастанием интереса российских политических партий к внешней политике. Безусловными лидерами в этой области были либеральные организации. В мае 1906 г. состоялось совещание проправительственной думской фракции «Союза 17 октября», которое выработало общие принципы сотрудничества с исполнительной властью во внешней политике. Суть концепции октябристов сводилась к тому, что «о вмешательстве законодательного собрания в ход переговоров или в отдельные распоряжения по тому или другому международному вопросу не может быть и речи», но за Государственной думой должно быть признано «право авторитетного наблюдения за общим направлением иностранной политики»¹⁶.

Внешиполитическая тематика поднималась и конституционно-демократической партией, одержавшей убедительную победу на выборах в Госдуму и стремившейся к формированию ответственного министерства. В мае – июне 1906 г. с санкции императора царские сановники (Д. Ф. Трепов, А. П. Извольский, П. А. Столыпин) инициировали переговоры с лидерами кадетов о формировании правительства на основе думского большинства. При обсуждении состава будущего Совета министров конституционные демократы выдвинули своих кандидатов на пост министра иностранных дел. В качестве возможного руководителя МИД назывался глава партии П. Н. Милюков и другой видный кадетский идеолог – В. Д. Набоков¹⁷.

Оппозиция, уверенная в дальнейшем ослаблении самодержавия, готовилась взять в свои руки и внутреннюю, и внешнюю политику. На

заседании Центрального комитета конституционных демократов 6 июня 1906 г. принимается решение дополнить программу партии внешнеполитическим разделом и в виде временной меры создать при ЦК «особую комиссию по международным отношениям». В комиссию были избраны наиболее авторитетные деятели конституционно-демократической партии – П. Н. Милюков (председатель), И. И. Петрункевич, В. И. Вернадский, С. А. Котляревский и П. Б. Струве¹⁸.

Появление «кадетского» или коалиционного кабинета министров широко обсуждалось в обществе. Учитывая крайне нестабильную политическую ситуацию, высокую популярность требований оппозиционных партий, в правительственных и либеральных кругах не исключали скорого конца «горемыканья». В работе «Парламентаризм и внешняя политика» дипломат Г. Н. Трубецкий писал: «Несомненно, новый кабинет будет проводить во внутренней политике программу, диаметрально противоположную взглядам и намерениям кабинета Горемыкина; однако можно ли ожидать, что подобная перемена произойдет в направлении внешней политики?»¹⁹

Анализируя возможные последствия прихода к власти кадетов, будущий глава ближневосточного отдела МИД делает вывод, что для радикального изменения внешнеполитического курса страны нет никаких оснований. Постоянные национальные интересы и внепартийный характер внешней политики должны были гарантировать преемственность в международных отношениях. К тому же кадеты в целом поддерживали сложившуюся систему союзов и соглашений Российской империи. Либералы являлись последовательными сторонниками союза с Францией, «прочность коего не может быть поколеблена никакими переменами нашего внутреннего строя», и приветствовали подготовленное «старым строем» сближение с Англией²⁰.

Вместе с тем, по мнению Г. Н. Трубецкого, преемственность и дискретность ведения международных отношений подразумевали особый статус главы внешнеполитического ведомства в правительстве. Министр иностранных дел не должен разделять ответственности коалиционного кабинета по вопросам внутренней политики. Отставка правительства не должна вести к обязательной отставке руководителя МИД. Данные исключения нивелировались обязательным контролем за действиями министра со стороны парламента и коллег по правительству, который должен был осуществляться по четырем направлениям:

- 1) периодическое опубликование документов по текущим вопросам внешней политики, «насколько позволяют обстоятельства»;
- 2) ответы министра иностранных дел на запросы и вопросы парламента;
- 3) обсуждение и голосование в обеих палатах законодательного собрания всех договоров, касающихся ведения мирных трактатов и актов,

предусматривающих уступку, обмен или присоединение территорий;

4) информирование министром иностранных дел о предметах своего ведения членов кабинета и согласование своих действий с решениями, принимаемыми Советом Министров и общими указаниями премьер-министра²¹.

Забегая вперед, следует сказать, что довольно скоро все рассуждения о реализации министерством иностранных дел внешней политики в условиях парламентаризма утратили свою актуальность. Власть не пошла на уступки оппозиции и отказалась от идеи формирования ответственного перед Думой министерства.

Свою международную деятельность в мае – июле 1906 г. парламентские фракции Государственной думы первого созыва начали с налаживания контактов со старейшей международной организацией – Межпарламентским союзом. 8 июня 1906 г. депутаты единогласно поддержали предложение глав английской и французской групп союза (лорда Уирдела, барона Эстурнель де Констана) принять участие в XIV конгрессе организации, посвященном проблемам кодификации международного права и укрепления института международного посредничества. Со времени проведения Первой Гаагской конференции в 1899 г. была проделана огромная работа в сфере правового регулирования межгосударственных отношений. Расширялась практика судебного разрешения международных тяжб и споров, совершенствовалась правовая база ведения войн, вырабатывались новые инструменты мирного, цивилизованного улаживания взрывоопасных конфликтов. «Ряд конвенций, заключенных в последние годы разными государствами о предоставлении возникающих споров на разрешение третейского суда, превратил идею в действительность, – заявил представитель Гродненской губернии М. Я. Острогорский. – То, что долгое время считалось утопией, все более и более входит в общественное сознание не только как веление разума и совести, но и как требование жизненных интересов народов»²².

Неоднократно обращаясь к причинам и урокам недавней Русско-японской войны, парламентарии весьма высоко оценивали деятельность Межпарламентского союза по пропаганде идей международного третейского суда, ограничения вооружений, регламентации военных действий. Кроме того, сотрудничество российского парламента с представительными учреждениями других стран открывало широкие возможности для парламентской дипломатии, способствовало повышению роли Государственной думы в формировании внешнеполитического курса правительства. «Недалеко то время ..., когда будут придавать значение не встречам эскадр, не визитам монархов, а когда будут придавать значение, как в настоящем случае, дружескому союзу народных представителей»²³, – полагал трудовик И. В. Жилкин.

На заседании Государственной думы 30 июня 1906 г. принимается решение вступить в Межпарламентский союз и направить своих представителей на XIV конгресс в Лондон. В состав русской парламентской делегации было избрано шесть человек: А. Ф. Аладьин (трудовая группа), А. В. Васильев (кадетская партия), М. М. Ковалевский (партия демократических реформ), М. Я. Острогорский (беспартийный), Ф. И. Родичев (кадетская партия), А. А. Свечин (кадетская партия)²⁴. Международный форум обещал стать самым представительным в истории организации, рассчитывая собрать более 570 делегатов иностранных парламентов, не считая членов обеих британских палат.

Прибыв в Лондон, депутаты Госдумы планировали наладить связи с представителями деловых и политических кругов Великобритании, лидерами парламентских групп других государств. Однако события в России нарушили запланированный ход визита. Открытие межпарламентского конгресса в стенах роскошной королевской галереи Вестминстерского дворца совпало с роспуском Государственной думы первого созыва. Председатель думской делегации М. М. Ковалевский был вынужден сделать заявление об окончании миссии думцев и немедленном возвращении на родину²⁵. По свидетельству «Times», впечатлительное от российского политического кризиса было настолько сильным, что не позволило собранию спокойно приступить к обсуждению намеченных вопросов. «Упоминания о Думе, которые делались различными ораторами, вызывали замечательные демонстрации со стороны участников конференции: все неоднократно вскакивали со своих мест, поднимали руки по направлению к тому месту, где сидели русские, и рукоплескали с энтузиазмом»²⁶, – писала влиятельная английская газета.

Члены Межпарламентского союза просили представителей российского парламента продолжить работу до окончания форума, предлагая обойти юридические формальности, связанные с изменением их статуса. Но решение прервать визит в Великобританию осталось неизменным, подогрев интерес зарубежной прессы к роспуску Государственной думы и превратив думцев в «настоящих героев дня».

Центральным событием открытия конференции стала речь английского премьер-министра Г. Кэмпбелла-Баннермана, имевшая большой резонанс в Петербурге. Приветствуя российских депутатов, он заявил, что первый официальный акт русского парламента в области внешней политики – избрание делегатов на межпарламентский конгресс мира – хороший симптом и для будущего России, и для будущего Европы. «Новые учреждения имеют часто тревожную, если не бурную молодость, – продолжил лидер либеральной партии Великобритании, – Дума воскреснет в той или иной форме. Мы можем сказать с полной искренностью: Дума умерла, да здравствует Дума!»²⁷

В российских правящих кругах выступление Г. Кэмпбелла-Баннермана расценили как прямую поддержку либеральной оппозиции и вызов, направленный непосредственно против государственного строя и Николая II. «Некорректный» комментарий по поводу парламентского кризиса грозил подорвать наметившееся русско-английское сближение. Как вспоминал министр иностранных дел А. П. Извольский, «мне стоило большого труда внушить моим коллегам и убедить самого императора, что Кэмпбелл-Баннерман только перефразировал поговорку, которая выражала в предреволюционной Франции незыблемость монархического принципа: “Le roi est mort vive le roi” (“Король умер, да здравствует король!”)»²⁸. Реакция лидера либеральной партии Великобритании на события в Петербурге, по сути, лишь выражала мнение, что роспуск – это совершенно нормальный правовой акт, не направленный против института парламентаризма. Российская либеральная печать также призывала исполнительную власть не драматизировать ситуацию и более взвешенно отнестись к словам британского премьера: «Возглас сэра Кэмпбелла-Баннермана одинаково ясен, как его ни читать: это прежде всего выражение безусловного сочувствия к русскому народному представительству, признание его жизненности, законных прав на существование и торжественное пожелание его скорейшего возрождения. Никакой критики, ни резкой, ни мягкой, по адресу русского правительства, тут не содержится»²⁹.

В конечном итоге произошедший инцидент не сказался на русско-английских отношениях. Дипломатические ведомства двух стран, заинтересованные в сближении, вскоре продолжили консультации по урегулированию сложных азиатских вопросов, завершившиеся разделом сфер влияния в Афганистане, Тибете и Персии. Между тем признание и поддержка, оказанная российским депутатам со стороны правительств и представительных учреждений ведущих западных стран, показали, что Государственная дума стала весомым фактором не только внутренней, но и внешней политики страны.

Стараясь учитывать складывавшиеся политические реалии, связанные с обновлением государственного строя, министр иностранных дел А. П. Извольский в период, предшествующий созыву II Государственной думы, предпринял несколько попыток привлечь российский парламент к участию во внешнеполитическом процессе. Формы этого участия, не выходя за рамки Основных Законов, должны были наладить постоянное сотрудничество правительства с ведущими политическими партиями и обществом в целом по вопросам внешней политики, усилить влияние МИД на общественное мнение и, самое главное, при необходимости обеспечить твердую опору планируемым внешнеполитическим шагам самодержавия на международной арене.

Первая попытка расширить внешнеполитические prerogatives народного представительства произошла в августе 1906 г., когда А. П. Извольский внес в Совет Министров предложение о предварительном обсуждении законодательными учреждениями некоторых международных договоров и соглашений России перед их последующей ратификацией главой государства. Речь шла исключительно о неполитических документах преимущественно экономического характера. Министр иностранных дел ссылаясь на существовавшие ранее прецеденты обсуждения Госсоветом международных торговых конвенций и на практику европейских государств (Францию, Бельгию), разграничивавших чисто политические соглашения, входящие в компетенцию исполнительной власти, и соглашения, касающиеся изменения территории, гражданских прав населения, финансовых обязательств страны, которые рассматривались парламентом³⁰. Однако сторонников в правительстве у главы внешнеполитического ведомства не нашлось. Совет Министров отклонил предложенное нововведение, посчитав, что оно вторгается в область ответственности царя и противоречит законодательству Российского государства. Более того, желая поставить окончательную точку в обсуждении подобных инициатив, министры приняли специальное постановление, четко озвучив свою позицию. «Международные договоры, трактаты и соглашения, – подчеркивалось в документе, – заключаются по непосредственному изволению царя и не подлежат рассмотрению в законодательных установлениях»³¹.

Через полгода А. П. Извольский решил действовать в обход правительства и обратился непосредственно к императору. Накануне открытия заседаний II Государственной думы в докладной записке на имя главы государства он в очередной раз поставил вопрос о характере взаимодействия исполнительной власти с парламентом в сфере международных отношений. Руководство дипломатического ведомства было уверено в том, что появление внешнеполитической повестки в народном представительстве уже неизбежно, и здесь министерство иностранных дел могло придерживаться двух противоположных подходов.

Первый, формальный, подход «ставил МИД почти совершенно вне возможности запросов со стороны Государственной думы»³². Опираясь на статьи 12 и 13 Основных Законов, министерство было вправе отказаться от каких либо разъяснений, игнорируя депутатские запросы, входящие в круг деятельности ведомства. В то же время признавалось, что подобные действия «едва ли желательны» и совершенно не соответствуют интересам самого правительства. «Как показывает думская практика, различные неосновательные обвинения, направленные против того или другого ведомства и сформулированные во время думских прений, с наибольшим успехом опровергались

точас же соответствующими объяснениями подлежащих министров»,³³ – говорилось в записке.

Приводились и другие аргументы. Категорический отказ МИД от всяких объяснений перед депутатами не встретил бы понимания политических партий, периодической печати, а также негативно мог сказаться на принятии бюджета ведомства и выстраивании общих отношений правительства с парламентом. По мнению А. П. Извольского, необходимо было придерживаться второго подхода, менее формального, предоставив возможность министерству иностранных дел отвечать на депутатские запросы и разъяснять позицию ведомства при рассмотрении сметы МИД или прохождении законопроектов, вытекающих из принятых Российской империей международных обязательств.

В итоге, ознакомившись с содержанием записки, Николай II согласился с аргументацией Извольского, позволив министру иностранных дел в тех случаях, которые он признает нужными, давать Государственной думе соответствующие разъяснения³⁴. С этого момента высшая власть фактически наделяет российский парламент совещательными функциями в области международных отношений, признавая, что не может игнорировать общественное мнение и прямо нуждается в его поддержке при реализации внешнеполитического курса.

Выборы во II Государственную думу в январе – феврале 1907 г. привели к усилению левого фланга. Оппозиционные партии (кадеты – 124 депутата, трудовики – 78, социал-демократы – 64, эсеры – 38) вновь получили значительный перевес над оппонентами (группа правых – 49 депутатов, октябристы – 35 депутатов). Надежды премьер-министра П. А. Столыпина наладить конструктивное взаимодействие двух ветвей власти и тактика умеренных «Думу беречь» были обречены на провал. С каждым днем становилось все более очевидно, что совместная законодательная работа правительства и оппозиции невозможна. Прогнозируя основные законопроекты Совета министров (об улучшении крестьянского быта, организации местного суда, реформе уездного управления и др.), народные избранники выдвинули на первый план наиболее конфликтные внутриполитические вопросы – отмену военно-полевых судов, проведение политической амнистии, принудительное отчуждение частновладельческих земель. Следует отметить, что сфера внешней политики на пленарных заседаниях II Думы не затрагивалась, получив лишь некоторое освещение при рассмотрении сметы МИД на текущий год.

В конце февраля 1907 г. правительство представило законодательному собранию проект государственной росписи доходов и расходов. Подготовку доклада по смете внешнеполитического ведомства бюджетная комиссия поручила подкомиссии в составе М. П. Федорова (кадетская фракция), М. С. Аджемова (кадетская фракция),

Г. С. Бадамшина (трудовая группа), Л. Ф. Геруса (социал-демократическая фракция), В. В. Небовидова (трудовая группа), П. Б. Струве (кадетская фракция). К 15 мая депутаты завершили свою работу, подвергнув министерский документ серьезной критике.

Прежде всего, нарекания вызвала структура и сам порядок составления бюджета. Подтверждая свои доводы многочисленными примерами, члены бюджетной комиссии отмечали, что смета составлена без четкой систематизации, логической обработки, необходимых расчетов. Существенным препятствием, тормозившим рассмотрение документа, было отсутствие справочного аппарата, вспомогательных материалов. Комиссии в ходе проверки сметных ассигнований приходилось постоянно обращаться в МИД за недостающей информацией. «Смета доходов и расходов министерства иностранных дел представляет собой остоу цифр, доставленный в Государственную думу в совершенно сыром, необработанном виде. Даже элементарные условия наглядности при арифметических подсчетах не соблюдены. На подкомиссию взвалено много такой работы, которая, конечно, должна была быть исполнена самим министерством... С канцелярской точки зрения работа исполнена совершенно небрежно»³⁵, – сделали однозначный вывод народные избранники.

Не меньше претензий было и к содержанию проекта бюджета внешнеполитического ведомства. Депутаты обратили внимание на слабое обоснование расходных статей сметы, предложив в будущем пересмотреть распределение окладов высшим дипломатическим чиновникам, сократить расходы на представительские функции, проанализировать эффективность консульских учреждений. По мнению думцев, министерство не потрудились предоставить бюджетной комиссии «соображения, освещающие смету с общегосударственной точки зрения», разъяснить первоочередные потребности ведомства, текущие цели и задачи, стоящие в настоящий момент перед русской дипломатией на международной арене. Представители ведомства также ни словом не обмолвились о предстоящей реформе министерства, информация о которой уже обсуждалась в прессе³⁶.

30 мая 1907 г. доклад по смете обсуждался на заседании бюджетной комиссии с участием чиновников МИД во главе с А. П. Извольским. Изложив главные претензии к бюджетному документу, народные избранники настоятельно советовали заранее согласовать планы по реорганизации внешнеполитического ведомства в стенах Таврического дворца. Председатель комиссии М. П. Федоров выразил твердую уверенность, что при представлении сметы на 1908 г. министр иностранных дел познакомит Государственную думу с программой намеченных реформ.

Не ограничившись критикой, депутаты подготовили собственные рекомендации по совершен-

ствование работы МИД. Список из двенадцати пунктов был передан Извольскому и содержал следующие предложения:

«1. Более правильная постановка работы в центральных учреждениях.

2. Реорганизация Учебного отделения восточных языков.

3. Сокращение штатов так называемых «чиновников особых поручений» при генерал-губернаторах.

4. Сокращение расходов на телеграфные сношения.

5. Сокращение кредитов на «путевое довольствие».

6. Реформа изданий Министерства иностранных дел, ныне совершенно не удовлетворяющих цели.

7. Сокращение «секретных расходов».

8. Уменьшение необычайно крупных жалований, получаемых послами; замена посольских постов посланническими там, где это возможно; сокращение ненужных дипломатических постов.

9. Реформа церковных учреждений при посольствах и миссиях.

10. Сокращение ненужных консульских постов.

11. Экономия в расходовании денег на наем и содержание помещений.

12. Реформа вопроса о нештатных агентах»³⁷.

Выступая с разъяснениями перед членами бюджетной комиссии, министр иностранных дел обещал в самое ближайшее время изучить рекомендации думцев и дать «подробные ответы по всем пунктам вопросного листа»³⁸. Рассмотрение проекта сметы расходов и доходов, подходившее к завершающему этапу, планировалось вскоре продолжить. Однако через несколько дней 3 июня 1907 г. последовал роспуск Государственной думы второго созыва, прервав намеченные консультации бюджетной комиссии и министерства иностранных дел. Одновременно исполнительная власть кардинально корректирует избирательную систему, сделал ставку на новый закон о выборах и создание «цензового» парламента.

Таким образом, обновление государственного устройства страны в период Первой русской революции затронуло фундаментальные основы политической системы и неизбежно привело к изменениям в сфере внешней политики. Де-юре внешнеполитические полномочия императора полностью сохранялись и даже были расширены. Согласно Основным Законам 1906 г. глава государства по-прежнему держал в своих руках все нити управления международными отношениями (определял общий внешнеполитический курс государства, заключал международные соглашения, осуществлял текущий контроль за деятельностью министерства иностранных дел). Де-факто появление представительной власти, реформирование Совета министров, расширение гражданских и политических свобод суще-

ственно усложнило процесс функционирования внешнеполитического механизма Российской империи, создав целый ряд косвенных инструментов давления на международную политику самодержавия. Переход к думской монархии стал ключевым фактором, который определил стремительный рост интереса российского общества к вопросам внешней политики, заметное усиление влияния общественного мнения на выработку и принятие важнейших внешнеполитических решений.

В целом кратковременный период работы I и II Государственной думы показал, что политические партии не намерены оставлять без внимания внешнюю политику Российской империи. Практически сразу парламентские фракции включилась в борьбу за право участия в международных делах. Они предпринимали активные шаги по развитию сотрудничества с Межпарламентским союзом, налаживанию контактов с европейскими политиками, выстраиванию взаимодействия с министерством иностранных дел при рассмотрении бюджета. Следует отметить, что новые возможности открывались не только для ведущих политических партий, стремившихся усилить свое влияние на внешнеполитический процесс, но и для самодержавия все больше нуждавшегося в поддержке обществом проводимого международного курса. С мая 1907 г. российский парламент фактически наделялся правом «совещательного голоса», имея возможность напрямую получать необходимую внешнеполитическую информацию и декларировать собственную позицию.

Примечания

- 1 Первая Государственная дума : сб. статей. Вып. 1. СПб., 1910. С. 45.
- 2 См.: *Кирьянов И. К.* Российские парламентарии начала XX века : новые политики в новом политическом пространстве. Пермь, 2006. С. 44 ; *Куликов С. В.* Парламент без парламентаризма : Государственная дума в царской России (1906–1917) // Ленингр. юрид. журн. 2005. № 3. С. 70–72 ; *Мальшева О. Г.* Думская монархия : рождение, становление, крах. М., 2001. С. 154 ; *Медушевский А. Н.* Демократия и авторитаризм : российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1998. С. 455 ; *Соловьев К. А.* Законодательная и исполнительная власть в России : механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011. С. 41–45 и др.
- 3 См.: Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 8. Д. 452. Л. 118–127.
- 4 Царскосельские совещания. Протоколы секретного совещания в апреле 1906 года под председательством бывшего императора по пересмотру основных законов // Былое. 1917. № 4 (26). С. 216.
- 5 *Котляревский С. А.* Юридические предпосылки русских Основных законов. М., 1912. С. 40.
- 6 Государственный строй Российской империи накануне

- крушения. Сборник законодательных актов. М., 1995. С. 16.
- ⁷ Там же. С. 17.
- ⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 892. Оп. 1. Д. 245. Л. 73.
- ⁹ Иностранное обозрение // Русская мысль. 1906. № 6. С. 185.
- ¹⁰ Маклаков В. А. Первая Государственная дума. Воспоминания современника. 27 апреля – 8 июля 1906 г. М., 2006. С. 76.
- ¹¹ Государственная дума. Созыв первый. Полный стенографический отчет. Сессия первая. Т. 1–2. СПб., 1906. Стб. 220.
- ¹² Там же. Стб. 221.
- ¹³ Там же. Стб. 221–223.
- ¹⁴ См.: Ковалевский М. М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 338 ; Государственная дума. Созыв первый. Полный стенографический отчет. Сессия первая. Стб. 223.
- ¹⁵ Таубе М. А. «Зарницы». Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 96.
- ¹⁶ Цит. по: Бестужев И. В. Борьба в России по вопросам внешней политики. 1906–1910 гг. М., 1961. С. 68.
- ¹⁷ В списке претендентов фигурировало и имя А. П. Извольского, который считался вполне приемлемой кандидатурой для кадетского министерства и с большой долей вероятности мог сохранить свой пост. См.: Извольский А. П. Воспоминания. М., 1989. С. 72 ; Миллюков П. Н. Воспоминания (1859–1917) : в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 380.
- ¹⁸ См.: Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии : в 6 т. М., 1994. Т. 1 С. 70.
- ¹⁹ ГАРФ. Ф. 892. Оп. 1. Д. 245. Л. 70.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. Л. 72.
- ²² Государственная дума. Созыв первый. Полный стенографический отчет. Сессия первая. Стб. 1122.
- ²³ См.: ГАРФ. Ф. 927. Оп. 1. Д. 16. Л. 12 ; Государственная дума. Созыв первый. Полный стенографический отчет. Сессия первая. Стб. 1855.
- ²⁴ Государственная дума. Созыв первый. Полный стенографический отчет. Сессия первая. Стб. 1859.
- ²⁵ См.: Ковалевский М. М. Указ. соч. С. 343.
- ²⁶ Цит. по: Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1906. № 8. С. 827.
- ²⁷ Там же. С. 828.
- ²⁸ Извольский А. П. Указ. соч. С. 130–131.
- ²⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1906. № 8. С. 827.
- ³⁰ См.: Архив внешней политики Российской Империи (далее – АВП РИ). Ф. 133. Оп. 470. 1906 г., Д. 54. Л. 270–274.
- ³¹ Там же. Л. 274.
- ³² АВП РИ. Ф. 133. Оп. 470. 1907 г., Д. 79. Л. 71–72.
- ³³ Там же. Л. 73 об.
- ³⁴ Там же. Л. 71.
- ³⁵ Государственная дума. Созыв II. Обзор деятельности комиссий и отделов. СПб., 1907. С. 256.
- ³⁶ См.: Работа бюджетной комиссии в Государственной думе второго созыва // Вестник Европы. 1907. № 6. С. 347–348.
- ³⁷ Государственная дума. Созыв II. Обзор деятельности комиссий и отделов. С. 262.
- ³⁸ Там же. С. 28, 261.

УДК 94(47).084.3/6+355(47) | 1917/1930 |

ПЕРИОДИЗАЦИЯ СОЗДАНИЯ КРАСНОЙ АРМИИ В ТРУДАХ ЕЁ ОРГАНИЗАТОРОВ

А. А. Симонов

Саратовский государственный университет
E-mail: simonoffsgu@mail.ru

В статье рассматривается периодизация советского военного строительства в Гражданской войне на раннем этапе её разработки в первое межвоенное десятилетие.

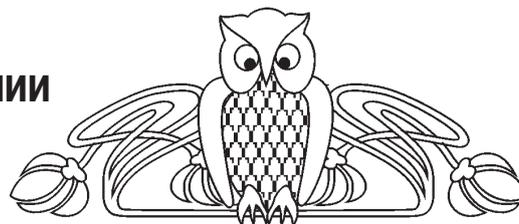
Ключевые слова: Гражданская война в России, Красная армия, советское военное строительство.

The Periodization of Formation of Russian Red Army in the Works of its Founders

A. A. Simonov

The focused on the periodization of the Soviet military construction during the Civil War at an early stage of its development in the first post-war decade.

Key word: Civil war in Russia, Red army, soviet military building.

В изучении любой войны периодизация имеет принципиальное значение. Являясь важной методологической процедурой, она придаёт хронологии военного конфликта пространственное измерение, определяет направление исторического исследования. Сама же периодизация немаловажна без обоснованного истолкования. Её недостаточная аргументированность снижает точность оценки исторического события. Пример тому – не устоявшаяся до сих пор периодизация Гражданской войны в России¹. Вместе с тем, близкая ей периодизация начального строительства Красной армии выглядит сегодня основательнее. Почему так произошло? Ответ следует искать в истоках проблемы.

Напомним, что поздняя советская историография включала в понятие Гражданской войны все события с октября 1917 г. до конца 1922 г. При

этом оговаривался особый временной интервал – с лета 1918 г. до конца 1920 г., обозначаемый как «иностранный военная интервенция и Гражданская война»². По сути, именно этот период считался «большой» войной в отличие от войны «малой», имевшей нерегулярный, партизанский характер. Утверждать это начали ещё в 1920-е годы. Один из первых исследователей Гражданской войны Н. Е. Какурин полагал, что поворотным моментом стало выступление чехословацкого корпуса в конце мая – июне 1918 г. Оно привело к «возникновению правильных фронтов Гражданской войны и последовательному приближению методов её ведения к методам действий больших организационных армий». Фактический же конец войны, как считал он, наступил с разгромом Колчака и Деникина в феврале 1920 г. «Врангелевская авантюра» – это уже осколок Гражданской войны. Все же остальные события до 1922 г. – естественные отголоски «бури Гражданской войны»³.

Начальник Политуправления РККА и член РВС СССР А. С. Бубнов тоже выделял основное «среднее» звено в «цепи событий, начавшихся с Октябрьской революции 1917 г. и закончившихся ликвидацией политического бандитизма» в 1922 году. Среднему «звену» он отводил интервал между второй половиной 1918 г. и 1921 г., а невошедшие в него временные промежутки называл «охвостом» Гражданской войны⁴.

Гражданская же военного строительства в противостоянии красных и белых начала оформляться ещё раньше – в ходе самой войны и сразу же по её окончании. Здесь первенство принадлежит политработникам – членам РВС армий и фронтов С. И. Гусеву и И. Т. Смилге⁵. Гусев говорит о двух периодах Гражданской войны, тесно увязывая их с периодами военного строительства, первый из которых – это время завоевания власти пролетариатом. Именно тогда «пролетариат начинает строительство своих вооружённых сил... с отрядов партизанского характера. Это отряды добровольческие с выборным начальником»⁶. С. И. Гусев не употребляет термин «Красная гвардия», но подразумевает формирования именно этого типа, называя их волостными фабричными и заводскими отрядами. Это отряды, где все солдаты (опять же не «красногвардейцы». – А. С.) друг друга хорошо знают, где все связаны непосредственной товарищеской работой в производстве и общим участием в управлении местными делами. Возможность перейти к регулярной армии, по его мнению, наступила во второй период войны, когда пролетариат захватил власть и сумел выдержать первый натиск контрреволюции⁷. Таким образом, С. И. Гусев проводит границу между периодами военного строительства с весны 1918 г.

И. Т. Смилга рассуждает похоже. Первый период советского военного строительства у него красногвардейский. Красную гвардию он называет «эмбрионом Красной армии». Это революционные рабочие и «лучшая часть остатков

старых полков». Тем не менее оговаривается, что Красная гвардия не была всё же организацией вооружённых сил по армейскому образцу. Поэтому требовалась скорейшая ликвидация «красногвардейско-кустарнического периода». Конец хаосу и кустарничеству наступает в марте 1918 г., когда во главе военного ведомства становится Л. Д. Троцкий, начавший работу по созданию регулярной армии⁸.

В 1920 г. появляется книга Р. И. Берзина «Этапы в строительстве Красной армии», кажется, уже своим названием готовая настроить читателя на чёткое обоснование периодизации развития советских вооружённых сил⁹. Но автор, бывший командующий 3-й армией Восточного фронта, а затем член реввоенсоветов ряда фронтов, поставил другую цель. Предвидя послевоенную реформу РККА, он подробнее остановился, как сам выразился, на «периоде младенчества» Красной армии, дабы узреть, «на какой стадии развития находится она в настоящее время»¹⁰. Сделал же это нечётко. Судя по размышлениям автора, «младенческий период» заканчивается в марте 1919 г. после VIII съезда РКП (б)¹¹. Одновременно Берзин выделяет первую ступень этого периода – время добровольчества и отрядной системы до момента создания Высшего военного совета в марте 1918 г.¹² Следующую ступень он растягивает уже на год – до VIII съезда РКП (б). Главным моментом этого отрезка, считает он, был Чехословацкий мятеж, вызвавший появление Восточного фронта и создание советских вооружённых сил по науке. Как выразился сам Р. И. Берзин: «Развита была невероятная работа и достигнуты колоссальные результаты»¹³. Пожалуй, этими «этапами» автор и ограничивается, отводя большую часть своего произведения изложению личного военного опыта.

В 1923 г. вышла в свет книга «Строительство Красной армии в революции» начальника Политуправления РВСР В. А. Антонова-Овсеенко¹⁴. Но отчетливой периодизации военного строительства там тоже не оказалось. Автор, будучи ярким сторонником Л. Д. Троцкого, постарался, в первую очередь, прояснить воззрения того на предстоящую военную реформу. Соответственно историю военного строительства он представил в нужном ракурсе, выпячивая заслуги «вождя № 2». Тем не менее, имея всё же неплохой военно-организаторский опыт, В. А. Антонов-Овсеенко сумел показать особенности зарождения Красной армии и её становления. Он косвенно выделил два периода Гражданской войны, которые соотнос с периодами военного строительства. Первый из них охарактеризован так: «от добровольческой армии к регулярной»¹⁵. Он совпал со временем, когда Антонов-Овсеенко сам командовал красногвардейскими отрядами в первых стычках с контрреволюцией зимой-весной 1918 г., а затем состоял членом Высшего военного совета. Переход к регулярной армии, как понимается из текста

книги, начался примерно с V Всероссийского съезда Советов¹⁶. Её создание – это второй период, вплоть до победы над Врангелем в конце 1920 г.

Почти аналогичную периодизацию представил в начале 1920-х гг. ещё один армейский политработник – А. Б. Кадишев. Рамки «предварительного» периода военного строительства он определил с ноября 1917 г. и до V съезда Советов в июле 1918 г. К этому времени, по его мнению, созрели «апрельско-майские декреты»¹⁷, которые были реализованы уже во второй период, то есть за оставшуюся пору Гражданской войны¹⁸.

Со второй половины 1920-х гг. наступает качественно иное осмысление опыта Гражданской войны. Тогда же состоялись первые крупные дискуссии по узловым проблемам военного строительства и боевой деятельности Красной армии. Среди наиболее значимых обобщающих работ военно-исторического характера той поры выделяется опубликованный по инициативе и под руководством Штаба РККА трёхтомник под названием «Гражданская война 1918–1921». В трёхтомнике не давалась в общем виде периодизация Гражданской войны, но всем изложением материала подтверждалась обоснованность той схемы, которая была выработана в предшествующих трудах¹⁹. Некоторые его авторы всё же уделили внимание периодизации военного строительства. Например, Ф. П. Никонов разделил организацию Красной армии на шесть периодов – революционной «комитетчины» (август – декабрь 1917 г.), добровольческий, перехода к регулярным основам, трудовых армий, конца Гражданской войны и демобилизации²⁰. Предвзятость и сверхусловность такого деления сразу же отметил бывший главком С. С. Каменев²¹. В предисловии ко второму тому он высказал мнение, что никакого отдельного добровольческого периода не было. «Каждый мог скрыть свой возраст», и в военкоматы, как правило, являлись исключительно добровольцы²². Соответственно призывная система была несовершенна, и добровольческий способ комплектования Красной армии превалировал на всём протяжении войны. Не согласился бывший главком и со значимостью апрельских декретов 1918 г. для перехода к массовой армии²³.

Досталось от С. С. Каменева и недавнему выпускнику Военной академии РККА Н. Н. Мовчину²⁴. Тот якобы поверхностно осветил «красногвардейский период» и неточно скорректировал время создания военных комиссариатов. Сам Каменев определяет начало функционирования местного военного аппарата апрелем 1918 г.²⁵ Мовчин же относит почин мобилизационной работы комиссариатов к июлю-августу 1918 г.²⁶ Что, в общем-то, верно, если учесть даты появления призывных декретов²⁷ и время, необходимое для их реализации. Свою точку зрения он обосновал ещё за два года до этого в монографии «Комплектование Красной армии»²⁸. В сборнике же помещён лишь конспективный вариант этой работы. По-

этому придирки бывшего главкома малопонятны. Насчёт же периодизации военного строительства Н. Н. Мовчин не напрямую, но косвенно говорит о «красногвардейско-добровольческом» периоде с октября 1917 г. и до 22 апреля 1918 г., то есть до декрета ВЦИК об обязательном обучении военному искусству. Следующий период, условно обозначенный «призывным», распространяется им до 1921 г. включительно.

Появившаяся несколько позже статья М. Шварца, отражала и систематизировала взгляды, утвердившиеся в исторической науке ко времени работы над трёхтомником. Излагая требования методологического порядка к изучению Гражданской войны, автор поднял, в частности, вопрос классификации её основных этапов²⁹. Методологическая установка, данная М. Шварцем, предлагала задвинуть «официальную» военную историю на второй план. Во главу же угла поставить социально-историческое содержание явлений Гражданской войны. Объяснялось это тем, что «Гражданская война имеет свои “нюансы”, которым тесно в рамках военно-исторических традиций»³⁰. Автора волновал вопрос, каким образом можно добиться выделения опыта вооружённой борьбы из опыта всего комплекса «явлений Октября». Ответ же он видел в том, «что военная история Гражданской войны 1917–1921 гг. может быть осознана только как военный отдел всей истории Октябрьской революции, как её неразрывная часть». Одним словом, все стороны Гражданской войны должны освещаться лишь сквозь призму классового анализа³¹. По сути, это был призыв к скорейшей замене традиционной военно-исторической парадигмы на марксистско-ленинскую методологию с её принципами партийности и классового подхода.

Новой концепции должна была отвечать многотомная «Истории Гражданской войны в СССР». В плане её издания недвусмысленно заявлялось, что вопросы периодизации Гражданской войны, где до сих пор «гуляют троцкистские схемы, ещё ждут своих исследований и требуют марксистско-ленинского освещения со стороны историков-марксистов»³². Политизированной обещала быть и Советская военная энциклопедия под редакцией начальника и комиссара Военной академии имени М. В. Фрунзе Р. П. Эйдемана. Всего планировалось выпустить 12 томов энциклопедии, но вышло только два в 1932–1933 гг. В предисловии к первому тому сообщалось, что «до сих пор ни в одной из советских энциклопедий не был систематизирован в достаточной мере опыт строительства и борьбы вооружённых сил пролетариата»³³. Но уже второй том менял концепцию издания в пользу специальной военной информации в ущерб материалу общего военного профиля. К середине 1930-х гг. принципиально новые положения советской внешней и внутренней политики³⁴ и стремительно меняющиеся тенденции развития военного дела нивелировали уже

всю первоначальную идею энциклопедии³⁵. Почти одновременно приостановился выпуск «Истории Гражданской войны в СССР»³⁶.

В целом же следует отметить, что в первое десятилетие после Гражданской войны непосредственными её участниками – военнослужащими Красной армии – была заложена научная основа изучения советского военного строительства. Сформировалась приблизительная схема его периодизации. Состояла она из двух корреляционных интервалов. Первый – с ноября 1917 г. до лета 1918 г. – подразумевал одновременное существование красногвардейских рабочих отрядов, пробольшевистских формирований солдат и матросов старой армии и новых добровольческих частей РККА. Второй временной отрезок отсчитывался примерно от V съезда Советов, законодательно закрепившего предварительную работу СНК, ВЦИК и Высшего военного совета по формированию регулярной массовой армии. Ограничивался он окончанием 1920 г. Такой подход принципиально отражал поворотные моменты начального строительства Красной армии и был взят за основу последующими исследователями. Окончательное своё развитие периодизация военного строительства получила в трудах А. Б. Кадишева, Л. М. Спирина, И. Н. Шатагина, С. М. Кляцкина, А. П. Ненарокова, В. Д. Поликарпова и особенно М. А. Молодцыгина³⁷.

Периодизация же Гражданской войны оказалась более подвержена политическим предпочтениям и продолжает оставаться дискуссионной.

Публикация подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 13-01-00260).

Примечания

- 1 О многообразии нынешних взглядов на периодизацию Гражданской войны см., например: *Степанов А. И.* «Круглый стол»: Гражданская война в России // Отечественная история. 1993. № 3. С. 102–115; *Ольштынский Л. И.* Периодизация и характер Гражданской войны в России в свете современной военной науки. URL : <http://www.lennor.ru/content/view/14/23/lang,ru/> (дата обращения : 21.08.2012).
- 2 Гражданская война в СССР : в 2 т. Т. 1. М., 1980. С. 9; *Наумов В. П.* Летопись героической борьбы. М., 1972. С. 71–101 и др.
- 3 *Какурин Н. Е.* Как сражалась революция : в 2 т. Т. 1. М., 1990. С. 20.
- 4 *Бубнов А. С.* Предисловие // Гражданская война 1918–1921 : в 3 т. Т. 1. Боевая жизнь Красной армии. М., 1928. С. 7–8.
- 5 Военно-теоретические труды И. Т. Смилги и С. И. Гусева активно печатались советской прессой в Гражданскую войну, а в послевоенное время были изданы отдельными сборниками.
- 6 *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная армия. М., 1925. С. 53, 63.
- 7 *Гусев С. И.* Гражданская война и Красная армия. С. 10, 54, 57, 63.
- 8 *Смига И. Т.* Военные очерки. М., 1923. С. 5, 7, 32.
- 9 *Берзин Р. И.* Этапы в строительстве Красной армии. Харьков, 1920. Отдельные части книги печатались затем : Рабочая революция на Урале : Эпизоды и факты 1917–1920 гг. Екатеринбург, 1921. С. 105–122; В боях и походах. Воспоминания участников гражданской войны на Урале. Свердловск, 1959. С. 158–169; Этапы большого пути. М., 1963. С. 101–135.
- 10 *Берзин Р. И.* Этапы в строительстве Красной армии. С. 4.
- 11 Военный вопрос на VIII съезде РКП(б) (18–23 марта 1919 г.) получил самое широкое обсуждение, результатом которого стало принятие программы на построение многомиллионной регулярной, строго дисциплинированной армии. Резолюцию съезда по военному вопросу см.: Восьмой съезд РКП(б) март 1919 года : Протоколы. М., 1959. С. 398–399.
- 12 *Берзин Р. И.* Этапы в строительстве Красной армии. С. 21. Высший Военный Совет – высший оперативный орган военного управления Вооружёнными Силами Советской Республики. Образован постановлением СНК 3 марта 1918 г. Упразднён на основе декрета ВЦИК от 2 сентября 1918 г.
- 13 *Берзин Р. И.* Этапы в строительстве Красной армии. С. 27.
- 14 *Антонов-Овсеенко В. А.* Строительство Красной армии в революции. М., 1923. Историкографическую оценку указанных трудов Р. И. Берзина и В. А. Антонова-Овсеенко с точки зрения советской исторической науки см.: *Кляцкин С. М.* На защите Октября. М., 1965. С. 9, 11–12.
- 15 *Антонов-Овсеенко В. А.* Строительство Красной армии в революции. С. 11.
- 16 V Всероссийский съезд Советов (4–10 июля 1918 г.) узаконил строительство постоянной регулярной массовой армии и наметил важнейшие пути этого строительства. Материалы съезда по военному вопросу см.: Документы по истории Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1941. С. 168–173.
- 17 Декрет СНК от 8 апреля 1918 г. о создании местного военного аппарата Советской Республики – волостных, уездных, губернских и окружных комиссариатов по военным делам (военкоматов); декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «О порядке замещения должностей в РККА», которым отменялось выборное начало и устанавливался строгий порядок назначения командного состава; декрет ВЦИК от 22 апреля 1918 г. «Об обязательном обучении военному искусству», введший всеобщее военное обучение (всеобуч) // Декреты Советской власти. Т. 2. М., 1959. С. 63–70, 151–153, 154–155.
- 18 *Кадишев А. Б.* Очерки организации и развития Красной Армии. Смоленск, 1921. С. 1–5.
- 19 *Голдин В.* Паутина из легенд. Красная армия Гражданской войны : историографические размышления // Родина. 2011. № 2. С. 2; *Поликарпов В. Д.* Начальный этап Гражданской войны (история изучения). М., 1980. С. 298.
- 20 *Никонов Ф. П.* Главнейшие моменты организации Красной армии // Гражданская война 1918–1921 : в

- 3 т. Т. 2. Военное искусство Красной армии. М., 1928. С. 48–74.
- ²¹ С. С. Каменев в то время (1928 г.) занимал пост 2-го заместителя Наркомвоенмора и Председателя РВС СССР.
- ²² *Каменев С. С.* Предисловие // *Гражданская война 1918–1921* : в 3 т. Т. 2. С. 26–27. Данное «Предисловие» позже было опубликовано в сборнике избранных трудов С. С. Каменева, см.: *Каменев С. С.* Записки о Гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 209–245.
- ²³ Там же. С. 27.
- ²⁴ Н. Н. Мовчин окончил академию РККА в 1927 г.
- ²⁵ *Каменев С. С.* Предисловие // *Гражданская война 1918–1921*. Т. 2. С. 13–15.
- ²⁶ *Мовчин Н. Н.* Комплектование Красной армии в 1918–1921 гг. // *Гражданская война 1918–1921*. Т. 2. Военное искусство Красной армии. С. 78.
- ²⁷ См.: Постановление ВЦИК от 29 мая 1918 г. «О принудительном наборе в РККА» ; декрет СНК от 12 июня 1918 г. «О призыве и приёме на военную службу в 51 уезде Приволжского, Уральского, Западно-Сибирского военных округов рабочих и крестьян, родившихся в 1893–1897 гг.» ; декреты СНК от 29 июня «О призыве на военную службу по г. Москве и его пригородах рабочих, служащих в артиллерии и инженерных войсках, родившихся в 1893, 1894 и 1895 гг.» и «О призыве и приёме на военную службу по г. Петрограду и его пригородам рабочих, родившихся в 1896 и 1897 гг.» ; декрет СНК от 29 июля 1918 г. «О принятии на учёт годных к военной службе граждан в возрасте от 18–40 лет» // *Декреты Советской власти*. Т. 2. М., 1959. С. 334–335 ; 428–429 ; 438–440 ; Т. 3. М., 1964. С. 108–109.
- ²⁸ *Мовчин Н. Н.* Комплектование Красной армии. Л., 1926.
- ²⁹ *Шварц М. К.* постановке вопроса исследования Гражданской войны 1917–21 гг. // *Война и революция*. 1928. № 1. С. 59–60.
- ³⁰ Там же. С. 59.
- ³¹ Там же. С. 49. Историографический анализ статьи М. Шварца см.: *Поликарпов В. Д.* Начальный этап Гражданской войны. С. 291–292.
- ³² За большевистскую разработку истории Гражданской войны // *Борьба классов*. 1932. № 6. С. 5.
- ³³ *Советская военная энциклопедия* / под ред. Р. П. Эйдемана. Т. 1. М., 1932. С. 5.
- ³⁴ В начале 1930-х гг. СССР отказался от столь пугавшей западные страны идеи «мировой революции» и принял-ся активно участвовать в создании системы европейской безопасности. Защита национальных интересов стала приоритетной задачей. В этой связи значимым стало переосмысление роли исторической науки и образования, как наиболее действенных средств контроля над памятью народа и формирования патриотических чувств. См.: *Барсенков А. С., Вдовин А. И.* История России. 1917–2004. М., 2006. С. 242.
- ³⁵ Укоренилось мнение, что главной причиной прекращения выпуска энциклопедии стали репрессии против советских военачальников. Имеются в виду входившие в редакционный совет издания Я. Б. Гамарник, А. С. Бубнов, А. И. Егоров, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, Р. П. Эйдемман, И. Э. Якир и др. – представители так называемой «современной военной школы». Им противопоставляются другие, «не отказавшиеся от стереотипов Гражданской войны» высшие чины РККА – К. Е. Ворошилов, С. М. Будённый, Г. И. Кулик, якобы, тормозившие развитие военной науки (см.: *Милованов В. И.* Военные энциклопедии России : прошлое и будущее // *Воен.-ист. журн.* 1994. № 5. С. 77–78). Между тем пострадавшие члены редакционного совета были репрессированы в 1937–1938 гг., что гораздо позже решения о прекращении выпуска энциклопедии. На наш взгляд, одна из веских причин состоит всё же в том, что военная наука и техника в 1930-е гг. стремительно развивались на новом своём качественном витке. Соответственно предназначенный для энциклопедии материал, особенно военно-технического плана, или быстро устаревал, или попадал в разряд закрытого для широкой общественности. Эта тенденция была уже обозначена во введении ко второму тому издания. См.: *Советская военная энциклопедия* / под ред. Р. П. Эйдемана. Т. 2. М., 1933. С. 5.
- ³⁶ Первый том «Истории гражданской войны в СССР» вышел в 1935 г. Продолжено издание было лишь в 1943 г.
- ³⁷ См.: *Кадшиев А. Б.* Сущность Гражданской войны и её особенности (основные принципы организации и строительства Красной армии). М., 1947 ; *Спирин Л. М.* Строительство Красной армии на Урале (1918–1919 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 1951 ; *Шатагин И. Н.* Организация и строительство Советской армии в 1918–1920 гг. М., 1954 ; *Кляцкин С. М.* На защите Октября. М., 1965 ; *Ненароков А. П.* Восточный фронт. 1918. М., 1969 ; *Поликарпов В. Д.* Начальный этап Гражданской войны (история изучения). М., 1980 ; *Молодцыгин М. А.* Красная Армия : рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997.

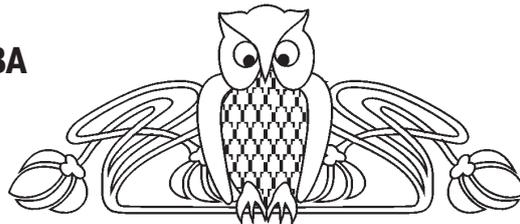

УДК [332.021.8:631] (470) + 94 (470)

РЕФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА СТРАНЫ В КОНЦЕ XX ВЕКА

С. А. Яковлев

Саратовский государственный университет
E-mail: YSA 1944@yandex.ru

В статье на основе нормативных документов, статистических данных и периодической печати анализируется процесс реформирования сельского хозяйства страны в конце XX века. Прослеживается порядок реорганизации колхозов и совхозов, создание условий для формирования крестьянских (фермерских), акционерных, кооперативных хозяйств. Делается вывод о том, что аграрная политика государства не учитывала опыт ведения крестьянского хозяйства. Реформы не были подготовлены и проводились в сжатые сроки некомпетентными людьми. Результат реформирования – уменьшение посевных площадей, снижение производства сельскохозяйственной продукции, миграция сельского населения.

Ключевые слова: сельское хозяйство, реформы, формы собственности, землепользование, землевладение, целевые программы, финансирование.

Reforming of the Country's Agricultural Sector at the End of XX Century

S. A. Yakovlev

The article analyzes the process of reforming of the country's agriculture at the end of XX century on the basis of regulatory documents, statistics and periodicals. We study the order of the reorganization of collective and state farms, creation of conditions for the formation of peasant (farmer), joint stock companies, co-operative farms.. The conclusion is that the agrarian policy of the state is not drawn on the experience of doing the farm. The reforms were not prepared and carried out in a short time by incompetent people. The result of the reform – acreage's reducing, reduced agricultural production, rural migration.

Key words: agriculture, reforms, types of property, land use, land ownership, targeted programs, financing.

На V Съезде народных депутатов, состоявшемся в октябре 1991 г., Президент РСФСР Б. Ельцин объявил: «Главная задача предстоящей зимы – приватизация обслуживающей крестьянина среды, прежде всего торговопроводящей и снабженческой сети»¹. В противном случае, как полагал президент, невозможно будет возродить российское крестьянство. На деле хотели применить классическую схему разорения производителя, вначале отрезав его от сырья, а затем от рынка сбыта. Также предполагалось начать приватизацию собственности колхозов и совхозов, которые в течение длительного времени являлись убыточными и «хронически не выполняли свои обязательства перед государством»².

27 декабря 1991 г. Президентом РФ был издан указ «О неотложных мерах по осуществлению земельной реформы в РСФСР»³.

В этом Указе Президента России можно выделить четыре ключевых положения. Первое заключается в закреплении безусловного права всех граждан на получение земли в собственность. Бесплатно в собственность передаются все земельные участки, предназначенные для ведения садоводства, личного подсобного хозяйства или индивидуального жилищного строительства. Также бесплатно граждане могут получить землю в собственность для организации крестьянского хозяйства. На этих же условиях будут предоставляться земли и новым хозяйственным формированиям, образованным на базе колхозов и совхозов, а оставшиеся сельскохозяйственные угодья передаются в фонды перераспределения земли.

Второй момент связан с необходимостью усилить административный режим в проведении земельной реформы. Все решения по использованию земель возлагались теперь на местную администрацию.

Указ Президента – и это выделяют как третье ключевое положение – был направлен на создание определенной экономической заинтересованности в преобразовании землепользования. Работники совхозов и члены колхозов, по разным причинам не желающие продолжать работу на земле, имеют отныне возможность обменять свой земельный пай на имущественный или сдать свои земли в аренду. Реальная заинтересованность в перераспределении земель появляется и у местной администрации, получившей право на продажу части фондов перераспределения земель или сдачу их в аренду. Эти меры создают условия для формирования крестьянских (фермерских), акционерных или кооперативных хозяйств экономически оптимальных размеров, поскольку у тружеников села открывается возможность в дополнение к бесплатному наделу прикупить или арендовать еще часть угодий⁴.

И наконец, четвертое положение. Имелась необходимость включения земельных, и особенно сельскохозяйственных угодий, в экономический оборот. Было установлено несколько случаев продажи (передачи в собственность) колхозниками и работниками совхозов своих земельных долей: при выходе на пенсию (по старости или инвалидности); при переселении в другую местность; при передаче в собственность по наследованию; при внесении вырученных средств в местную перерабатывающую промышленность⁵.

Составной частью реформы землепользования являлся и залог земли. Введение вновь в экономическую жизнь кредитования под залог земли было призвано существенно расширить финансовые ресурсы крестьянских хозяйств, никаким другим реальным имуществом не располагающих⁶.

Из названных положений Указа исходило и Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 1991 г., подписанное Е. Т. Гайдаром, «О порядке реорганизации колхозов и совхозов». Согласно этому постановлению, «в целях повышения эффективности сельскохозяйственного производства и создания условий для предпринимательства на селе»⁷ совхозы и колхозы были обязаны до 1 января 1993 г. провести реорганизацию и перерегистрироваться в установленном порядке. В пункте 14 данного Постановления говорилось, что колхозы и совхозы, не обладающие финансовыми ресурсами для погашения задолженности по оплате труда и кредитам, объявляются несостоятельными (банкротами) до 1 февраля 1992 г. и подлежат ликвидации и реорганизации в течение I квартала 1992 г.⁸

Согласно Указу Президента давалось два месяца на то, чтобы в каждом колхозе и совхозе провести собрания коллективов, на которых объяснялись пути перехода на новые формы хозяйствования. Первый – преобразоваться в ассоциацию крестьянских хозяйств. Второй – в акционерное общество. Третий – в производственный кооператив с долевой формой собственности. И наконец, четвертый – оставить все как есть⁹.

Развертывание аграрной реформы направлялось на формирование фермерства, что, конечно же, было немислимо без крупномасштабной государственной поддержки. Молодые фермеры испытывали нужду буквально во всем, и не только из-за общих экономических трудностей. Существующая система материально-технического снабжения, производственного обслуживания, транспортная и сбытовая сеть – все, что окружало фермера, сориентировано на обеспечение потребностей совхозов и колхозов. Серьезным препятствием являлась и элементарная бедность людей – как селян, так и горожан: у большинства не было средств для создания крестьянского хозяйства. Главной задачей начинаемой реорганизации колхозов и совхозов объявлялось обеспечение простой и понятной для каждого работника связи между его трудом и собственностью и собственностью хозяйства в целом. Государство устанавливало право каждого на земельный и имущественный пай в общей собственности колхоза или совхоза. Руководители хозяйств обязаны эти паи определить. Размер земельного пая (а точнее, земельной доли) устанавливался в натуральном или ценовом (стоимостном) выражении по среднерайонным для данных условий нормам с учетом трудового вклада.

Владелец (собственник) земельного пая по своему усмотрению мог использовать его по-

разному: получить на сумму его стоимостной оценки определенное количество земли в натуре для организации своего индивидуального частного (фермерского) хозяйства; передать пай в качестве учредительного взноса в товарищество или акционерное общество; передать пай в качестве вступительного взноса в кооператив; передать пай другому работнику хозяйства или хозяйству¹⁰.

И Указ Президента от 27 декабря 1991 г., и Постановление Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г., несмотря на ссылки на Земельный кодекс РСФСР, противоречили ему по ряду принципиальных моментов, таких, как равноправие форм собственности, запрещение продажи земли иностранцам, распоряжение землей местными Советами, запрещение сдачи земли в аренду более чем на 5 лет при наличии уважительной причины, охрана лесов первой группы и др. В ряде статей указ и постановление противоречили и Конституции РСФСР, в связи с чем депутаты обратились в Конституционный суд, которому, однако, не хватило времени на рассмотрение исков вплоть до октябрьских событий 1993 г.

Таким образом, 1992 г. должен был стать по воле Президента России годом второго «коренного перелома» в российской деревне после 1929 г.¹¹

Для создания материально-технической базы фермерских хозяйств необходимы были крупные средства. К середине 1992 г. на 100 таких хозяйств приходилось 55 тракторов, 23 грузовых автомобиля, 21 сеялка, 11 зерноуборочных комбайнов. 15 % указанной техники получено от колхозов и совхозов безвозмездно, 20–30 % арендовано, остальная техника куплена фермерами. Рост цен на корма, молодняк скота, низкая доходность животноводства сдерживали развитие у фермеров этой жизненно важной отрасли. В среднем на 1 фермерское хозяйство к 1 июня 1992 г. приходилось 4 головы крупного рогатого скота, в том числе 1 корова, 2 свиньи, 6 овец и коз, 11 голов птицы. Животноводческие помещения у фермеров были крайне плохо обустроены: более половины из них не обеспечивались водопроводом, 1/3 – электроэнергией, почти 40% не имели нормальных подъездных дорог¹².

Власть, казалось, понимала, что если оставить фермера один на один с рынком, с высочайшими ценами на материально-технические услуги, то ему не выжить. В апреле 1992 г. были увеличены размеры безвозмездной помощи фермерам с 10 тыс. до 75 тыс. руб. на главу семьи и с 2,5 тыс. до 15 тыс. – на одного члена семьи. Таким образом, семья из трех человек должна была получить безвозмездную помощь от государства в размере 105 тыс. руб. (тогда как цена только одного трактора на бирже составляла около 100 тыс. руб.¹³).

Фермерам должны были выдаваться кредиты под символический процент. Всего в 1992 г. на развитие фермерства было израсходовано более

50 млрд руб., а в 1993 г. намечено затратить около 100 млрд руб.¹⁴ Как видно, на словах все получалось достаточно хорошо. Но что выходило на деле?

За январь-март 1992 г. реорганизовались 3,3 тыс. хозяйств, т. е. 13 %. Из них почти 1300 решениями своих коллективов попытались восстановить прежний статус, но получили отпор в местных администрациях. 1313 колхозов и совхозов зарегистрировались как полные или смешанные товарищества, около 280 объявили себя акционерными обществами, 126 колхозов и совхозов преобразовались в крестьянские хозяйства, около 100 – в сельхозкооперативы¹⁵. Остальные 87 % колхозов и совхозов, просрочив все сроки, никаких решений не приняли, дав этим понять, что предпочитают привычные формы хозяйствования.

На 1 января 1992 г. в России было зарегистрировано 49 тыс. крестьянских хозяйств, которым было предоставлено 2068 тыс. га¹⁶. К весеннему сезону было создано 111 973 семейных фермы с общей площадью земли в 4587930 га, что составляло около 2,5% всех сельскохозяйственных угодий страны. Средний размер семейных ферм был равен 43 га¹⁷, что было в 5 раз больше среднего размера семейных ферм в Польше (7,6 га) и значительно больше семейных ферм в Германии (средний размер 26 га).

На 1 декабря 1992 г. насчитывалось уже 173 тыс. фермерских хозяйств, сосредотачивавших в своих руках 7330 тыс. га¹⁸. Средний размер земельного участка составлял 42 га. Однако по итогам года на долю российских ферм пришлась только половина процента от общего урожая и большинство из них смогли вести лишь натуральное хозяйство. Только около 3 тыс. семейных ферм смогли продавать излишки своей продукции государству. Главная трудность новых фермеров состояла в отсутствии денег на покупку техники и удобрений, не говоря уже о семенах. В условиях той гиперинфляции, которая была характерна для 1992–1993 гг., получение банковских кредитов для финансирования новых ферм было нереальным¹⁹.

Некоторые ученые с самого начала фермерской эйфории предупреждали, что ультрареволюционные призывы работают против этой формы хозяйствования и могут оказать ей медвежью услугу. Так как быстрый рост фермерских хозяйств без систематической государственной поддержки может привести к тому, что на определенном этапе этот процесс застопорится, забуксует, а затем пойдет вспять²⁰.

В адрес новой земельной политики звучала все более громкая критика в связи с тем, что она являлась главным фактором ослабления основного продовольственного источника, каким являлись колхозы и совхозы. Это было, во-первых, определение площади земли, остающейся в хозяйстве, по числу людей, а не исходя из его специализации, сложившегося в нем сочетания отраслей, по-

требности в кормовых ресурсах для стабильного поголовья скота, насыщенности техническими средствами; во-вторых, увеличение числа земельных «дольщиков» за счет пенсионеров и занятых в социальной, культурной и обслуживающей сферах, действующих на территории хозяйств, предоставление им безоговорочного права изъять участок земли из хозяйственного оборота в любое время. В отличие от фермерских хозяйств, которые согласно Указу Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. наделялись землей с учетом их специализации, этот фактор в отношении сельскохозяйственных предприятий учтен не был²¹.

В ноябре 1992 г. вступило в силу распоряжение «О мерах по исполнению Указа Президента Российской Федерации от 2 марта 1992 г. “О порядке установления нормы бесплатной передачи земельных угодий в собственность граждан”». Этим документом устанавливался пересмотр ранее принятых норм, по которым определялась площадь совхозных и колхозных угодий. С целью сохранения устойчивости крупного производства предусмотрено уточнение этих норм с учетом зон, выделенных в районах по плотности сельского населения. В случае их отклонения от принятых ранее в большую сторону предлагалось прежние решения пересмотреть. Это была попытка защитить крупное коллективное хозяйство от земельного разорения²².

Не сумев провести на VI Съезде народных депутатов РСФСР поправки в Конституцию о купле-продаже земли (съезд не только отклонил поправки, не набравшие даже простого большинства, но и предложил президенту привести свои указы, касающиеся земельной реформы, в соответствие с действующим законодательством), политические силы, возглавляемые движением «Демократическая Россия», инициировали сбор подписей за проведение референдума по вопросу о частной собственности на землю. Но вскоре борьба за власть между Съездом с Верховным Советом и Президентом оттеснили на второй план все прочие вопросы.

Новый тур процесса «реформирования» российского села обозначили события октября – декабря 1993 г. После насильственного роспуска Верховного Совета и Съезда народных депутатов РФ оказались недействующими все, с таким трудом принятые, аграрные законы. Вновь возникла проблема срочного законотворчества, за которой стояло все то же различное понимание целей и задач реформирования. А реальное состояние сельскохозяйственной отрасли, стремительное падение производства во всем АПК вызвали вполне естественный вопрос: туда ли идем? Настораживало резкое замедление в 1993 г. роста числа фермерских хозяйств, нарастание темпа их гибели: с 5 тыс. в 1992 г. до 9 тыс. за январь-сентябрь 1993 г.²³

К подписанию готовился новый земельный закон. 26 октября члены Совета по аграрной поли-

тике при Совмине РФ обсудили подготовленную Министерством сельского хозяйства программу аграрной реформы на ближайшие 2 года.

В программе, которую готовила не одна сотня специалистов сельского хозяйства, было недвусмысленно сказано, что аграрная политика будет базироваться на государственном аграрном протекционизме. Не отбрасывалось государственное регулирование внутреннего и внешнего рынка АПК. Планировалось сокращение импорта продовольствия, который задавил отечественных производителей. Предусматривалось ускоренное решение задач за счет мобилизации бюджетных средств и льготное кредитование сельхозпроизводителей. Программа планировала кропотливое создание конкурентной среды в сельхозпроизводстве за счет формирования предприятий с различной формой собственности²⁴.

Был сделан вывод, что стихийное движение к рынку без хотя бы предположительно запланированного результата ведет к столь же печальным последствиям, сколь и стояние на месте²⁵.

27 октября 1993 г. вышел Указ Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России».

Политические силы, выступавшие за частную собственность на землю и ее свободную куплю-продажу, восприняли и распропагандировали указ президента Ельцина как «наконец-то реальное утверждение частной собственности на землю». Указ, полагали они, определил достаточно четкие механизмы ее реализации.

Указ был принят «в целях совершенствования правового регулирования земельных отношений и углубления аграрной реформы на основе многообразия форм собственности на землю, равноправного развития различных форм хозяйствования, самостоятельности сельских товаропроизводителей и усиления государственной поддержки агропромышленного комплекса в условиях рыночной экономики»²⁶.

Было установлено, что земля – имущество, недвижимое; все сделки с землей должны регулироваться гражданским правом (но с учетом земельного и экологического законодательства)²⁷.

Названный указ установил, что все члены преобразованных колхозов и работники совхозов получают на руки свидетельство о праве собственности на свою долю (условный участок) и могут ею свободно распоряжаться: продать, подарить, сдать в аренду, в залог и т. д. Было установлено, что продажа земли может осуществляться на конкурсах и аукционах.

Каждому члену коллектива сельскохозяйственного предприятия, которому земля принадлежит на праве общей совместной или общей долевой собственности, выдается свидетельство на право собственности на землю с указанием площади земельной доли без выдела в натуре.

Использование земель по целевому назначению как главное требование к сельхозземлям

сохраняется, но с разрешения главы субъекта Федерации сельхозучасток может быть продан и для использования не по назначению.

В упомянутом указе от 27 октября 1993 г. было подчеркнуто, что собственники долей (участков) могут объединять свои доли (участки) с участками других граждан для коллективного ведения хозяйства. Началось добровольное объединение снизу, без нажимов и команд сверху. Если в одиночку работать не получалось, граждане объединялись – в товарищества, кооперативы и другие коллективные формы хозяйствования. Такой путь земельной реформы некоторые были склонны рассматривать как коллективизацию снизу²⁸.

Государство гарантировало неприкосновенность и защиту частной собственности на землю. Изъятие земельного участка у собственника для государственных и общественных нужд должно было производиться в установленном законом порядке путем выкупа с учетом интересов собственника²⁹.

В известном смысле документ обобщил разрозненные законодательные и нормативные акты, издававшиеся прежде. Между тем по отношению к индивидуальным собственникам он имел предельно радикальный характер, разрешая любые допустимые гражданским законодательством операции с землей как с имуществом.

С точки зрения наиболее радикальных критиков указ в первую очередь открывал «зеленую улицу» для земельных спекуляций в городах. Существовавшая система налогов предполагала обложение, прежде всего, труда и прибыли, а не потребляемых ресурсов, включая землю. В этих условиях торгово-финансовому капиталу, сконцентрированному в городах, выгоднее всего было спасать деньги от инфляции, скупая городские земли. Таким образом, они получали возможность в будущем продавать ее местным властям по более высоким ценам, если она оказывалась необходима для строительства железных дорог, автострэд, аэропортов и т. п.³⁰

12 декабря 1993 г. в результате всенародного голосования была принята Конституция Российской Федерации. Согласно статье 9 Конституции, земля могла находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности. В статье 36 закреплялось право граждан и их объединений иметь в частной собственности землю, а также владеть, пользоваться и распоряжаться ею свободно, если только это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов других лиц³¹. В отличие от прошлой Конституции, никакого временного моратория на распоряжения землей не предусматривалось.

В связи с принятием Конституции, 24 декабря 1993 г. Президент РФ принял Указ № 2228 «О приведении земельного законодательства Российской Федерации в соответствие с Конституцией

Российской Федерации». Этот Указ, а также Указ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» поставили в повестку дня вопрос о разработке Земельного кодекса Российской Федерации, т. к. все земельное законодательство оказалось парализовано, признавались недействующими половина статей ЗК РСФСР, Закон «О земельной реформе», ряд статей Закона «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

В дальнейшем права собственников земельных долей были подтверждены Указом Президента РФ от 7 марта 1996 г. «О реализации конституционных прав граждан на землю». Этим указом также было предписано органам местного самоуправления в целях укрепления индивидуального сектора на селе увеличить в установленном порядке за счет земельных долей (паев) предельные размеры земельных участков, предоставляемых гражданам для ведения личного подсобного хозяйства. Правительству Российской Федерации и органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации было предписано принять меры к завершению в 1996 г. выдачи членам сельскохозяйственных организаций и другим гражданам – собственникам земельных долей – свидетельств на право собственности на земельные доли³².

Работа над новым Земельным кодексом в виде Основ земельного законодательства началась в недрах Правительства и Комитета РФ по земельным ресурсам и землеустройству еще в 1992 г. После событий октября–декабря 1993 г. документ, до этого многократно корректировавшийся субъектами Российской Федерации, в течение нескольких месяцев рассматривался в правительстве, направлялся президенту и, наконец, 30 мая 1994 г. был принят правительством как проект Земельного кодекса Российской Федерации. Государственная дума включила его как важнейший законопроект в план первоочередных законодательных актов. С этого момента началась многотрудная, полная драматических перипетий, эпопея разработки и принятия основного российского закона о земле.

Таким образом, с зимы 1991 г. аграрные преобразования из достаточно умеренных и осторожных превратились в чрезвычайно радикальные. Ставка была сделана на разрушение коллективной системы землепользования и создание вместо нее системы мелких индивидуальных собственников.

На конец 1990 г., то есть когда фермерское движение еще только начинало зарождаться, насчитывалось 4,4 тыс. фермерских хозяйств, на которые приходилось 181 тыс. га земли³³. После серии реформ, направленных на поддержку индивидуальных хозяйств, их число начало расти. На 1 января 1992 г. в России было зарегистрировано уже 49 тыс. крестьянских хозяйств, которым было предоставлено 2068 тыс. га³⁴. В процессе становления множество ферм разорилось и «самоликвидировалось». Тем не менее, в 1993 г. число семейных ферм продолжало увеличиваться, и к

концу года существовало 182800 ферм. Процесс был динамичным. На каждые 100 новых ферм разорялись и исчезали 30 зарегистрированных ранее. В 1995 г. число ликвидируемых ферм стало приближаться к числу вновь образуемых и процесс фермеризации резко замедлился. На конец года существовало 279200 ферм с тем же средним размером в 43 га. В 1996 г. на каждые 100 новых ферм исчезало уже 96 ранее образованных и процесс приближался, таким образом, к равновесию. В конечном итоге процесс остановился на цифре 280100, и фермерский сектор достиг 12 млн га, что составляло 6,1% общего аграрного фонда России³⁵.

Большинство хозяйств были мелкими. 82,5 % фермеров концентрировали лишь 30 % предоставленной земли, а 17,5 % – имели 70 % земли. Лишь 55 % фермеров осваивали и засеивали свои участки полностью, 24 % – использовали их менее чем наполовину, 21 % – более половины, но не полностью. В среднем на 100 хозяйств в 1999 г. приходилось 76 тракторов, 28 комбайнов, 36 грузовых автомобилей³⁶.

В процессе реформы на базе большинства колхозов и совхозов сформированы частный, коллективный и государственный секторы экономики. Реорганизация предприятий агропромышленного комплекса, как и других отраслей народного хозяйства, проводилась сверху, в спешке. Были определены даже штрафные санкции за несвоевременность выполнения предписываемых мероприятий³⁷.

Однако формирование класса мелких собственников, противопоставление различных форм хозяйствования не создали принципиально новых экономических условий, не повысили эффективность производства. Общее состояние экономики резко ухудшилось.

Реформирование сельского хозяйства страны в начале 90-х гг. XX в. привело к кардинальным структурным изменениям. На базе 24 тыс. колхозов, совхозов и других государственных сельскохозяйственных предприятий к 2000 г. было создано 36 тыс. обществ, товариществ, кооперативов, организовано 270 тыс. фермерских хозяйств и более 21 тыс. государственных и муниципальных предприятий. На селе сформировалась принципиально новая организационно-экономическая основа³⁸.

Главная цель реформирования сельского хозяйства, официально провозглашавшая создание системы эффективных мелких индивидуальных хозяйств, способных в короткие сроки и без существенных материальных затрат поднять сельское хозяйство страны на должный уровень, оказалась невыполнимой. Ни одно из экономических преобразований в мирные годы текущего столетия не было столь разрушительным для отечественного продовольственного комплекса как аграрное реформирование 1990-х гг. С 1992 по 1999 г. производство сельскохозяйственной

продукции оказалось отброшенным до уровня первых лет после Великой Отечественной войны. За этот период посевная площадь сократилась со 108,7 млн га в 1992 до 81,2 млн га в 1998 г, производство зерна соответственно со 104,1 млн т до 44,2 млн т, поголовье скота – с 40,2 млн голов до 18,1 млн голов³⁹. За годы Великой Отечественной войны производство сельскохозяйственной продукции в стране сократилось на 40%, за годы реформ – на 45%⁴⁰.

В земледелии из сельскохозяйственного оборота выведено и не используется более 30 млн га сельскохозяйственных угодий, что соответствует территориям Краснодарского и Ставропольского краев, Ростовской и Волгоградской областей вместе взятым.

Доля убыточных хозяйств в 1990 г. достигала 3%, в 1995 г. – 54, в 1997 г. – 81, в 1998 г. она приблизилась к 88%⁴¹.

Проведенное исследование показало, что такие неутешительные результаты реформ являются следствием нескольких причин.

Первая, и, пожалуй, основная причина – это крайняя идеологизация реформ. Одним из лозунгов сил, пришедших к власти в 1991 г., стал «Вернуть крестьянам землю, которую им обещали большевики, но так и не дали». Но на деле цель была другая – разрушить оплот старой власти в деревне, разгромить «АгроГУЛАГ» и насадить в деревне опору для власти новой⁴². Похожие цели преследовали большевики, проводя в свое время коллективизацию. Именно поэтому так часто можно встретить оценку проведенных в 1990-е гг. реформ как «коллективизацию» с обратным знаком.

Из предыдущей причины вытекают и все остальные. Реформа может быть успешной только в том случае, если ее необходимость назрела в результате внутренних предпосылок и принимается большинством населения, интересы которого затрагивает. Однако анализ сложившейся к началу реформ ситуации показывает, что внутренних предпосылок к столь радикальным преобразованиям как раз не было. Многие коллективные хозяйства работали достаточно эффективно, в них сложились определенные системы хозяйствования, соответствующие специфике конкретных природно-климатических условий. И нельзя было мерить одной мерой убыточные и рентабельные хозяйства, тем более что коллективные хозяйства оставались единственным на тот момент источником, обеспечивающим страну продовольствием.

Еще одна ошибка реформирования – ставка на развитие частнособственнических отношений с помощью паевизации. Результатом «паевизации» стали сплошные негативы. С одной стороны, поскольку при раздаче паев землю получили не только члены трудовых коллективов сельхозпредприятий, но и представители иных категорий сельского населения (пенсионеры, работники торгово-кооперативных предприятий, учреждений культуры и образования, сотрудники право-

охранительных органов, учителя и врачи и др.), сегодня только 20% владельцев земли реально на ней работают. А до 80% – всякое «социальное окружение». Получается как в пословице: «Один с сошкой, семеро с ложкой»⁴³. С другой стороны, «паевизация» обезземелила крупные хозяйственные структуры, производящие основную массу сельхозпродукции: колхозы, совхозы, а также возникшие на их базе корпоративные структуры. При этом собственники паев сегодня сдают этим структурам свои участки в аренду⁴⁴. Данная ситуация не только не способствует созданию «эффективного собственника», но и основательно подрывает интересы участников производственного процесса в агросфере – и хозяйствующих субъектов, и непосредственных производителей.

К реформированию оказались не готовы не только члены колхозов и совхозов, но и сторонники фермерства, поскольку все понимали, что политика противопоставления форм собственности и хозяйствования, стремление навязать сверху, без учета конкретных условий, организационные структуры производства и управления не могут быть эффективными. Наиболее дальновидные ученые понимали, что период, когда государство вкладывает деньги в новые формы хозяйствования, скоро закончится. И действительно, поддержка фермерства со стороны государства стала резко сокращаться. В 1995, 1996 и 1997 гг. непосредственно из федерального бюджета на поддержку фермерских хозяйств было выделено фактически соответственно 90,5; 37,4 и 4 млн руб., что составляло 29, 15 и 1,3% от предусмотренного в госбюджете на эти цели объема средств. Суммарная государственная поддержка фермеров из федерального бюджета с учетом поставок техники и племенного скота по лизингу, дотаций и компенсаций, специального фонда кредитования и других источников составила в 1997 г. 163 млн руб., а в 1998 г. 194 млн руб. или по 700 руб. в среднем на одно хозяйство, что совершенно недостаточно⁴⁵. Это в два с лишним раза меньше аналогичной суммы поддержки фермерских хозяйств из федерального бюджета в 1994 г. Кредитование фермеров из специального фонда льготного кредитования АПК до сих пор не налажено. У значительной части фермерских хозяйств пока нет достаточной материально-технической базы и финансовых средств для организации эффективного производства на расширенной основе. Значительные трудности испытывают фермеры в реализации произведенной продукции. Положение усугубляется неплатежеспособностью оптовых покупателей сельхозпродукции, в результате чего фермеры месяцами не получают деньги за реализованную продукцию, в том числе поставленную в федеральный и региональные фонды.

Некоторые идеологи считали, что реформы в АПК можно провести без дополнительных средств. Капитальные вложения в развитие сельского хозяйства в 2000 г. по сравнению с 1990 г.

сократились почти в 25 раз. Даже при нынешнем катастрофическом положении сельского хозяйства госбюджет в своей доходной части примерно на 20 % формируется за счет сельского хозяйства, селу же возвращается только десятая часть.

Диспаритет цен стал легальной формой перекачки денежных средств из сельского хозяйства в другие сферы. Потери сельского хозяйства от диспаритета цен в последние годы составили 240 млрд руб. «Душит» село и система налогообложения. В 1996–2000 гг. через налоги из сельского хозяйства было изъято свыше 20 млрд руб. Помимо этого, сумма кредиторской задолженности сельского хозяйства на 1 октября 2000 г. составила 180 млрд руб., в том числе просроченной – 120 млрд. Крупные товарные хозяйства искусственно поставлены в условия несостоятельности и банкротства, что дает основание реформаторам продолжать реформирование «хронически неплатежеспособных хозпредприятий», а также сокращать выделение селу финансовых ресурсов. Прекращается финансирование ряда важных федеральных целевых программ. В результате доля сельского хозяйства в общих расходах федерального бюджета неуклонно снижается (1991 г. – 19,8 %; 1995 г. – 3,8; 1996 г. – 2,2; 1997 г. – 2,4; 1998 г. – 1,9; 1999 г. – 1,6; 2000 г. – 0,9 %)⁴⁶.

Еще одна причина неудачи реформы – это то, что реформаторы абсолютно не учитывали опыт предыдущих земельных преобразований в России. Несмотря на то что в ходе реформ часто цитировали слова реформатора начала XX в. Петра Аркадьевича Столыпина о том, что «отсутствие «собственности» на землю у крестьян создает все наше неустройство»⁴⁷. Но это оказался поверхностный, однобокий взгляд, не учитывающий произошедших изменений в исторической обстановке. Роль в аграрной истории России реформ Столыпина, их результаты, их ошибки и достижения учтены не были.

Критиками реформы также отмечается полное отсутствие подготовительного этапа реформирования⁴⁸, тогда как переход от одной системы хозяйствования к другой требует относительно продолжительного времени, а в сельском хозяйстве особенно. Такой переход должен включать, во-первых, подготовительный период; во-вторых, период непосредственных преобразований. В течение подготовительного периода закладываются правовые, экономические и организационные условия под будущее реформирование. В течение второго периода происходит постепенное изменение форм собственности, преобразование хозяйственной деятельности, управления, развиваются и укрепляются институты рыночной экономики, складывается новая система производственных отношений.

Современные аграрные преобразования были начаты спонтанно, без правовой, организационной и экономической подготовки, при игнорировании необходимости постепенного, поэтапного

перехода к рыночной экономике. Отсутствие четкой концепции развития реформы, ее чрезмерная политизация и борьба по поводу аграрных преобразований различных политических сил и ветвей власти привели к противоречивости правовой базы, так как не был принят ряд основополагающих законодательных актов.

Таким образом, анализ процессов реформирования сельского хозяйства с конца 80-х по конец 90-х гг. XX в. показывает, что у реформаторов не было четкой программы. Поначалу планировалась лишь корректировка существующей системы. Но по мере проведения реформ нарастала радикализация, достигшая своего апогея во второй половине 1991 г. с приходом к власти новых политических сил, настроенных весьма решительно. Отрицая опыт построения сельского хозяйства советской системой, они между тем действовали ее же методами насильственного насаждения новых форм ведения сельского хозяйства. Не был учтен ни опыт предыдущих аграрных реформ, ни национальные особенности крестьянского сознания. Таким образом, в истории России было в очередной раз доказано, что аграрная политика государства прежде всего зависит от политических взглядов власти, при этом не учитывается опыт крестьянского ведения хозяйства, реформы не подготавливаются и проводятся «сверху» людьми, зачастую мало имеющими отношение к сельскому хозяйству как таковому. Результатом такого реформирования стало уменьшение посевных площадей, снижение производства сельскохозяйственной продукции, миграция сельского населения.

Примечания

- 1 Нужен крупный реформистский прорыв // Правда. 1991. 29 октября.
- 2 Там же.
- 3 Указ Президента Российской Федерации от 27 декабря 1991 // АПК: экономика, управление. 1992. № 3. С. 4.
- 4 См.: Калинин А. А. Первоочередные мероприятия аграрной реформы // Аграрная реформа в России: Документы и материалы. М., 1992. С. 6.
- 5 См.: Земля и право. М., 1998. С. 14.
- 6 См.: Калинин А. А. Указ. соч. С. 7.
- 7 Постановление Правительства Российской Федерации «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» // Аграрная реформа в России. С. 36.
- 8 Там же. С. 39.
- 9 См.: Аграрная реформа: механизм ускорения // Сельская жизнь. 1992. 7 января.
- 10 См.: Аграрная реформа в странах Центрально-Восточной Европы и России. М., 2003. С. 226.
- 11 См.: Ланцман М. Указ. соч.
- 12 См.: Рапецкий Г. Государственная поддержка развития агропромышленного комплекса // АПК: экономика, управление. 1993. № 3. С. 30–31.

- ¹³ См.: *Ланцман М.* Указ. соч.
- ¹⁴ См.: *Рапецкий Г.* Указ. соч. С. 31.
- ¹⁵ См.: *Собственность на землю в России : история и современность.* М., 2002. С. 443.
- ¹⁶ См.: *Крестьянские (фермерские) хозяйства Российской Федерации по данным Госкомстата // АПК : экономика, управление.* 1993. № 3. С. 6.
- ¹⁷ См.: *Медведев Ж.* Сельскохозяйственный кризис и аграрные реформы в России // *Степные просторы.* 1997. № 5. С. 13.
- ¹⁸ См.: *Крестьянские (фермерские) хозяйства Российской Федерации по данным Госкомстата.* С. 6.
- ¹⁹ См.: *Медведев Ж.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁰ См.: *Милосердов В.* Ответ сторонникам курса продолжения реформ // *АПК : экономика, управление.* 2000. № 1. С. 25.
- ²¹ См.: *Панкова К.* Время собирать камни // *АПК : экономика, управление.* 1993. № 3. С. 36.
- ²² Там же. С. 35.
- ²³ См.: *Российская газета.* 1993. 3 ноября.
- ²⁴ См.: *Токарева Е.* Меж указом и программой // *Российская газета.* 1993. 28 октября.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ См.: Указ Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России» // *Российская газета.* 1993. 29 октября.
- ²⁷ См.: *Земля и право.* С. 15.
- ²⁸ Там же.
- ²⁹ См.: Указ Президента РФ «О регулировании земельных отношений и развитии аграрной реформы в России».
- ³⁰ См.: *Собственность на землю в России : история и современность.* М., 2002. С. 454.
- ³¹ См.: *Конституция Российской Федерации.* М., 2002. С. 5–6, 13–14.
- ³² См.: *Аграрная реформа в странах Центрально-Восточной Европы и России.* С. 227.
- ³³ См.: *Сельскохозяйственная деятельность крестьянских (фермерских) хозяйств в России : статистический сборник.* М., 2000. С. 14.
- ³⁴ См.: *Россия в цифрах : краткий стат. сб.* М., 1995. С. 233.
- ³⁵ См.: *Медведев Ж.* Указ. соч. С. 13.
- ³⁶ См.: *АПК : Экономика, управление.* 2000. № 1. С. 43–47.
- ³⁷ См.: *Шутьков А.* Проблемы вывода агропромышленного комплекса из кризиса // Там же. С. 4.
- ³⁸ См.: *Михалев А.* Закрепить наметившийся перелом // *Экономика сельского хозяйства России.* 2000. № 7. С. 3.
- ³⁹ См.: *Россия в цифрах : краткий стат. сб.* М., 1999. С. 205.
- ⁴⁰ См.: *Шутьков А.* Указ. соч. С. 5.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² См.: *Никольский С. А.* Аграрный курс России. М., 2003. С. 219.
- ⁴³ *Милосердов В.* Указ. соч. С. 23.
- ⁴⁴ См.: *Резников Л.* Нужно ли развивать отношения частноземельной собственности? // *Рос. экон. журн.* 2000. № 5. С. 44.
- ⁴⁵ См.: *Максимов Г. В.* Проблемы развития АПК в России. М., 2002. С. 53.
- ⁴⁶ См.: *Коробейников М.* Реформирование земельных отношений в России // *Вопросы экономики.* 2001. № 3. С. 138.
- ⁴⁷ *Черниченко Ю.* Земля и воля. М., 1991. С. 248.
- ⁴⁸ См.: *Шмелев Г. И.* Аграрная политика и аграрные отношения в России в XX веке. М., 2000. С. 229.

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

УДК 331–053.2:94(420).08

ОТНОШЕНИЕ К ДЕТЯМ НА АНГЛИЙСКИХ ФАБРИКАХ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА (по материалам отчетов и воспоминаний современников)

Е. С. Демченко

Саратовский государственный университет
E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

Данная статья ставит своей целью проанализировать и установить на основе отчетов парламентских комиссий и воспоминаний рабочих, каково было отношение к детям – рабочим на промышленных предприятиях Англии первой половины XIX века. Автор приходит к выводу, что к детям применялись телесные наказания. В одном случае они стимулировали работу детей, в другом – носили садистский характер, принося удовольствие тем, кто наносил побои.

Ключевые слова: детский труд, жестокое обращение с детьми, прядильщики, надсмотрщики, мастера, промышленная революция, парламентская комиссия.

**Attitude towards Children in the English Factories in the First Half of the XIX Century
(Based on Reports and Memories of Contemporaries)**

E. S. Demchenko

Annotation: In this article author tries to review and set on the basis of reports of parliamentary committees and workers memories, what was the attitude towards children working in the industry in England the first half of the XIX century. The author comes to the conclusion that the children were corporeal punished. In one case, they stimulate the work of children in the other – carrying a sadistic character, brought pleasure to those who struck the victim.

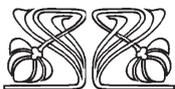
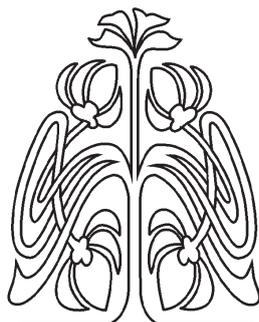
Key words: child labor, child maltreatment, spinners, overseers, foremen, industrial revolution, parliamentary commission.

Промышленная революция, которая в Англии началась раньше, чем в странах континентальной Европы, поставила перед обществом множество вопросов, например: как удешевить производство? где взять рабочие руки? и многие другие.

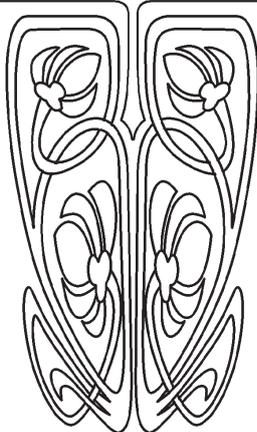
Применение детского труда в английской промышленности было одним из способов удешевления производства. Среди первых, кто в начале XIX в. указал на детский труд как идеальный способ сэкономить в условиях быстро развивающегося фабричного производства, был Уильям Питт. В конце XVIII в. он писал: «опыт уже показал, что труд детей может дать выгоду, которую можно найти в раннем употреблении их на работу, с которой они могут справиться»¹. Спустя полвека известный публицист и сторонник использования детского труда Уильям Кук-Тейлор по этому же поводу отмечал, что: «детский труд – национальное благоденствие и абсолютно необходим для облегчения различных фискальных обременений, которые упали на долю индустрии страны»².

Цель данной статьи – установить на основе отчетов парламентских комиссий и воспоминаний рабочих, как обращались с детьми на промышленных предприятиях, имело ли место насилие и в чем оно выражалось.

Дети в качестве рабочей силы привлекались почти повсеместно. Они действительно воспринимались как «благоденствие», ведь на

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

них можно было экономить – платить за работу самую низкую заработную плату. Велика была доля детского труда в текстильной промышленности, особенно в шелкопрядении, где маленькие детские руки могли связывать разорванные нити, чистить машины и выполнять прочую тонкую работу. Поэтому первые фабричные законы касались именно детского труда в легкой промышленности. Детский и подростковый труд использовался также в тяжелой промышленности, более всего в горнодобывающей, где дети толкали тележки с углем в узких шахтах, следили за вентиляцией, открывая и закрывая заслонки в шахтах.

К. Маркс по поводу детской занятости в промышленности писал: «Поскольку, машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством для того, чтобы применять рабочих без мускульной силы или с недостаточным физическим развитием, но с более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин. Таким образом, это мощное средство замещения труда рабочих немедленно превратилось в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и временем свободного труда в домашнем кругу, в установленных нравами пределах, для нужд самой семьи»³.

В Средние века в рамках домашнего ремесла детский труд позволял передавать секреты мастерства из поколения в поколение. Многие мыслители и историки как в XIX в., так и в настоящее время считали и продолжают считать, что подобный труд носил более щадящий характер, по сравнению с тем, каким он стал на фабриках в Новое время, ведь дети в домашних мастерских имели время для отдыха, а также параллельно учились вести домашнее хозяйство⁴.

С началом промышленной революции труд ребенка приобрел иной характер. Подталкиваемые нуждой в изменившейся экономической ситуации⁵, родители вынуждены были отдавать детей работать на фабрику, где в тяжелых условиях им приходилось работать по 12–15 часов в день в тесных и душных помещениях, с плохой едой и отсутствием отдыха.

Еще до принятия официального парламентского акта 1833 г.⁶, который вводил обязательный парламентский контроль над деятельностью владельцев фабрик в сфере эксплуатации детей, по инициативе М. Т. Садлера была создана парламентская комиссия (в некоторых источниках она фигурирует как комитет).

Майкл Томас Садлер был филантропом, членом парламента и возглавлял в палате общин движение за 10-часовой рабочий день для лиц моложе 18 лет. М. Т. Садлер полностью разделял идеи Ричарда Остлера, радикала из партии тори,

который не только критиковал фабричную систему с ее полным контролем над процессом труда, но и резко осуждал закон о бедных 1834 г. с его работными домами, в которых были невыносимые условия.

Вдохновленный идеями Р. Остлера, М. Т. Садлер внес на рассмотрение проект закона об очередной фабричной реформе, а затем выступил в качестве председателя комитета, которому был передан законопроект на рассмотрение.

Данный комитет состоял из 15 человек, 5 из которых имели медицинское образование. Центральный комитет, который находился в Лондоне, состоял из 3 человек, 1 из них должен был быть практикующим врачом. Они составляли инструкции для региональных представителей. Помимо этого, центральный комитет формировал общий отчет на базе тех отчетов, которые присылали из инспектируемых районов⁷.

Было определено 4 района в соответствии с тем, как распределялись отрасли промышленного производства, в которых хоть в какой-то мере использовался труд детей – северный, северо-восточный, район Ланкашира и западный. В каждый из этих 4 районов было направлено по 3 представителя – 2 чиновника и 1 медик⁸. Первые отчеты о тех наблюдениях, которые делали инспекторы, стали издаваться с 1833 г.

Главной целью данных инспекций было показать с помощью публикуемых отчетов, как на самом деле обстоят дела на фабриках, ведь не все знали о том, что творится внутри фабрик, а те, кто знал, иногда излишне идеализировали обстановку. Даже филантропы до второй четверти XIX в. больше сочувствовали положению негров-рабов на далеких плантациях Северной Америки, чем положению детей, работающих на фабриках в Англии⁹.

Каково же было положение детей на фабриках? Применялось ли к детям физическое насилие? Для начала обратимся к самому понятию физического насилия над ребенком. Это преднамеренное нанесение взрослым ребёнку побоев, травм, повреждений, увечий. Признаками физического насилия являются синяки, царапины, рубцы, ожоги, ссадины, раны, переломы, а также грубое обращение, которое может привести к увечьям. Часто граница между телесными наказаниями и физическим насилием размыта. Культурные нормы, определяющие физическое насилие, сильно разнятся. Как среди специалистов, так и внутри самого общества нет единого мнения о том, какие именно действия считать физическим насилием¹⁰.

Сложно понять, что же считалось жестоким обращением с детьми в английском обществе первой половины XIX в. Скорее всего, родительские телесные наказания за какие-либо провинности или плохо выполненную работу были в порядке вещей и не считались насилием. А вот, по-видимому, если телесные наказания начинали применять посторонние люди (к ним можно от-

нести надсмотрщиков и взрослых рабочих), то это уже можно назвать физическим насилием. Но здесь встает другой вопрос: применялись ли эти наказания для стимуляции работы детей или же потому, что надсмотрщикам это доставляло удовольствие?

Поэтому в обязанности инспекторов входило не только наблюдение за исполнением законов, но и опрос работников тех фабрик, которые они посещали, чтобы выяснить, как обращались с детьми на конкретных предприятиях.

Самюэль Коулсон, рабочий фабрики, которую инспектировал доктор Хавкинс в 1833 г., рассказал: «Их (детей) били прядильщики, или надсмотрщики, или даже сами родители, когда они плохо работали»¹¹. В данной ситуации можно сказать, что к детям применялись телесные наказания за плохо сделанную работу. Из дальнейшего рассказа можно выяснить, что детей били также из-за того, что те к концу рабочего дня уставали и начинали работать медленнее, становились менее внимательными. Чтобы держать детей в «тонусе», надсмотрщики активно применяли ремень. Продолжая свои свидетельские показания, Коулсон признался, что «так как дети очень уставали, ремень применялся очень часто»¹². Из его свидетельских показаний можно сделать вывод, что применение ремня увеличивало производительность труда и уменьшало количество несчастных случаев среди детей на фабриках, потому что периодические удары ремнем или плеткой вынуждали детей быть внимательными. Поэтому данные факты и не считались актами жестокого обращения, ведь они были направлены на сохранение жизни ребенка, хотя данные методы выбиваются из рамок современной морали, но, вероятно, они вполне вписывались в мораль XIX в.

Интересный материал встречается в отчете по Ланкаширу. На вопрос об отношении к детям в свидетельских показаниях рабочего, полученных в ходе инспекции доктором Лаудоном в 1835 г., отмечено: «надсмотрщик не бьет детей, ничего с ними не делает, ведь он их не нанимает. Детей бьют регулярно – да, но делают это прядильщики. Они иногда бьют не очень сильно, но делают это всегда, когда дети делают что-то не так, но бьют без излишеств. Происходит это без ведома мастера – они не разрешают телесные наказания»¹³. Естественно, что Лаудон немедленно решил провести расследование данных случаев, узнать больше об аналогичных происшествиях от других рабочих и надзирателей. В ходе этого расследования вновь опрашиваемые отвечали, что, на самом деле, телесные наказания применяются вовсе не повсеместно, а лишь иногда. Прядильщики боятся наказания со стороны надсмотрщика за ошибки, совершенные детьми: «эти единичные случаи дурного обращения действительно существуют и это бесспорная правда, и они будут возникать до тех пор, пока существует человек, так как у него есть характер, но они действительно очень редки»¹⁴.

Разговор, происходивший наедине между инспектором и рабочим, был более откровенным. Рабочий, которого заверили, что сказанная им информация не дойдет до владельца фабрики, говорил более откровенно, ведь зачастую на фабриках работали их собственные дети, которым и наносились побои, чем они и были озабочены. Но если дело получало огласку, то рабочие переставали быть столь смелыми и откровенными, даже если дело касалось их семей. Это и понятно, ведь они боялись потерять работу, что в первой половине XIX в. было почти равносильно голодной смерти, поэтому они всячески старались сгладить картину происходившего на фабриках.

В других документах первой половины XIX в. можно найти более откровенные сведения. В них делается акцент на то, что именно надсмотрщики жестоко обращались с детьми, и что такое обращение было повсеместной и неотъемлемой частью рабочего процесса. Надсмотрщики получали жалование в зависимости от объема произведенной продукции, поэтому стремились интенсифицировать труд, а идентификация труда, как уже отмечалось выше, достигалась путем применения ремня. Так, в воспоминаниях Роберта Блинко о своих детских годах мы находим сведения о том, как относился к нему и к другим детям надсмотрщик на фабрике, на которой он работал: «Роберт Вудворд изобрел остроумные пытки – подвешивать детей за кисти рук над двигающейся взад-вперед машиной, заставляя тем самым поджимать ноги»¹⁵. А вот что Блинко рассказывает о том, что с ним происходило несколькими годами ранее на другой фабрике: «Здесь (в Лоудгеме близ Ньюкэстля) довольствовались одной плеткой, правда, ее пускали в ход с утра до ночи не только для исправления учеников при самой малой провинности, но и для того чтобы подстегивать их к работе, чтобы поддерживать их в бодрственном состоянии, когда усталость клонила их ко сну»¹⁶.

Разница между двумя воспоминаниями Блинко в мотивах. В первом случае складывается впечатление, что мастер-надсмотрщик получает удовольствие от того, как он обращается с детьми. Данные садистские методы обращения с детьми и называются жестоким обращением и не имеют ничего общего с повышением производительности труда среди малолетних рабочих. А во втором случае мы имеем дело с надсмотрщиком, который телесными наказаниями не давал останавливаться работе. Но вряд ли это может послужить оправданием, ведь по сути своей и то и другое является фактом физического насилия над ребенком, для которого работа на фабрике и так была огромным испытанием.

О том, что происходило на фабрике в Дерби, мы узнаем из воспоминаний Вильяма Геттона, работавшего там, которые опубликованы в книге Уильяма Хаттона «История Дерби»: «именно в этом любопытном, но страшном заведении я провел семь лет моего ученичества, которые я всегда

считаю самыми несчастными в моей жизни <...> какими бы высокими не были машины, я все-таки был слишком мал ростом, чтобы доставать до них. Чтобы помочь беде, сделали мне пару высоких деревянных башмаков, которые мне подвязывали к ногам, и я волочил их на себе, пока не подрос, как следует. Но мое пленение и труд были ничто в сравнении с невыносимой грубостью обращения, слезы и раны, которые я до сих пор храню на себе»¹⁷.

Порядки на фабрике в Литтоне почти ничем не отличались. Только здесь уже сам хозяин фабрики, некий Эллайс Нидгем, бил детей кулаками, ногами, хлестал их кнутом¹⁸.

В отчете Л. Хорнера мы не встречаем сведений о жестоком обращении с детьми. В своем отчете за 1834 г. он с гордостью заявляет, что случаев физического насилия над детьми не зафиксировано: «я рад заявить о том, что ко мне не поступило ни одной жалобы как от мастеров на детей, так и наоборот. Также я сам не видел ни одного примера дурного обращения с детьми или обращения, которое бы вело к проблемам со здоровьем»¹⁹.

Этот же факт отсутствия дурного обращения с детьми подтверждает один из рабочих в своем письме: «Я приехал сюда (Магбридж) со своей семьей – у меня пятеро детей. <...> Я знаю, что говорят о том, как плохо обращаются с детьми на фабрике, что с ними жестоко обращаются. <...> Я могу сказать, что это неправда»²⁰. Данные показаний рабочего едва ли можно считать объективными и правдивыми. Не стоит забывать о том страхе потери работы, который был присущ всем рабочим. Хотя нельзя заявлять с безоговорочной точностью, что жестокое обращение с детьми было повсеместным.

Из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы. Во-первых, несомненным фактом является то, что жестокое обращение с детьми имело место. Другое дело, какими мотивами руководствовались те, кто применял наказания. В одном случае – это была стимуляция работы для увеличения производительности труда, а также сокращение несчастных случаев на производстве посредством применения ремня. В другом случае – садистские наклонности надсмотрщика или рабочего, получающего удовольствие от жестокого обращения с детьми-рабочими.

Эти меры, которые применялись по отношению к детям, были призваны не только улучшить работу детей, но и вселить в них страх. Видимо, по мнению надсмотрщиков и мастеров, только так от детей можно было добиться наилучшего результата.

Во-вторых, сложно сказать, опираясь на данные источники, был ли факт жестокого обращения с детьми распространен повсеместно, или это касалось лишь некоторых областей, некоторых фабрик. Воспоминания не позволяют нам дать совершенно точное заключение на этот счет. Да и отчеты парламентской комиссии дают очень

противоречивые данные: в одном случае отмечается, что жестокое обращение распространено не повсеместно, в другом случае инспектор вообще не нашел никаких свидетельств существования физических наказаний.

Но все же даже на основе приведенных фактов нельзя отрицать того, что телесные наказания не имели места. В одном случае они стимулировали работу детей, в другом – носили садистский характер, принося удовольствие тем, кто наносил побои.

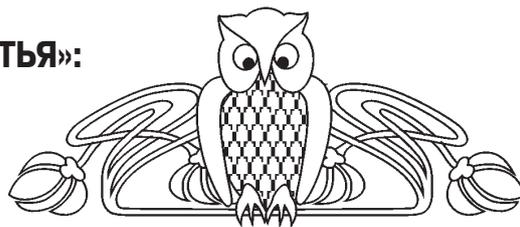
Примечания

- 1 The speeches of right honorable Pitt W. Vol. II. L., 1815. P. 371.
- 2 Cook-Taylor R. W. The hand book of silk, cotton, and woolen manufactures. L., 1843. P. 67.
- 3 Маркс К. Капитал. Т. 1. М.: Партиздат, 1936. С. 321.
- 4 См.: Baines E. History of the cotton manufacture in the Great Britain. L., 1815 ; Gibbins H. de B. The industrial history of England. L., 1865 ; Hutchins B. H., Harrison A. A history of Factory Legislation. L., 1966 ; Owen R. Observation on the effect of the manufacturing system. L., 1817 ; Кулишер И. М. История экономического быта Западной Европы. Т. 2. М.; Л., 1931 ; Манту П. Промышленная революция XVIII века в Англии. М., 1937.
- 5 См.: Gibbins H. de B. Op. cit. ; Toynbee A. Lectures on The Industrial Revolution in England. L., 1884 ; История Европы : в VIII т. Т. 4–5. М., 1994–2000 ; Кертман Л. Е. География, история и культура Англии : учеб. пособие. М., 1979 ; Маркс К. Капитал. Т. 1 ; Ерофеев Н. А. Промышленная революция в Англии : пособие для учителя. М., 1968.
- 6 The Factory Acts. Comprising the statutes. L., 1855. P. 9–32.
- 7 Grey K. H. Factory question considered in relation to it's effects on the health and morals of those employed on factories. L., 1837. P. 28.
- 8 London and Westminster Review. P. 108.
- 9 Gibbins H. de B. Op. cit. P. 288.
- 10 Всемирная организация здравоохранения. Жестокое обращение с детьми. Информ. бюл. № 150. Август 2010 г. URL: www.who.int/mediacentre/factsheets/fs150/ru/index.html (дата обращения : 11.03.2013).
- 11 The factory system and factory statistics // The medico-chirurgical medicine journal of practical medicine. L., 1837. Vol. 26. P. 28.
- 12 Factory Report. Sup. Rep. D. 2. 1835. P. 3.
- 13 Ibid. P. 4.
- 14 Ibid. P. 5.
- 15 Brown J. Memoir of Robert Blincoe // The Lion. 1828. P. 156.
- 16 Ibid. P. 120.
- 17 Hutton W. History of Derby. P. 160.
- 18 Манту П. Указ. соч. С. 303.
- 19 Report L. Horner, Esq. 1834. 21 July. P. 11.
- 20 Poor Law Report for 1836. Muggridge Migration. Extract from John Brett's letter.

УДК 94 (410).07

«ГОРСКИЙ НАРЯД КАК РОД ВОЕННОГО ПЛАТЬЯ»: АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭТНОГРАФИЯ «ХАЙЛЕНДСКОЙ ПРОБЛЕМЫ» ВЕЛИКОБРИТАНИИ В 1689–1759 ГОДАХ

С. Г. Малкин

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, Самара
E-mail: malkins@samtel.ru

В статье анализируются представления о горцах британских чинов, ответственных за умиротворение Горной Шотландии во время якобитских заговоров и мятежей (1689–1759 гг.). В особенности материал касается репрезентации, интерпретации и использования этнографической информации о горцах в умиротворении Хайленда. Риторические стратегии такого «изобретаемого» и «воображаемого» дискурса сочинений британских чинов и его стратегические политические и военные цели, роль и последствия также являются предметом анализа.

Ключевые слова: Великобритания, Горная Шотландия, «Хайлендская проблема», административная этнография, «горский наряд».

**«Highland Dress as a Sort of Military Dress»:
Administrative Ethnography of the «The Highland Problem»
of Great Britain in 1689–1759**

S. G. Malkin

The article analyses the views of the British officials responsible for the appeasement of the Scottish Highlands in time of Jacobite rebellions and conspiracy (1689–1759) on the Highlanders. Especially material concerns with the representation, interpretation and the use of the ethnographic information about them in the appeasement of the Highlands. The rhetoric strategies of that «inventive» and «imaginative» discourse of the British officials' narratives and its strategic political and military aims, role and issues are also the subjects of this analysis.

Key words: Great Britain, Highlands of Scotland, «Highland Problem», administrative ethnography, «Highland Dress».

Проекция власти британского современного государства в Горной Шотландии в процессе, в том числе интеллектуальной, колонизации этого мятежного края при помощи административных этнографических штудий с самого начала и с переменным успехом решала две взаимосвязанных задачи. Первая состояла в том, чтобы наполнить необходимым этнографическим содержанием образ «взбунтовавшегося» шотландского горца. Вторая носила более практический характер и состояла в выявлении и применении этнографической формулы «мятежного» горца в процессе умиротворения и «цивилизации» Хайленда (в обоих случаях недвусмысленно подразумевая искоренение якобитизма).

Это обстоятельство, в свою очередь, вновь подтверждает тот упускаемый многими из виду факт, что такая административная этнография Горной Страны выступала в качестве культурной технологии окраинной политики Великобритании в Хайленде в 1689–1759 гг.¹ Особый этнографический интерес в этом смысле у авторов мемуаров, рапортов и прочих отчетов о состоянии Горного Края и способах решения «Хайлендской проблемы» вызывал «горский наряд», служивший для ответственных за умиротворение края британских чинов самоочевидным визуальным этнографическим признаком «мятежности» в Горной Шотландии.

«Поколение эпохи Просвещения видело в визуальном образе устойчивый медиум, через который реальность являла себя для понимания... Узнать человека значило прежде всего увидеть его... В XVIII в. этнографическое знание рождалось из визуальных наблюдений и последующих расспросов. Соответственно оно упаковывалось в «картинку» и «этнографическое письмо»².

Первый же отчет о состоянии Горной Шотландии в 1724 г. (первый официальный отчет, в котором особое внимание обращалось на этнографическое и военно-практическое (на) значение «горского платья»), мемориал лорда Ловэта, наглядно подтверждает вышесказанное: «Люди одеваются на старинный манер, пригодно для их странствий по холмам и долам и особенного образа жизни, который приучает их ко всем видам лишений. Их язык, будучи диалектом ирландского, никому, кроме них, непонятен; они очень невежественны, безграмотны и постоянно носят оружие, которое очень подходит к их манере его применения, и очень стремительны, выступая маршем с места на место»³. О том же, тогда же и примерно в том же контексте и тех же выражениях пишет и генерал Уэйд, продолжая пассаж о клановой системе Горного Края: «Оружие, используемое ими на войне, включает мушкет, палаш и щит, пистоль и нож или кинжал, переброшенные за спину вместе с пороховым рожком и сумкой для припасов»⁴.

В первом же рапорте Георгу II Ганноверу в 1727 г. командующий королевскими войсками в Шотландии весьма оптимистично выражает надежду, что благодаря его мероприятиям «горцы за несколько лет забудут про ношение оружия, которое во все века они полагали своей величайшей славой и гордостью в такой степени, что было невозможно увидеть горца без

мушкета, палаша, пистолы и ножа. По давнему обычаю сие считалось частью их платья и по моему первому прибытию в Хайленд носилось ничтожнейшими его обитателями, даже в их церквях, на ярмарках и рынках, которые выглядели скорее как плац-парады для солдат, чем собрания для молитвы или другие места встреч штатских обществ»⁵.

В 1724 г. эту же картину живописал в мемориале государственному секретарю Северного департамента Чарлзу Тауншенду, 2-му виконту Тауншенду, лорд Грэндж: «Люди стойкие и способны вынести любые лишения, довольствуясь самой жалкой и скудной пищей и нося так мало одежд, что обычно они полунагие, хотя со столь непотребной поддержкой сильны и активны. Мода, по которой скроен их наряд, подходит как для мира, так и для войны, включая оружие... Горец не желает покидать свой дом безоружным, и снаряжается по обыкновению, словно на битву, как джентльмен в других местах полагается на свою шпагу, когда отправляется за границу»⁶. Незадолго до последнего мятежа якобитов, в 1742 г., лорд Каллоден заметит, что «отряд дисциплинированных горцев, одетых в платье и говорящих на языке [Горной] страны», способен поддерживать закон и порядок в крае, опираясь на форты «красных мундиров»⁷.

Таким образом, этнографические особенности шотландских горцев были приписаны не жителям Хайленда, а тому наряду («Highland Dress»), с которым они неизбежно ассоциировались. Костюм указывал на социальный статус, «племенную» принадлежность, интеллектуальное и нравственное содержание клансмана. В этом смысле не случайно описание «традиционного» горского платья, как правило, помещалось комментаторами в своих отчетах где-то между изложением характерных особенностей феодально-клановой системы и местных военных обычаев, располагаясь часто во вводной части мемориалов и рапортов и являясь определенной интеллектуальной провокацией потенциальных читателей в Лондоне (задавая, в некотором роде, структурную основу для восприятия дальнейших комментариев)⁸. Именно одевание горца рассматривалось ответственными за умиротворение края чинами как воплощение мятежного духа хайлендеров, а «взбунтовавшийся» горец, в результате, выступал как центральный элемент этнографического портрета Горной Шотландии.

Новый наряд, как считали, менял идентичность, а вместе с ней и лояльность. Отсюда такое внимание властей к смене гардероба шотландского горца после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. Не только сами генерал Уэйд и лорд Грэндж (лорд Ловэт, обвиненный в государственной измене и казненный в 1747 г. выпадал таким трагическим образом из объяснительной схемы) подтвердили свою приверженность прежнему взгляду на «мятежного»

горца как на горца вооруженного и обряженного в килт. Такой же подход по-прежнему выказывало и правительство в Лондоне, последовательно и регулярно принимая и подтверждая запрет на ношение оружия и «горского платья», рассматривавшегося властями в качестве «военной униформы», как волынка в качестве «орудия войны» («Highland Habit as a sort of Military Dress»), а потому делая исключение только для отдельных рот из горцев и горских полков⁹. Примечательно, что в соответствующих актах вопросы разоружения находились в неразрывной связи с «модным приговором», вынесенным килту, или филибегу (philibeg) и, несомненно, более традиционному поясному пледу, или брекэну (breacan)¹⁰. «Мушкет, палаш, щит, нож и кинжал» воспринимались и представлялись как органичная часть наряда шотландского горца.

Логика подсказывала, что платье хайлендера, в свою очередь, само по себе представляло военный наряд. В Горном Крае объявляться в униформе было позволено только «красным мундирам», и на последних возложили неблагодарную задачу прививать местному населению репрессивными мерами (штраф, арест, отправка в колонии) вкус и привычку к одеждам мирного и лояльного подданного (по моде Англии и Нижней Шотландии). Отчеты патрулей в Горной Стране пестрят сообщениями подобного рода. Рутинная гарнизонной жизни и патрулирования в шотландских горах с целью поддержания закона и порядка в королевстве после подавления последнего мятежа якобитов 1745–1746 гг. двигалась по заданному генералом Блэндом в качестве командующего королевскими войсками в Шотландии ритму, темп которому, в свою очередь, задавали покражи скота, поиск виновных и контроль за исполнением актов о запрете на оружие и «горское платье»¹¹.

Такая весьма упрощенная версия этнографического костюма шотландского горца имела, между прочим, и обратную содержательную перспективу, в некотором роде идеологическую и практическую инверсию. Если горец был «варваром» постольку, поскольку предпочитал «традиционный» горский наряд, то политический и культурный дресскод, введенный Лондоном в Хайленде, вполне мог приручить мятежника, поставив завидные природные качества «благородного дикаря» на службу империи. По результатам своей миссии в Хайленд в 1724 г. новый командующий королевскими войсками в Шотландии генерал Уэйд первым же пунктом высказал предложение, «чтобы роты из горцев, преданных правительству Его Величества, были учреждены под надлежащим руководством и командованием офицеров, говорящих на языке страны, подчинены военному праву и инспекции и приказам губернаторов Форты Уильям и Инвернесса и офицера, командующего войсками Его Величества в этих краях»¹².

Уже после подавления последнего мятежа якобитов, в 1747 г., генерал Блэнд и лорд Милтон в «Предложениях по цивилизации Хайленда» совокупно заявляли, что «как только они [горцы] освобождаются от бедности и рабской зависимости от своих вождей, записываясь на службу Его Величеству в хайлендские полки, то ни один рядовой в армии не является более рассудительным и ответственным в казармах, более послушным своим офицерам, и более исполнительным к приказам, или более верным, когда служит гвардейцем»¹³. Одной из обязанностей генерала Блэнда на посту командующего королевскими войсками в Шотландии являлась подготовка рекрутов-горцев к отправке в Америку в составе новых хайлендских полков, вполне согласовывавшаяся с представлениями генерала о способах решения «Хайлендской проблемы»¹⁴. Первый министр Уильям Питт отчаянно нуждался в войсках для борьбы с Францией за океанами и потому согласился на эту меру, которую, в конце концов, одобрил даже герцог Камберленд, когда спустя десять лет после разгрома последнего мятежа якобитов оказалось, что единственная альтернатива переброске британских войск в Америку из привлекавшей все его внимание Фландрии, это набор хайлендских полков¹⁵.

Таким образом, в качестве основного модернизирующего института в процессе цивилизованного использования демографического потенциала Горной Страны регулярное британское государство рассматривало королевскую армию, а инструментами смены лояльностей горцев должны были стать военная дисциплина и надлежащий военно-административный контроль. «Горский наряд» в таком случае не только не запрещался, но, напротив, резервировался за хайлендскими полками и отдельными ротами из горцев, канализируя приписываемые им этнографические особенности в нужное правительству русло и подтверждая, таким образом, контекстный, преступный или привилегированный, статус «традиционного» платья хайлендера. В условиях запрета на ношение, хранение и применение оружия жителями Горного Края возможность на законных основаниях демонстрировать окружающим «горский наряд» повышала социальный статус завербовавшегося в армию горца, обозначая таким странным (в особенности учитывая социальный состав британской армии в XVIII в.) для остальных жителей Соединенного Королевства образом более высокое общественное положение по сравнению с прочими членами горского общества¹⁶. Такая «модная» политика отражала представления о возможности и способности империи контролировать социальный порядок через контроль над «горским костюмом» и подтверждала современный статус британского государства. В таком вполне утилитарном смысле визуальный образ «Хайлендской проблемы»

оказывался чрезвычайно гибок и удобен как для официальных властей в Лондоне, так и для ответственных «шотландских» чинов и многих представителей местных элит.

При этом необходимо отметить, что административная этнография не столько фиксировала, сколько создавала своим особым письмом колониальные ситуации, представлявшие интерес для ответственных за умиротворение Горного Края чинов, их агентов и подчиненных в качестве «идеальных» типичных случаев проявлений местной культуры. Комментатор помещал образ «взбунтовавшегося» горца в заранее определенный им контекст ландшафта, культуры, социальных отношений Хайленда, часто ограниченных категориями «Горной войны» и «горского платья». В результате созданный таким образом этнотип воспринимался сквозь заданную автором аналитическую призму, побуждая читателя к реконструкции и интерпретации представлений комментатора. Отсутствие в мемориалах и рапортах официальных чинов указаний на конкретные детали «горского наряда» способствовало видению края как единого целого, облегчая этнографическое сравнение горцев и других «варварских» народов и проведение культурных, вместе с ними политических, экономических и социальных границ в британских владениях.

Характерно, что приверженность традиционной одежде в действительности часто объяснялась бедностью горцев, отсутствием материальной возможности обновить гардероб в соответствии с требованиями репрессивных актов правительства, на языке которых эта сугубо экономическая причина предпочтения «горского наряда» прочитывалась как политическая. Однако «горское платье», однажды войдя в таком неразделимом описании и представлении в визуальную культуру Великобритании, превратилось со временем в нормативное знание о «мятежном» горце и народах империи в целом¹⁷. В дальнейшем комментаторы не переставали созданные предшественниками костюмные этнографические зарисовки, идя по пути восполнения недостающего этнографического материала. Таковым является и представленная в донесениях патрулей детализация «горского платья». Таким образом, признанный аутентичным и неизменным (сочетая возможные инварианты) «горский костюм» комментаторов стал «эталонным образцом для этнической идентификации и одновременно выполнял роль знаковой системы» в этнографическом описании и административном определении «мятежного» горца¹⁸.

Статья подготовлена при поддержке Лондонской школы экономики и политических наук в рамках реализации исследовательских проектов «Imperial Identity in Britain and Russia: Scotland and Ukraine, 1707–1914» (2010 г.) и «Modernizing Empires: Regular State on the Margins of Europe – Britain and Russia in the Age of Reason» (2013 г.).

Примечания

- ¹ См., например: *Womack P.* Improvement and Romance. Constructing the Myth of the Highlands. L., 1989 ; *Kidd C.* Subverting Scotland's Past : Scottish Whig historians and the creation of an Anglo-British Identity, 1689–1830. Cambridge, 1993 ; *Clyde R. D.* From Rebel to Hero : The Image of the Highlander, 1745–1830. East Linton, 1998 ; *McNeil K.* Scotland, Britain, Empire. Writing the Highlands, 1760–1860. Columbus, 2007.
- ² Цит. по: *Вишленкова Е. А.* Тело для народа, или «увидеть русского дано не каждому» // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6, № 3. С. 72.
- ³ *Fraser S.* Memorial Addressed to His Majesty George I concerning the State of the Highlands, 1724 // Burt E. Letters from a Gentleman in the North of Scotland to His Friend in London. With large Appendix, containing various important historical documents, hitherto unpublished; with an introduction and notes by R. Jamieson. Vol. II / ed. by R. Jamieson. Edinburgh, Glasgow and London, 1822. P. 254.
- ⁴ *Wade G.* Report, &c, relating to the Highlands, 1724 // Historical Papers relating to the Jacobite Period 1699–1750. Vol. I / ed. by J. Allardyce. Aberdeen, 1895. P. 133.
- ⁵ Ibid. P. 160.
- ⁶ *Erskine J.* An Account of the Highlanders and Highlands of Scotland / Edr: 29 Decr 1724 / The Scroll of one sent of the above Duke to the Viscount of Townshend, Secretary of State // National Archives of Scotland (далее NAS). Mar and Kellie Papers (далее МКР). GD 124/15/1263/1. P. 1.
- ⁷ *Forbes D.* Letter to General Clayton [вероятно, конец 1742 г.] // Culloden Papers : comprising an Extensive and Interesting Correspondence from the year 1625 to 1748 ; including numerous letters from the unfortunate Lord Lovat, and other distinguished persons of the time; with occasional state papers of much historical importance. L., 1815. P. 362.
- ⁸ См. напр.: *Wade G.* Op. cit. P. 133–134 ; *Erskine J.* Op. cit. P. 1–2.
- ⁹ An Act for the more effectual Disarming the Highlands of Scotland; and for the more effectually securing the peace of the said Highlands ; and for restraining the use of the Highland Dress; and for futher indemnifying such Persons as have acted in Defence of His Majesty's Person and Government, during the unnatural Rebellion ; and for indemnifying the Judges and other Officials of the Court of Justiciary in Scotland, for not performing the Northern Circuit in May 1746 ; and for obliging the Masters aon Teachers of Private Schools in Scotland, and Chaplains, Tutors and Governors of children or Youth, to take the Oath to His Majesty, His Heirs and Successors, and to register the same. L., 1746 ; Anno Regni Georgii II. Regis Magnae Britanniae, Franciae, and Hiberniae. Vicesimo Primo. At the Parliament begun and holden at Westminster, the Tenth Day of November, Anno Dom. 1747 , in the Twenty first Year of the Reign of our Sovereign Lord George the Second, by the Grace of God, of Great Britain, France, and Ireland, King, Defender of the Faith, and etc. being the First Session of this present Parliament. L., 1748. P. 951. Акт 1746 г. о разоружении горцев и запрете на ношение «горского платья» и подтверждавший и расширявший его значение и применение акт 1748 г. утратили силу закона лишь в 1782 г.
- ¹⁰ *Rawlinson M. T.* Letter to the Lord Advocate. Invergary, 24 May, 1728 // Culloden Papers... P. 103. См. подробнее: *Trevor-Roper H.* The Invention of Tradition : The Highland Tradition of Scotland // The Invention of Tradition / ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. Cambridge, 2000. P. 21–22.
- ¹¹ Highland Reports, 1749–1750 // Historical Papers relating to the Jacobite Period... Vol. II. P. 513–584.
- ¹² *Wade G.* Op. cit. P. 140.
- ¹³ *Bland H., Fletcher A.* Proposals for Civilizing the Highlands [вложено в : Fletcher A. Letter to the Duke of Newcastle. Edinburgh, December 14, 1747] // Albemarle Papers. Being the Correspondence of William Anne, Second Earl of Albemarle, Commander-in-Chief in Scotland, 1746–1747. With an Appendix of Letters from Andrew Fletcher, Lord Justice-Clerk, to the Duke of Newcastle, 1746–1748 / ed. by C. S. Terry. Vols. I–II. Aberdeen, 1902. P. 490.
- ¹⁴ *Plank G.* Rebellion and Savagery : The Jacobite Rising of 1745 and the British Empire. Philadelphia, 2006. P. 176.
- ¹⁵ *MacKillop A.* «More Fruitful Than The Soil» : Army, Empire and the Scottish Highlands. 1715–1815. East Linton, 2000. P. 45–47.
- ¹⁶ Примечательно, что, например, А. В. Б. Норман, говоря о «горском платье» в XVIII в., ведет речь исключительно о форме хайлендских полков: *Norman A. V. B.* A Note on Highland Dress after the '45 // Proceedings of the Society of Antiquaries of Scotland. 1972–1974. Vol. 105. P. 316–318 ; *Prebble J.* Mutiny. Highland regiments in revolt, 1743–1804. L., 1975. P. 29–30.
- ¹⁷ *Plank G.* Op. cit. P. 13.
- ¹⁸ Цит. по: *Вишленкова Е. А.* Указ. соч. С. 77.

УДК 94(410)°17°

ПОЛЕМИКА Э. БЕРКА И К. МАКОЛЕЙ ПО ВОПРОСУ ОЦЕНКИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Е. Ю. Аксенова

Самарский государственный университет путей сообщения
E-mail: lenax@list.ru.

В данной статье рассматривается и анализируется полемика по вопросу отношения к Французской революции двух выдающихся английских публицистов XVIII в. Э. Берка и К. Маколей.

Ключевые слова: Англия XVIII в., Э. Берк, К. Маколей, политическая публицистика, революция во Франции.

E. Burke and C. Macaulay's Viewpoints on the Evaluation of French Revolution

E. U. Aksenova

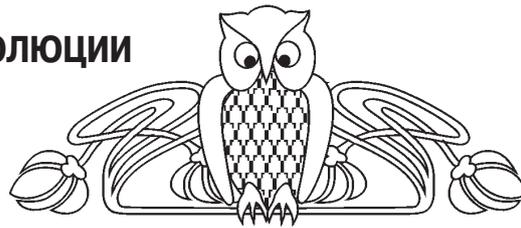
This article describes and analyzes the debates for problem of the French Revolution between two great English writers of XVIII century, Edmund Burke and Catharine Macaulay.

Key words: XVIII century's England, Edmund Burke, Catharine Macaulay, political pamphlet, French Revolution.

Революция во Франции, произошедшая в конце XVIII в., была, есть и остается одним из важнейших событий не только французской, но и мировой истории, и не только указанного периода, но мирового исторического процесса в целом. Французские события уже непосредственно в ходе их осуществления привлекали самое живое внимание со стороны ведущих держав того времени. И едва ли не самый активный интерес был со стороны Англии, как страны, в которой подобная революция произошла ранее. Английские политические деятели разного ранга, а также ученые, публицисты и писатели использовали, конечно, разные «площадки» для выражения своего мнения, и одним из самых популярных был жанр политического памфлета. Памфлет стал к тому времени излюбленным способом выражения своей точки зрения для всех участников общественно-политической жизни Великобритании.

В полемике по вопросу отношения к Французской революции и её оценки выделяются два памфлета, представляющие полярные точки зрения. Это работы Э. Берка и К. Маколей.

Эдмунд Берк (1729–1797) был блестящим публицистом и идеологом вигской партии, теоретически обосновавшим претензии на власть, считая их защитниками и хранителями английской свободы. При жизни точка зрения Берка по тем или иным вопросам не всегда находила понимание даже у его единомышленников, но впоследствии Берк прослыл образцом английского государственного деятеля у всех партий Великобритании, а его произведения были по достоинству оценены.

В настоящее время признается огромное значение идей Берка. Многие из того, о чем он писал, было подхвачено и развито другими исследователями, то есть имеет концептуальное значение.

В своей речи в парламенте в феврале 1790 г. Берк категорически отвергал устоявшееся мнение о благотворности Французской революции и пророчески предсказывал ее негативные последствия не только для самой Франции, но и для других народов. Для Берка Французская революция «противоречила природе вещей, была бунтом против Бога, разрывом с устоями совершенного общества»¹. Эта речь вызвала возмущение в среде вигов и радикалов. Даже многие друзья Берка были очень недовольны его выступлением, но, тем не менее, 1 ноября 1790 г. выходит знаменитый памфлет Берка «Размышления о революции во Франции».

Ответная реакция не заставила себя долго ждать: памфлет К. Маколей «Замечания на “Размышления”» достопочтимого Э. Берка о революции во Франции» был опубликован через месяц после работы последнего. Кэтрин Маколей (1731–1791) к тому времени была уже широко известным историком и публицистом. Первая английская женщина-историк, опубликовавшая при жизни 8 томов «Истории Англии», впервые написанной с позиций «истинного вигизма», радикализма и республиканизма, Маколей была и автором ряда памфлетов, среди которых «Письма об образовании», «Скромная мольба об авторском праве», «Трактат о непреложности моральной истины» и другие. Кроме того, К. Маколей была давним оппонентом Э. Берка. Один из первых памфлетов, написанных ею, также создавался в противовес Берку и назывался «Правда о причинах нынешнего недовольства».

Э. Берк начал с того, что отнюдь не считал революционный путь необходимым, и уж тем более закономерным для Франции. Для того чтобы доказать жизнеспособность династии Бурбонов, он использовал социально-экономические параметры. Нужно поставить в заслугу мыслителю то, что он справедливо связывал государственную политику и состояние экономики. Так, еще ранее, анализируя деятельность правительства Рокингема, он, оперируя статистикой, доказывал правильность его политики, указывая на блестящее состояние экономики в тот период. Теперь, рассуждая о Французской революции, публицист также ста-

вил во главу угла экономические вопросы. Уже в речи в парламенте 9 февраля 1790 г. он осуждает постреволюционную Францию не только за ниспровержение всех основ бывшего общественного устройства, но и за развал торговли и промышленности. С помощью сопоставления показателей жизни и прироста населения в последние годы перед революцией и сразу же после нее Берк обращается к читателю с вопросом относительно старой Франции: «есть ли здесь скрытые пороки и так ли они велики, что бы дать право сразу же сравнивать с землей это огромное здание?»².

Государственное устройство дореволюционной Франции представлялось Берку вполне приемлемым, поскольку оно обеспечивало подданным основные социальные права: на жизнь в соответствии с законом, на справедливость в отношениях с другими гражданами, возможность пользоваться результатами своего труда и делать его еще более производительным, наследовать родителям, воспитывать и образовывать своих детей, право на наставление в жизни и утешение в смерти³.

Однако мыслитель вовсе не идеализирует Старый порядок. В «Размышлениях» он также выявляет и его недостатки, к главным из которых можно отнести несовершенство системы налогообложения и чрезмерные полномочия французского монарха, не совместимые с законом и свободой⁴. Но все недостатки, по его мнению, вполне можно было бы устранить реформами, не разрушая государственного и общественного устройства. Более того, мыслитель доказывает, что политика реформ действительно велась при Людовике XVI, который вообще удостоился со стороны Берка весьма лестной характеристики. Итак, мы видим, что он не находит объективных причин для революции.

Работа Маколей начинается замечанием о том, что работа Берка привлекла большое внимание, однако его «Размышления» «могут служить лишь для украшения, могут вызывать восхищение очаровательным обаянием красноречия; но, поскольку они написаны не для того, что бы очаровывать, а для того, что бы убеждать...», она не смогла смолчать и не ответить на них⁵, поскольку «это тот случай, когда речь идет о важном для всего человечества» и «...о том, что затрагивает все цивилизации и нации и касается всех людей». Маколей пишет, что в Англии «французскую революцию уже воспринимают с двух точек зрения – с ликованием и с негодованием, и мистер Берк взял на себя роль оракула последней стороны», памфлет которого, благодаря речи Берка в парламенте, был давно ожидаем⁶. Её очень огорчает, что «этот джентльмен, столь высоко ценимый по характеру», стал на сторону противников революции во Франции, что также заставило ее ему ответить. Она считает, что государственные институты, созданные в Средние века – эпоху предрассудков и суеверий, перестали быть жизнеспособными,

горячо заявляя, что только незнание народом своих прав обеспечивало его пассивное повиновение правителям, попиравшим его свободу. Кроме того, она писала, что революция произошла не вдруг, она следствие взрыва, потрясшего, наконец, Францию в результате долго копившихся несчастий⁷, так как институт французской монархии, возникший в Средневековье, представлявшаяся ей мрачной, темной эпохой, окончательно устарел, но чтобы это понять, понадобилась «революция идей», то есть Просвещение. Маколей назвала Французскую революцию «неожиданным проявлением просвещенного духа»⁸. Сама же революция представлялась ею торжеством разума над предрассудками. «Двадцать четыре миллиона человек избавились от всего, что уничтожало здравый рассудок и причиняло страдания», – заявляла К. Маколей⁹, и то, «как они избавились от старой неволи, вызвало восхищение всех людей»¹⁰. К. Маколей также усматривала в наличии огромного национального долга одну из основных причин революции¹¹. Революционеры, по ее мнению, являясь настоящими патриотами, думали о «предотвращении национального банкротства»¹².

Для Маколей единственно возможным решением бед Франции является не реформирование старой конституции, а создание новой, поскольку третье сословие решило «возместить собственные обиды, не дожидаясь эффекта от смиренных петиций и противоречивых советов»¹³. Приговор, выносимый ею прежней власти во Франции, умолим: «Если мы однажды допускаем власть», наличие которой «несовместимо с условиями гуманности, мы никогда не сможем жить в просвещенные дни», которые будут характеризоваться «улучшениями в политике», – заявляет она¹⁴.

Существенным различием между Берком и его оппонентами, в том числе Маколей, следует считать то, что Берк рассматривал французские события с исторической точки зрения. Маколей же, ссылаясь на уникальность явления, считала, что история здесь не может помочь, поскольку «не предоставляет ни одного примера, какого бы то ни было правительства в большой империи, которое в самом строгом смысле этого слова закрепляло бы за гражданином полное обладание своими правами»¹⁵. «Лидеры французской революции и их последователи не прибегают к готическим институтам Европы, как это делает мистер Берк», – одобрительно замечает Маколей¹⁶.

Берк видит для возникновения революции только причины субъективные, а именно кризис идеологии и политики, выразившийся в бунте против христианства. В этой связи вся история французского Просвещения, начиная с XVII в., представляется Берку историей заговора литераторов-атеистов против христианской религии и церкви. К этому же заговору он причисляет людей, хотевших поживиться за счет секуляризации церковного имущества¹⁷. Нельзя не признать, что в такой точке зрения есть рациональное зерно.

Считая основной целью революционеров ниспровержение религии и церкви, предпосылкой успеха революции Берк называет нарушение баланса социальных противоречий. Оппоненты мыслителя вообще не связывали проблему отношений между социальными слоями с происхождением революции, но Маколей вскользь упомянула о феодальных привилегиях и вассальной зависимости, считая при этом причиной революции все же конфликт между абсолютизмом и нацией в целом. Берк же говорил о том, что, хотя противоречия всегда были и будут в общественной жизни и даже полезны, во Франции их равновесие было нарушено чрезмерно обострившимся конфликтом между дворянством и «средним классом», имеющим деньги, но не имеющим соответствующие им привилегии. Правительство вовремя не отреагировало на этот конфликт, не смягчило его, и «денежные мешки» примкнули к революционерам. Таким образом, Берк называет две основных причины успеха революции: ловкость «заговорщиков» и недостаточную решимость прежнего правительства¹⁸.

Симпатии К. Маколей были на стороне Учредительного собрания, о членах которого она написала, что они «дали пример великодушия, не зависящего от личных интересов, которое не имеет аналогов больше ни в каком Собрании»¹⁹; она одобряет его решение не смещать Людовика XVI, хотя против него и были «серьезнейшие основания самой ужасной вины», поскольку, если сместить короля, то французы могут получить «трудности в отношении свободы, вместо ее улучшения»²⁰. Относительно ограничения королевской прерогативы Маколей писала, что если король пострадал, то это его же вина, результат «поведения, которое, мягко говоря, было совершенно опрометчивым»²¹.

Маколей даже удивляет та сдержанность, с которой «демократы» относились теперь своим врагам, хотя перед революцией между ними существовала сильная враждебность. Если бы Маколей дождалась казни короля и террора времен революции, она, возможно, взяла бы свои слова обратно и по-другому оценила бы французские события. А пока она призывает читателей вспомнить всех тех, кто в «одночасье пали от ярости и возмутительной гордости царственных деспотов», и призывает сравнить поведение последних с мягким поведением революционеров²². В связи с рассуждениями о революции и судьбе короля опять неизбежно поднимается вопрос о праве народа на сопротивление монарху. Для Маколей очевидно, что право это у народа есть, и в пример она приводит английские события XVII в. и Славную революцию, когда народ оказал активное сопротивление суверену в тех условиях, когда «его преступность была несовместима с обществом»²³. Примеры Англии и теперь Франции должны предостеречь всех остальных монархов от злоупотреблений.

Берк обеспокоен тем, как обращаются с Марией-Антуанеттой и сетует, что эпоха рыцарства миновала; несмотря на то что Маколей тоже женщина, такие слова кажутся ей «фальшивыми понятиями чести»²⁴. Ей вторит Пейн, который резко осуждает «драматические сетования» по поводу того, что «эпоха рыцарских бредней миновала», и вообще осуждает Берка за эффектность и театральность его работы²⁵.

По-разному оценивают публицисты и обращение Учредительного собрания к королю в начале 1790 г.: Берк его осуждает, Маколей считает, что оно «выражено языком, наиболее приспособленным для смягчения личных несчастий короля», и «обещает ему настолько лояльную преданность его персоне, насколько могла бы потребовать та власть, которой он был лишен»²⁶. Проявлением почтения к королю и заботой о спокойствии в стране считает Маколей и ограничение передвижений королевской семьи: «Обеспечивая нахождение короля и королевы в Париже и, таким образом, предотвращая их побег, правительство обезопасилось от новых неприятностей в королевстве», – пишет она²⁷. Маколей также не упускает случая в очередной раз заявить о своем наибольшем предпочтении республики: «Я не знаю, что лорд Болингброк подразумевал, когда говорил, что предпочитает монархию другим правительствам, потому что каждая деталь республиканского правления лучше, чем любая деталь монархии»²⁸.

При анализе французских событий неизбежно возникал вопрос о том, кто же осуществил революцию, или, как бы мы сказали сейчас, каковы ее движущие силы. Если Маколей писала о «полном единодушии народа»²⁹, подразумевая, что революцию совершила вся нация, Берк отрицательно относился к такой точке зрения. Свои суждения он строил на анализе наказов депутатов в Генеральные штаты, справедливо считая их отражением истинного волеизъявления народа. Как известно, в этих наказах ничего не было сказано о тотальной ломке прежних порядков, и, таким образом, разговор о революционном единодушии лишен смысла. Деятели Национального собрания воспользовались ситуацией, чтобы захватить и узурпировать власть. «Я никогда не смогу относиться к Национальному собранию иначе, чем как к добровольному объединению людей, воспользовавшихся благоприятными обстоятельствами для захвата власти в государстве. У них больше нет той санкции и тех полномочий, какие они имели, собравшись впервые. Они отошли от наказов избравшего их народа, которые, поскольку Собрание действует, не опираясь на какой-либо старинный обычай или существующий закон, были единственным источником их полномочий»³⁰. Народ же, по мнению Берка, еще раз выразил свое негативное отношение к революционному перевороту, когда в 1791 г. многие его представители уклонились от

участия в выборах в Законодательное собрание, что признавали и сами власти.

На основе тезиса о желаемости революции и участии в ней только части населения Берк отделяет участников революции от основной массы населения и дает их описания, разделяя на социальные группы. Наиболее активные революционеры – уже упоминавшиеся выше члены «заговора», то есть «литераторы» и «денежная аристократия», а также лица свободных профессий: врачи, журналисты, юристы. Последние хотели получить дополнительные доходы за счет возникшей неразберихи. Большую группу революционеров представляла собой городская чернь, то есть маргиналы и люмпены. Просвещенные заговорщики путем нивелирования авторитета власти и церкви разрушили преграды, сдерживавшие чернь, но выпущенный ими джинн стал угрожать им же самим, и они стали заложниками разбушевавшейся толпы, ее капризов и настроений. Кстати, Берк уже в более поздних своих произведениях дал характеристику якобинизма. По его мысли, это не есть конкретное политическое течение одной отдельно взятой страны. Это глобальный феномен социального, идеологического и религиозного свойства. Основная его черта – фанатичная приверженность определенным идеологическим принципам: атеизму, абстрактно понимаемым правам человека, абсолютному равенству индивидуумов и так далее. Приверженцы этих идей имеют определенный психологический склад, обусловленный их социальным происхождением. Берк пишет: «Якобинскую революцию совершили люди, не имеющие общественного положения, напрочь лишённые осмотрительности и обладающие свирепым нравом дикарей, отличающиеся непостоянством, самонадеянностью, наглостью, чуждые морали, порядочности и благоразумия. Чем же они восполняют свои бесчисленные недостатки и что делает их такими страшными даже для стойких духом людей? Одно и только одно качество, которое, правда, стоит тысячи других – у них есть энергия»³¹.

Выше говорилось лишь о различиях в точке зрения Берка и Маколей на Французскую революцию. Но были и сходства. Оба мыслителя правильно оценили исключительную важность французских событий, но с противоположными знаками. Берк писал: «Мне кажется, что я присутствую при великом кризисе в делах не только Франции, но и всей Европы, а, возможно, и не одной лишь Европы. Если учесть все обстоятельства, то можно сказать, что Французская революция – самое важное из всего происходившего до сих пор в мире»³². По мнению Маколей, «это – событие, имеющее величайшее значение для самых сокровенных чаяний человечества: оно совершенно уникально по своей природе и удивительно по использованным в нем средствам»³³. Таким образом, и Берк и Маколей признавали революцию уникальной, другое дело – в чем они видели ее уникальность?

К. Маколей предвидела, что памфлет Берка будет иметь огромные последствия. Целью этого сочинения она считала – «поднять все народы против французов и таким образом уничтожить с их гибелью все права человека»³⁴.

В «Размышлениях» Берк пишет, что прежде всего французские события – не имеющий прецедентов и аналогов пример разрыва исторической преемственности. Еще не поняв, что из старого может пригодиться, французы разрушают все и предпочитают начать на пустом месте. Это стремление к ниспровержению имеет своими корнями идеи Просвещения, которые создали у людей ложное представление о возможности построения нового, невиданного строя на основе умозрительных принципов. Значит, «все преобразование во Франции имеют целью не исправление подлинных недостатков общества, а реализацию таких абстрактных принципов, как всеобщее равенство и естественные права человека», – прямо заявляет Берк³⁵. Вместо христианских ценностей навязываются принципы абстрактных размышлений Руссо, которые никак не отвечают реальной ситуации во Франции. Итак, это революция доктрины, политической догмы, но качественно новая, сравнимая лишь с Реформацией. Истинная основа этой революции – атеизм, а раз адепты новых идей считают их истинными и применимыми для всех стран, то они вскоре постараются распространить эту революцию на соседние страны, а затем далее, – пророчески отмечает мыслитель. А такое распространение приведет только к распаду и гибели общества. Даже Пристли позднее, продолжая все же считать Французскую революцию прогрессивным явлением, тем не менее, согласился с Берком по этому вопросу. Он писал: «христианская религия во всех намерениях и целях отменена во Франции и это Национальное собрание тайно и коварно внедряет систему атеизма в их землях»³⁶.

Подводя итог, можно сказать, что уникальность Французской революции состояла для Берка в попытке реализовать насильственным путем утопический идеал, в то время как его оппоненты усматривали во французских преобразованиях уникальный путь к всеобщему счастью сначала в самой Франции, а затем и в остальном мире.

Естественно, что при анализе французских событий, англичане думали, прежде всего, о своей стране и в памфлетах, посвященных Французской революции, есть немало строк, относящихся к ситуации в Англии. Э. Берк, как и Р. Прайс, использует анализ французских событий для того, что бы еще раз поговорить о Славной революции. Всем здравомыслящим людям, писал публицист, за исключением кучки индивидуумов, очевидны достоинства английской конституции. Свой гнев Берк, прежде всего, направляет на Прайса; он был крайне возмущен заявлением последнего о том, что верховная власть в стране принадлежит народу и, таким образом, английский король,

которому английский народ делегировал полномочия, – единственный законный король в мире. Эти слова с новой силой подогрели страсти вокруг оценки событий 1688 г. Во всех памфлетах, посвященных французским делам, содержались высказывания на эту тему. К. Маколей утверждала, что события 1688 г. «могли бы служить оправданием простому мыслящему человеку во мнении, что нынешняя правящая семья обязана своим правом престолонаследия выбору или разрешению народа»³⁷. Берк категорически не согласен, что Вильгельм был выбран, поскольку он вообще отрицает право народа на «избрание своих собственных судей и на смещение их с должностей за плохую работу»³⁸. Пристли полностью поддерживает Маколей и Прайса и заявляет, что «право подданных оказывать сопротивление тирану и свергать его с трона – это, говоря другими словами, увольнение дурного слуги, злоупотребившего оказанным ему доверием»³⁹. В другом, более раннем своем произведении он писал о том же: «Короли, сенаторы, дворянство или кто-либо с пышными именами и званиями только слуги государства, ответственные перед народом за исполнение соответствующих должностей. Если такие должностные лица злоупотребляют своим положением, народ обладает правом сместить их и наказать»⁴⁰.

Рассуждая далее о ситуации в Англии, Берк прибегает к понятию об античных правах, из которых англичане унаследовали свои права «как наследие, перешедшее от праотцов». Маколей видит в этом попытку избежать святого для нее понятия о «естественных правах». Кроме того, Берк, по ее мнению, забывает о «нормандском ярме», разрушившим все права, а те, что впоследствии были дарованы королями, могли быть и также легко отобраны, если только в стране не появится конституция, основанной на «естественных правах» человека⁴¹, «достоинство» которых, по ее мнению, Берк как раз и не учитывает в своих взглядах на правительство⁴².

Свой памфлет Кэтрин Маколей заканчивает вдохновенным пожеланием, что если французы переживут благополучно этот трудный отрезок их истории, «ничто не сможет повредить их правам и любое будущее правительство не сможет иметь никакой другой законной силы, кроме желания людей»⁴³.

Это противоречит горестным размышлениям Берка, который убежден в том, что реформы, проведенные насильственным путем, обречены на провал. Таким образом, французы, презрев закон и порядок, как раз и нарушили те «естественные права» людей, о которых так пеклась Маколей. Никакие прекрасные порывы не могут оправдать перевороты, ломку и насилие. Свобода для Берка возможна только как равенство перед законом и только в рамках закона.

Бурная полемика завершилась, между тем принятием реальных и имевших далеко идущие

последствия политических решений. Точка зрения Берка возобладала: английское правительство (тогда у власти находился кабинет «новых тори» во главе с Уильямом Питтом младшим) возглавило вторую коалицию против Франции, все же усмотрев опасность в ее внешней политике после революции.

Но полемика по поводу оценки самой революции во Франции, ее методов и последствий и связанных с нею широкого круга вопросов и проблем не утихает до сих пор.

Значение же рассмотренных памфлетов и личностей их авторов состоит в том, что и спустя два с лишним столетия их точки зрения продолжают представлять два основных полюса оценок событий Французской революции.

Примечания

- 1 *Freeman M.* Edmund burke and the Critique of Political Radicalism. Basil Blackwell, Oxford, 1980. P. 173.
- 2 *Burke E.* Reflections on the Revolution in France. L., 1790. P. 241.
- 3 *Ibid.*
- 4 *Ibid.* P. 87–88.
- 5 *Macaulay C.* Observations on the Reflections of the Rt. Hon. Edmund Burke on the Revolution in France in Letter to the Rt. Hon. The Earl of Stanhope. L., 1790. P. 5.
- 6 *Ibid.* P. 6.
- 7 *Ibid.* P. 12.
- 8 *Ibid.* P. 22.
- 9 *Ibid.* P. 54.
- 10 *Ibid.* P. 29.
- 11 *Ibid.* P. 33.
- 12 *Ibid.* P. 67.
- 13 *Ibid.* P. 36.
- 14 *Ibid.* P. 14.
- 15 *Ibid.* P. 81.
- 16 *Ibid.* P. 33.
- 17 *Burke E.* Op. cit. P. 210.
- 18 *Ibid.* P. 207.
- 19 *Macaulay C.* Op. cit. P. 30.
- 20 *Ibid.* P. 18.
- 21 *Ibid.* P. 23.
- 22 *Ibid.* P. 27.
- 23 *Ibid.* P. 16.
- 24 *Ibid.* P. 54.
- 25 *Pain T.* Rights of Man. L., 1954. P. 13.
- 26 *Macaulay C.* Op. cit. P. 56–57.
- 27 *Ibid.* P. 53.
- 28 *Ibid.* P. 81. В то же время в одном из своих писем Уолпол замечает: «Я сомневаюсь, действительно ли мой друг миссис Маколей так антимоноархична». (*Walpole H.* Horace Walpole's Correspondence. Vol. I–XLII. Yale Univ. Press, 1948–1980. Vol. XXXII. P. 138).
- 29 *Ibid.* P. 22.
- 30 *Burke E.* Op. cit. P. 297–298.

- ³¹ Цит по: Чудинов А. В. Размышления англичан о Французской революции. М., 1996. С. 86.
³² Burke E. Op. cit. P. 40.
³³ Macaulay C. Op. cit. P. 6.
³⁴ Ibid. P. 88.
³⁵ Burke E. Op. cit. P. 278.
³⁶ Priestly J. Philosophical Reflections on the late Revolution in France and the conduct of the dissenters in England. L. Undated. P. 6.
³⁷ Macaulay C. Op. cit. P. 10.
³⁸ Ibid. P. 12.

- ³⁹ Пристли Дж. Письма к достопочтенному Э. Берку, вызванные его «Размышлениями о французской революции» // Английские материалисты XVIII века : в 3 т. Т. 3. М., 1968. С. 468.
⁴⁰ Пристли Дж. Очерк об основных принципах государственного правления и о природе политической, гражданской и религиозной свободы // Английские материалисты XVIII века. Т. 3. С. 18–19.
⁴¹ Macaulay C. Op. cit. P. 45, 32.
⁴² Ibid. P. 45.
⁴³ Ibid. P. 95.

УДК 94(581)+327.56

ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ «НОВОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ» В КОНТЕКСТЕ ВЫВОДА ВОЙСК НАТО ИЗ АФГАНИСТАНА

Д. С. Алексеев

Саратовский государственный университет
E-mail: alexeyevds@rambler.ru

В статье рассматриваются вопросы реализации на практике проекта «Новый шелковый путь». Автор анализирует условия, перспективы и риски, стоящие на пути международных усилий в данном процессе. Рассматривается также роль стран Центральной Азии, Ближнего Востока, Китая и России в процессах укрепления региональной безопасности после 2014 года.

Ключевые слова: региональная безопасность, НАТО, Афганистан, «Новый шелковый путь», внешняя политика США, Центральная Азия.

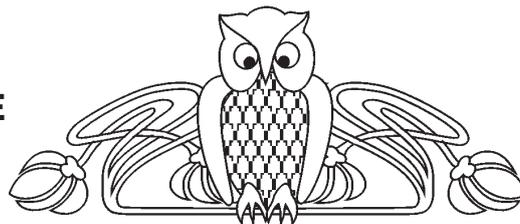
Perspectives of the «New Silk Road» Strategy in the Context of NATO Withdrawal from Afghanistan

D. S. Alexeyev

The article focused on the issue of implementation of the «New Silk Road» strategy. Author analyses the key conditions, risks and opportunities, which may affect the success of the Project. It also examined the role of Central Asian countries, as well as the Mid Eastern partners, China and Russia in the field strengthening of regional security after 2014.

Key words: regional security, NATO, Afghanistan, «New Silk Road», US foreign policy, Central Asia.

Твердое намерение администрации США и их союзников по коалиции, выполняющих миссию ИСАФ НАТО в Афганистане, существенно сократить количество находящихся там военнослужащих начиная с 2014 года все активнее обсуждается в кругах экспертов и политиков в последнее время. Главные вопросы, вызывающие острую дискуссию, вращаются вокруг проблем обеспечения безопасности и правопорядка не только на территории Афганистана, но и в регионе, прилегающем к этому государству. Действительно, открытых вопросов накопилось достаточно много, и мало

кто может с уверенностью прогнозировать, как именно будет развиваться ситуация с поддержанием стабильности, контролем за наркотрафиком, ограничением распространения радикализма и экстремизма.

Для большинства специалистов очевидно, что без решения острых социально-экономических проблем в Афганистане и сопредельных государствах добиться устойчивой стабильности и работы государственных институтов в самом Афганистане будет невозможно. Одним из предлагаемых решений целого ряда острых проблем, широко обсуждаемых в настоящее время, является инициатива Нового шелкового пути.

Проект Новый шелковый путь (НШП)¹ был запущен при администрации Дж. Буша-младшего и был ориентирован на экономическую составляющую, которая стала бы в перспективе центральным элементом в формировании так называемого Большого Ближнего Востока (ББВ). В период с 2001 по 2005/07 годы, когда фокус американской внешнеполитической активности вращался вокруг Ирака и его соседей, идея создания новой политико-экономической формации в виде ББВ активно продвигалась неоконсерваторами в администрации США, которые занимали в то время ключевые государственные позиции и, по сути, определяли внешнеполитическую стратегию страны. Идея включала в себя, прежде всего, попытку постепенного (пусть и насильственного) привнесения в регион демократических основ государственного управления путем смены режимов, что, в конечном счете, должно было бы привести к появлению в регионе нового полюса силы (демократических мусульманских государств, которые имели бы проамериканскую и, в более широком смысле, прозападную ориентацию). Большой Ближний Восток предполагалось начать «расширять», отталкиваясь от успешной операции в Ираке, а

проект НШП должен был в этом случае стать экономической артерией для ББВ, призванной втянуть континентальные государства Среднего и Ближнего Востока, а вслед за ними и страны Центральной Азии (лишенные прямого выхода в мировой океан) в отношения активной рыночной торговли и тем самым создать новые источники доходов как для внерегиональных игроков, так и для самих стран-участниц. Предполагалось, что постепенная интеграция в глобализационные процессы развивающихся стран региона создаст благоприятные условия для купирования целого ряда негативных явлений, таких как распространение экстремизма, бедность населения и неблагоприятные инфраструктурные условия. Однако неудачи коалиции в Ираке, а также ряд стратегических просчетов относительно региональной динамики, усугубленные началом «арабской весны», поставили успех проекта Большой Ближний Восток пред целым рядом серьезных вызовов.

Материальной базой НШП должно стать создание широкой инфраструктуры транспортных и энергетических магистралей, строительство перевалочных терминалов и транспортных центров, которые будут покрывать значительную часть континентального пространства, соединяя порты Китая, Индии, Персидского залива с государствами, закрытыми на континенте, включая Пакистан, страны Центральной Азии (ЦА), Афганистан и государства Ближнего Востока, которые не имели в начале 2000-х годов транспортной инфраструктуры для переправки грузов и энергетического сырья. Источником доходов для региональных государств станет прибыль от транзита потребительских товаров и сырья. Международные инвесторы в лице частных корпораций и государственных агентств, на плечи которых ложится основное бремя финансовых вложений на начальном этапе, будут получать прибыль от эксплуатации возведенных ими объектов инфраструктуры, а также за счет доступа к новым рынкам сбыта, которые станут доступны в результате реализации проекта.

Данный факт нигде не получает прямых аналогий, однако идеологическая и практическая составляющая проекта НШП, по нашему убеждению, имеет в основе принципы, которые уже были опробованы США в реализации таких масштабных финансово-экономических проектов, как «План Маршалла» (восстановление послевоенных экономик стран Западной Европы и одновременно сращивание финансово-экономических систем Европы и США, который имел достаточно серьезные результаты для всех стран-участниц), а также «Программа Пункта 4», реализованная позднее в 60-е годы (направленная на восстановление и реформирование экономик стран Юго-восточной Азии, что в результате привело к появлению и экономическому росту таких капиталистических гигантов, как Япония, Южная Корея и страны АСЕАН). Архитекторы проекта

НШП в администрации США в его реализации видят заинтересованность не только стран и частных инвесторов в извлечении прибыли. В результате процесса привлечения денежных средств в отдаленные регионы есть стремление постепенно подойти к решению проблем, которые связаны с распространением в регионе религиозного экстремизма и терроризма, посредством повышения уровня жизни, создания рабочих мест, более эффективных финансово-экономических и политических институтов, способных функционировать в условиях глобальной экономики.

Однако в результате фактического провала иракской операции и в связи с целым рядом просчетов администрации Буша проект ББВ, фактически, не сдвинулся с начальной точки. К 2008 году стало очевидно, что отсутствие продвижения в Ираке требует серьезного пересмотра всей евразийской стратегии. Администрация Обамы, одним из главных козырей которой во время прихода к власти стало обещание вывода войск из Ирака, вынуждена была прийти и к пересмотру концепции НШП. Необходимость такого пересмотра продиктовали и события «арабской весны», которые добавили значительную долю неопределенности в ситуацию на Ближнем Востоке и поставили под угрозу срыва все планы Вашингтона.

В этой связи акценты в реализации НШП были смещены с Ближнего Востока в регион Афганистана и ЦА. Особую актуальность это приобрело в свете предстоящего в 2014 году вывода войск коалиции из Афганистана. Тем не менее, официальные лица в американской администрации неоднократно заявляли, что вывод войск из Афганистана не означает ухода США из региона, США предполагают сохранить в разных формах свое присутствие и содействовать трансформации сопредельных стран Южной и Центральной Азии. Именно этим задачам призвана служить концепция НШП. К разработке и научному анализу новой концепции сразу же активно подключился ряд исследовательских центров США. В частности, созданный под эгидой университета Джонса Хопкинса Институт Центральной Азии и Кавказа во главе с Фредериком Старром с его специальной программой «Исследования Шелкового пути» совместно с Нанкинским университетом (Китай) и Институтом безопасности и программ развития (Швеция), а также Вашингтонский центр международных стратегических исследований в его программе российских и евразийских исследований под руководством Эндрю Качинса (бывшего руководителя Московского центра Карнеги), а также Совет по внешней политике США, Институт Брукинга и др.

Новое прочтение концепции НШП не предполагает пересмотра его ключевых целей и идеологических основ, заложенных администрацией Буша, однако адаптирует его к новым стратегическим условиям, складывающимся в регионе, а также подразумевает привлечение к реализации

в проекте большого количества внерегиональных игроков, среди которых Всемирный банк, Азиатский банк развития, ряд европейских стран, в частности Германию, с которой Клинтон вела масштабные консультации через немецкий МИД в 2011 г.² Предварительные данные говорят, что такая поддержка немецкой стороны была получена и проведены трехсторонние консультации с правительством Афганистана.

Как заявил советник президента Афганистана Шама Бахиджа, развитие посреднической торговли за счет масштабных инфраструктурных и энергетических артерий, по мнению сегодняшнего руководства Афганистана, может стать новой моделью развития страны. Афганистан предполагает принятие на себя посреднических услуг, к примеру, по транзиту туркменского газа и узбекской электроэнергии в Пакистан и далее в Индию³. К обсуждаемым транспортировкам могут быть подключены и другие участники как в ЦА, так и за ее пределами. Таким образом, данный проект весьма позитивно принимается официальным афганским руководством. В течение 2011–2012 гг. состоялся ряд конференций высокого уровня, где обсуждались вопросы, связанные с проектом, и значительная часть американских и европейских экспертов сходятся во мнении, что реализация концепции НШП является важнейшим полем для взаимодействия по послевоенному восстановлению Афганистана и созданию новой модели функционирования его экономики⁴. Кроме того, известно, что Индия и Пакистан также видят в реализации проекта определенные значимые выгоды для себя.

За последние годы по различным аспектам концепции НШП было опубликовано значительное количество материала, на наш взгляд, важно остановиться на нескольких чувствительных моментах, которые касаются процесса его реализации и перспектив развития.

Во-первых, следует особо подчеркнуть, что реализация стратегии НШП – это проект, который очень сильно растянут во времени. Ни один из его нынешних и потенциальных участников не ожидает каких-либо ощутимых результатов в ближайшие 3–5 лет, и это наиболее оптимистичный взгляд. В нынешних условиях экономической неопределенности первые результаты могут появиться не ранее чем через 7–10 лет при условии сохраняющейся стабильности в Афганистане после ухода войск коалиции.

Перспективы успешной реализации НШП, несмотря на кажущуюся логичность и правильность в ключевых подходах, не так безоблачны, как могут показаться на первый взгляд. Основным препятствием видится значительная степень неопределенности внутри самого Афганистана и сложности переговорного процесса с местными администрациями провинций и полевыми командами. Являясь центральным звеном адаптированной концепции НШП, Афганистан (или, по

крайней мере, районы, где будут реализовываться инфраструктурные проекты) должен представлять из себя хорошо управляемую территорию. Кроме того, транспортные коридоры должны быть загружены достаточным количеством товаров. Учитывая сложный статус США и союзников в стране, вероятнее всего начальный этап реализации будет опосредованно возложен на сопредельные страны, в том числе на страны ЦА. Именно с этой целью США в данный момент активно вовлекают страны ЦА в различные проекты, связанные с Афганистаном. Известно, что уже существуют определенные договоренности с Туркменией, а также в качестве активного игрока привлекается Узбекистан.

Не секрет, что проект НШП в середине 2000-х был с энтузиазмом воспринят и в ряде стран постсоветского пространства: Азербайджан, Туркмения, Узбекистан. В настоящее время США и их союзники ставят перед собой цель более глубокого вовлечения стран ЦА и Закавказья в процесс реализации проекта НШП.

Вероятно, это обстоятельство стало одним из аргументов, принимаемым во внимание руководством Узбекистана, недавно принявшим решение о выходе из ОДКБ. Большинство российских и западных комментаторов в один голос заявляют о стремлении Ташкента к сближению с США и НАТО. В свете вывода войск коалиции из Афганистана данное предположение выглядит весьма определенным. Действительно, получить определенную материальную выгоду от содействия в выводе контингента НАТО, а возможно и принять на своей территории военную базу союзников, которая будет не только приносить определенные политические и экономические дивиденды, но и служить фактором сдерживания исламистов, обеспечивая национальную безопасность, – перспектива весьма интересная. Такое объяснение причин выхода из ОДКБ выглядит довольно логично, особенно если посмотреть на динамику развития взаимодействия между США и Узбекистаном в военной сфере в последние месяцы.

Известно, что с 1 февраля 2012 г. Вашингтон снял запрет на импорт военной продукции нелетального назначения. Несмотря на то что данный запрет перестал действовать до 2013 и будет продлеваться каждые 6 месяцев⁵, такой шаг администрации Обамы довольно красноречиво свидетельствует о качественной смене модели двустороннего взаимодействия. Более того, как показывают цифры и факты, динамика сближения двух стран в последние полтора года поступательно набирала обороты. Поворотным пунктом можно было бы считать визит Х. Клинтон в декабре 2010 г., в ходе которого она заявила о ключевой роли Узбекистана для США в регионе и о значительном количестве вопросов для совместного взаимодействия⁶. Дальнейший процесс сближения шел по нарастающей, и постепенно стал включать в себя не только политические заявления и радикальную смену тона в диалоге, но

и все больший объем технической и материальной помощи, которая на 2012 запланирована в размере \$300 тыс⁷. Однако, как представляется, открытые формы сотрудничества сопровождаются активным непубличным переговорным процессом, который включает в себя обсуждение форм и уровней взаимодействия между странами в свете проблемы «Афганистан 2014». Ситуация в регионе диктует США и их союзникам необходимость обеспечения прочных позиций в переходный период, который может затянуться на длительное время, к тому же Узбекистан мог бы сыграть в этом процессе весьма важную роль. Однако же какими будут характер и условия взаимодействия, вероятно, является предметом двусторонних обсуждений, содержание которых пока неизвестно. Тем не менее, реализация Ташкентом экономических проектов в Афганистане вероятно является одним из главных предметов переговоров. На наш взгляд, речь, конечно же, не может идти о передаче части территорий Афганистана под контроль узбеков, однако определенная автономия и посредничество Ташкента между Вашингтоном, частными или государственными инвестиционными компаниями и местными администрациями в Афганистане вполне возможна. Сложность заключается только в том, что в настоящее время сложно найти надежную сторону переговоров с афганской стороны, которая смогла бы гарантировать выполнение будущих договоренностей, после того как коалиционные войска ИСАФ НАТО покинут территорию этой страны. Долгосрочные прогнозы в этом отношении не берутся давать даже самые авторитетные эксперты по региону.

Официальный же Вашингтон пока не торопится раскрывать подробности, ссылаясь на то, что процесс переговоров по широкому ряду проблем находится в начальной стадии и пока рано говорить о каких-то результатах. Представитель Государственного департамента Роберт Блэйк, комментируя мотивы выхода Узбекистана из ОДКБ, довольно уклончиво ответил, что США готовы поддержать своих партнеров в их антитеррористической борьбе, а также оставить на их территории оружие, которое поможет «Центральноазиатским друзьям» в их усилиях по борьбе с терроризмом и поддержанию стабильности⁸. При этом он не стал раскрывать детали данного процесса. Таким образом, сближение между странами идет уже давно, и не исключено, что нынешний контекст переговоров между Ташкентом и Вашингтоном требует от Каримова более действенных шагов, демонстрирующих приверженность выбранной линии по сближению с Западом. Тем более что для принятия у себя на постоянной основе воинских контингентов третьих стран (а именно об этом много говорят в экспертной среде) Ташкент формально должен был заручиться поддержкой союзников, что могло вызвать их негативную реакцию, учитывая сложные отношения с рядом государств ОДКБ.

Важное значение для успешной реализации американского проекта имеет и заинтересованность в нем стран Персидского залива и Китая. По сообщению экспертов Ближневосточной программы Института международных стратегических исследований, Китай уже давно превосходит США по объемам торгового оборота со странами арабского мира. Наличие НШП может только усилить заинтересованность Китая в проникновении на новые рынки. В этой связи многие китайские корпорации с энтузиазмом воспринимают расширение возможностей коммуникации. Страны Персидского залива, экспортирующие энергоресурсы, также видят в НШП открывающиеся возможности экспорта сырья на развивающиеся рынки дальнего Востока. В частности, ОАЭ уже экспортируют в Китай 55% своей нефти, получая прибыль и от финансовых операций. Для сравнения: из нефтяных терминалов ОАЭ 16% направляется в США и лишь 4% – в Европу⁹. Кроме того, финансовые центры ОАЭ постепенно становятся посредниками во всех финансовых операциях стран Залива и Поднебесной. Общий объем ожидаемой прибыли (в том числе в рамках проекта НШП), по оценке руководителя ближневосточного отделения банка HSBC Симона Вильямса, может достичь порядка \$1,5 трлн¹⁰. По нашему мнению, такая заинтересованность стран Залива в реализации своих поставок в страны Дальнего Востока (в первую очередь в Китай) может быть использована США, чтобы усилиями Саудовской Аравии и их союзников обеспечить успешную реализацию проекта в рамках арабского мира. В этих условиях поддержка странами Запада усилий саудитов в изоляции и ослаблении Ирана и Сирии решает, в том числе и задачи, выгодные США. Отчасти этот процесс может косвенно пересекаться с сирийской проблемой, которая объективно препятствует реализации любых экономических проектов в регионе.

Таким образом, проблема реализации НШП как проекта социально-экономического развития Афганистана и укрепления внутренней и внешней безопасности после 2014 года представляется выходящей далеко за пределы этой страны и затрагивает широкий спектр проблем, вовлекая целый ряд стран Центральной Азии, Ближнего и Дальнего Востока. К тому же на пути его реализации встают пересекающиеся интересы политического и религиозного характера, делающие Ближний Восток весьма шатким фундаментом для реализации весьма амбициозных экономических планов США. Однако отказаться от участия стран Ближнего Востока и Персидского залива в реализации инициативы Нового шелкового пути также непросто, поскольку это сразу же понижает его рентабельность и жизнеспособность, сужая рынки сбыта и возможности для привлечения внешних инвестиций. Иными словами, в выбранном направлении США будет недостаточно заручиться поддержкой

лишь некоторых союзников для реализации амбициозных проектов. Необходимо будет привлечь все возможные инструменты, включая и Россию. А без выработки совместных подходов в решении сирийской проблемы Россия, Китай, тем более Иран, могут не захотеть встраиваться в широкую систему экономического взаимодействия, без которой успешная реализация проекта как одного из ключей к стабилизации и сокращению угроз в регионе окажется несостоятельной.

Примечания

- ¹ В последние годы проект чаще упоминается как Стратегия, или Инициатива, Нового шелкового пути.
- ² Clinton's Remarks at the International Conference on Afghanistan, December 2011 Hillary Rodham Clinton December 5, 2011 URL: <http://www.cfr.org/afghanistan/clintons-remarks-international-conference-afghanistan-december-2011/p26687> (дата обращения : 10.10.2013).
- ³ The U. S.'s «New Silk Road» Strategy: What Is It? Where Is It Headed? Forum CSIS September 2011 URL: <http://csis.org/event/uss-new-silk-road-strategy-what-it-where-it-headed> (дата обращения : 10.10.2013).
- ⁴ The Key to Success in Afghanistan A Modern Silk Road Strategy by S. Frederick Starr and Andrew C. Kuchins, Stephen Benson, Elie Krakowski, Johannes Linn, Thomas Sanderson, Washington 2010 URL: <http://csis.org/files/>

publication/100610_key_to_success_in_afghanistan.pdf (дата обращения : 10.10.2013).

- ⁵ Nathan Hodge. U. S. Ends Ban on Aid to Uzbekistan // The Wall Street Journal. February 1. 2012. URL : <http://online.wsj.com/article/SB10001424052970204740904577195320852955792.html>. (дата обращения : 10.10.2013).
- ⁶ Jim Nichol. Uzbekistan : Recent Developments and U. S. Interests // Congressional Research Service Report for Congress August 31, 2011. URL : <http://www.fas.org/sgp/crs/row/RS21238.pdf>. P. 12 (дата обращения : 10.10.2013).
- ⁷ Ibid. P. 13
- ⁸ Central Asia's Role in the Future of Afghanistan by Robert O. Blake, Jr. (Assistant Secretary, Bureau of South and Central Asian Affairs) Remarks at the Conference on U.S and European Policy in Central Asia at the Carnegie Endowment for International Peace Washington, DC, July 12, 2012 URL : <http://www.state.gov/p/sca/rls/rmks/2012/194992.htm#> (дата обращения : 10.10.2013).
- ⁹ China-Gulf Economic Relations by Lee Hudson Teslik June 4. 2008. URL : <http://www.cfr.org/china/china-gulf-economic-relations/p16398> (дата обращения : 10.10.2013).
- ¹⁰ Ben Simpfendorfer. The New Silk Road : The Arab Rediscovery of China. Gulf Roundtable : The New Silk Road, CSIS 21 September. 2009 URL : http://csis.org/files/attachments/090915_Simpfendorfer%20Summary.pdf (дата обращения : 10.10.2013).

УДК 94 (560)

КОНЦЕПЦИЯ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ АХМЕТА ДАВУТОГЛУ

Ю. В. Маврина

Саратовский государственный университет
E-mail: mavrinajv@mail.ru

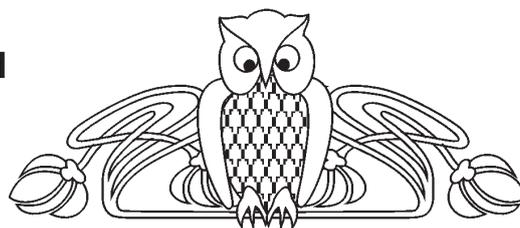
Данная статья посвящена вопросу изменения внешнеполитического курса Турецкой Республики под влиянием концепции Ахмета Давутоглу. В ней анализируются причины, которые привели Турцию к необходимости смены внешнеполитических приоритетов, и перспективы становления Турции в качестве региональной силы. Также рассматриваются принципы, положенные в основу нового внешнеполитического курса, и цели турецкой внешней политики на ближайшие 10–12 лет.

Ключевые слова: Турция, Ахмет Давутоглу, «стратегическая глубина», региональная сила, политика «нулевых проблем» с соседями.

Ahmet Davutoglu's Conception of Turkish Foreign Policy

Y. V. Mavrina

The article focuses on the issue of change of Turkish Republic's foreign policy line under the influence of Ahmet Davutoglu's conception. It examines the reasons which had led Turkey to the necessity of foreign policy priorities' change and prospects of formation of Turkey as regional power. It also presents the principles that form the basis of new foreign policy line and objectives of Turkish foreign policy for the next decade.

Key words: Turkey, Ahmet Davutoglu, «strategic depth», regional power, «zero problem» policy with neighbors.

После окончания холодной войны мир вступил в эпоху глобализации. В условиях глобального мира Турция как государство, играющее роль своеобразного трансквилизационного моста, уже не может, подобно Османской или Византийской империям, являться самодостаточным геополитическим актором. Ее идеологическая ориентация должна заключаться в умелом лавировании между меняющимися интересами глобальных акторов. Геополитическая ориентация современной Турции как центральной контактной зоны Евразии главным образом зависит от степени влияния на нее евразийских и атлантистских сил, пытающихся воспользоваться выгодами ее положения и полностью навязать «евразийскому мосту» свою волю, и от способности Турции сохранить независимость, играя на интересах противоположных сторон. На любой контактной зоне ориентация

только на одну сторону геополитического соперничества сказывается негативно. Так, в годы холодной войны ориентация Турции только на одну сторону глобального конфликта – США превращает Турцию во второстепенную страну НАТО, обрекает на зависимое положение в регионе, конфликт с соседями и, как следствие, политический и экономический коллапс конца 90-х гг. XX в. На рубеже веков Турция вступает в заключительную стадию тяжелого системного кризиса, схожего с современным состоянием многих арабских государств, в которых происходят революции. Светская либерально-националистическая политическая элита страны, ориентированная на США и Европу, окончательно растратила популярность. Экономика разваливалась в прямом смысле: инфляция составляла 50–70% в год, внешний долг вырос до 100 млрд долл. Юго-восток страны оказался охваченным боевыми действиями против курдских националистов, несогласных с концепцией Турецкого национального государства. В обществе нарастали исламские настроения, что обуславливалось как общей тенденцией развития Ближнего Востока, так и сравнительно более высоким уровнем рождаемости в традиционных семьях Турции по сравнению с светскими. В то же время исламские политические институты насильственно не допускались к управлению страной, ограничивалось также их проникновение в экономику и СМИ. Эта ситуация неожиданно для всех разрешилась на выборах в 2002 г., когда все политические тяжеловесы 80–90-х гг. XX в. не смогли преодолеть специально установленного против курдской Демократической Народной партии высокого 10%-ного барьера, и в парламент прошли только две партии. Оппозиционной силой стала воссозданная Народно-Республиканская партия (НРП), предлагавшая опираться на заветы Ататюрка, а правящей – партия Справедливости и Развития (ПСР), идеология которой представляла собой уникальный сплав правого евразийства, умеренного исламского традиционализма и ориентации на США и ЕС¹. Лидер партии Реджеп Эрдоган занял пост премьер-министра Турции, а его ближайший соратник Абдулла Гюль стал министром иностранных дел, а в 2007 г. – президентом страны.

За год до прихода к власти партии Справедливости и Развития в Турции была опубликована книга профессора Стамбульского университета Бейкен Ахмета Давутоглу под названием «Стратегическая глубина: международное положение Турции», в которой автор предложил принципиально новую концепцию внешней политики. В своем исследовании Давутоглу писал: «В начале прошлого века Турция отказалась от своего османского прошлого, закрепив за Турецкой Республикой новый статус нация-государство. В годы холодной войны вопрос культурной идентичности носил формальный характер. Однако геополитические изменения, вызванные окончанием холодной

войны, поставили этот вопрос на повестку дня. Территориальные споры последних десятилетий на Балканах, Кавказе и Турции в основном носят следы исторического наследия. Таким образом, османское наследие Турции накладывает на нее груз геокультурной и геополитической ответственности и требует от нее повторного формирования идентичности турецкого стратегического мышления. Возврат к историческому наследию откроет перед Турцией новые горизонты и возможности и позволит сделать внешнюю политику Турции более конструктивной»².

Эрдоган также считал, что модернизация не исключает возвращения Турции к своим исламским корням и не требует от нее отказа от своей судьбы как ближневосточной державы, даже если это означает пренебрежение возглавляемой США политикой в данном регионе³.

Концепция Давутоглу произвела сильное впечатление на руководство партии Справедливости и Развития. Автор стал советником Эрдогана по внешнеполитическим вопросам, потом послом, которому поручались самые деликатные миссии и, наконец, в 2009 году – министром иностранных дел.

Давутоглу исходил из того, что значение любой страны в мировой политике определяется ее геостратегическим положением и «исторической глубиной». С этой точки зрения Турция практически уникальна – благодаря местоположению на стыке сразу нескольких важнейших регионов и традиции, унаследованной от Османской империи. Последнее особенно существенно, поскольку османы некогда объединяли практически весь мусульманский мир, что потенциально делает сегодняшнюю Турцию «мусульманской сверхдержавой». Обладая комбинацией разных параметров, страна «по определению не может быть периферией, второстепенным членом ЕС, НАТО или просто частью Азии»⁴.

По мнению Давутоглу, вопрос стоит не в достижении стратегической глубины, а в использовании ее для регионального и глобального мира. Это требует от Турции заниматься со странами, с которыми у нее общее прошлое и география таким образом, чтобы способствовать продвижению общих интересов и созданию взаимовыгодных основ для сотрудничества и диалога. Сегодня Турция с ее сильной демократией, динамично развивающейся экономикой и активной внешней политикой имеет больше возможностей извлечь выгоду из своей стратегической глубины⁵.

Главным тезисом автора было утверждение, что внешняя политика Турции несбалансирована. Она имеет сильный крен в сторону отношений с Западной Европой и США и при этом не уделяет внимания интересам Турции в других частях света, особенно на Ближнем Востоке. Начиная с 1923 года Турция уделяла минимум внимания странам, бывшим некогда провинциями Османской империи. А. Давутоглу писал, что пришло

время, когда Турция должна играть в регионе принципиально иную роль⁶.

С точки зрения Давутоглу, Турция – центральная страна, расположенная в сердце Евразии и имеющая множественную идентичность. Этот факт диктует ей многовекторную внешнюю политику, не предусматривающую привилегированных отношений с кем-либо. Таким образом, Турция должна обеспечивать безопасность и стабильность не только себе, но и соседним регионам. Гарантией ее собственной безопасности должна быть более активная, конструктивная роль в обеспечении порядка, стабильности и безопасности на окружающем пространстве. Усиление влияния Турции в собственном «ближнем зарубежье» позволит ей приобрести более прочные позиции по отношению к другим центрам силы и мировым державам.

Итак, цель стратегической доктрины Давутоглу состоит в превращении Турции в одного из важных субъектов международной дипломатии. Важнейшим следствием этих доктринальных изменений стал тот факт, что Турция более не рассматривается как страна на периферии европейской системы или «прифронтовое» государство, прочно привязанное к Западу. По мере того как ориентация на Запад теряет первостепенное значение в системе отношений Турции с другими странами, снижается и необходимость соотносить ее внешнеполитические решения с западными приоритетами. Таким образом, Анкара все больше рассматривает сотрудничество с Соединенными Штатами и Евросоюзом через призму собственных целей в регионе⁷.

А. Давутоглу оставил в стороне прежние стереотипы и представления, будто соседние Турции страны являются источником вражды и конфликта. Освобождение от «груза» прошлого позволило Анкаре перейти к более прагматичной и более гибкой внешней политике⁸.

В интервью турецкому телевизионному каналу NTV министр сообщил о том, что на смену политики, «основанной на кризисах» приходит политика «эффективного разрешения кризисов». По его словам, Турция стремится создать вокруг своих границ обстановку, которая препятствовала бы возникновению новых очагов напряженности. Это основное содержание новой внешнеполитической доктрины страны – политики «нулевых проблем». Миссия «установления порядка» лежит на Турции, – заявил министр, – так как «она значительно превосходит почти всех своих соседей по территории, военной и экономической мощи»⁹.

Во время решительного проведения этой политики Турция никогда не отходит от реализма и не забывает, что концепция «ноль проблем» является идеалом. На самом деле это не вполне реалистично, что все проблемы, которые имеют глубокие корни, могут быть решены в течение короткого периода времени. Тем не менее, тот факт, что некоторые проблемы не могут быть решены быстро – независимо от того, какими сложными

и глубокими они бы не являлись – не умаляет необходимости принятия конструктивных шагов для того, чтобы приложить активные усилия в этом направлении. Даже если проблемы не разрешатся немедленно, могут быть созданы благоприятные условия для их возможного решения в будущем. Исходя из этого понимания, Турция отвергает концепцию замораживания проблем с ее соседями. Напротив, Турция поддерживает цель оказания активных усилий для решения проблем в соответствии с бесприоритетным подходом мирными средствами. Турция считает, что положительные результаты подхода «ноль проблем с соседями» послужат делу укрепления мира сначала в регионе и, в конечном итоге, в глобальном масштабе, подобно кругам на воде, которые создает брошенный в нее камень¹⁰.

Доктрина Давутоглу «ноль проблем с соседями» основывается на простом принципе. Турция хочет свести до нуля проблемы в отношениях с соседними государствами, разрешить свои внутренние проблемы и дальше развивать свою экономику. Если это будет сделано, то тогда эта страна в силу своего особого геополитического положения и своих характеристик как демократия западного типа с преимущественно мусульманским населением, как кандидат для вступления в ЕС и как член НАТО будет играть важную роль в Европе, на Кавказе, в Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Тогда уже ничего в этой части земного шара нельзя будет сделать без участия Турции¹¹.

Заявив пост министра иностранных дел, Давутоглу начал преобразовывать внешнюю политику страны на основе сформулированных им самим 3-х методологических принципов и 5-ти принципов действия.

Первый методологический принцип заключался в идеалистическом подходе к проблемам вместо кризисно-ориентированного отношения, которое доминировало во внешней политике Турции весь период холодной войны.

Например, у Турции есть собственное видение Ближнего Востока. Это видение включает в себя весь регион. Оно не может быть сведено только к борьбе против радикальной курдской сепаратистской группировки, десятилетиями проводящей террористические кампании против Турции, или к попыткам служить противовесом отдельным государствам. Турция может использовать свое уникальное понимание Ближнего Востока и свой дипломатический опыт, чтобы эффективно действовать в этом регионе. Турецкая политика в отношении Ливана, ее попытки быть посредником между Сирией и Израилем и достигнуть разрешения палестинского вопроса, ее конструктивное вовлечение в иранскую ядерную проблему – это все неотъемлемые части турецкого внешнеполитического видения Ближнего Востока.

Второй методологический принцип предполагает проведение последовательной и систе-

матической внешней политики Турции по всему миру. Турецкое видение Ближнего Востока не противоречит турецкому подходу к Центральной Азии, к Африке или Балканам.

Третий методологический принцип содержит принятие нового дискурса и дипломатического стиля, результатом которых является распространение «мягкой силы» в регионе. Оставаясь сильной, могущественной в военном отношении страной, Турция никому не создает угрозы. Приоритетом турецкой политики является социально-экономическое сотрудничество. Для достижения этой цели строятся отношения с соседними государствами на принципах «безопасности для всех», «политического диалога на высоком уровне», «экономической взаимозависимости», а также «культурной гармонии и взаимоуважения».

Исходя из этих трех методологических подходов, ориентирами процесса принятия внешнеполитических решений являются 5 принципов действия.

Первый принцип – это баланс между свободой и безопасностью. Легитимность любого политического режима исходит из его способности обеспечить безопасность и свободу его граждан; эта безопасность не должна достигаться ценой свобод и прав человека в государстве. С 2002 года Турция старается продвигать гражданские свободы без угрозы безопасности. Это амбициозная, но, тем не менее, необходимая цель, особенно после событий 11 сентября, когда под угрозой терроризма общей тенденцией было ограничить свободы во благо безопасности.

Второй принцип базируется на проведении политики «нулевых проблем с соседями». Отношения Турции с ее соседями сегодня все больше идут по пути сотрудничества. Между Турцией и соседними странами существует развивающаяся экономическая взаимозависимость. Турция учредила встречи стратегического комитета на высоком уровне с Ираком, Грецией и Россией. Это совместные встречи кабинета, где подробно обсуждаются двусторонние политические, экономические вопросы и вопрос безопасности. Идет подготовка к учреждению таких встреч с Болгарией, Азербайджаном и Украиной, а также другими соседними странами. Турция отменила визовые требования среди прочих с Таджикистаном, Албанией, Ливаном, Иорданией, Ливией и Россией. Торговля Турции с ее соседями и странами региона существенно выросла в последние годы. В 2009 году был достигнут значительный дипломатический прогресс с Арменией, отношения с которой, тем не менее, остаются наиболее проблематичными в турецкой «соседней» политике.

Третий принцип действия – это проактивная и предвосхищающая мирная дипломатия, целью которой является принятие мер до возникновения кризисной ситуации и ее накалывания до критического уровня. Примеры предкризисной политики Турции включают в себя попытки Турции достичь

примирения между суннитами и шиитами в Ираке, между Израилем и Сирией, между Дарфуром и Самоли, сербо-боснийское примирение на Балканах, диалог между Афганистаном и Пакистаном.

Четвертый принцип – это приверженность многовекторной внешней политике. Отношения Турции с другими мировыми акторами нацелены на то, чтобы дополнять друг друга, а не конкурировать. Такая политика прослеживается в турецких стратегических отношениях с США через двусторонние стратегические связи двух стран и через НАТО. Это включает в себя процесс интеграции в ЕС, проведение скоординированной политики в Евразии, политику добрососедства с Россией и другими странами региона как неотъемлемые части последовательной внешней политики Турции, которые служат дополнением друг к другу. Это значит, что хорошие отношения с соседними странами не являются альтернативой отношениям с ЕС, а партнерство с США не противоречит партнерству с Россией.

Пятый принцип основывается на ритмичной дипломатии, которая стремится обеспечить Турции более активную роль в международных отношениях. Этот принцип подразумевает активное вовлечение все международных организации по всем вопросам мировой и международной важности. Турция здесь выступает как активный участник глобального порядка в культурном, экономическом, политическом смысле. Это страна, имеющая отношения по всему миру, со всеми международными организациями. Сегодня Турция является членом НАТО, кандидатом в члены ЕС, Турция является членом ОИК. Турция создала Совет тюркоязычных государств, она входит в ООН, в G-20, в Альянс цивилизаций и является страной-наблюдателем в АСЕАН, стратегической страной для диалога с Лигой арабских государств, с Советом по сотрудничеству стран Персидского залива, с Африканским союзом. Турция также запустила новые дипломатические инициативы, открыв 15 посольств в Африке и 2 в Латинской Америке, и к тому же она является государством, подписавшим Киотский протокол. Эти достижения показывают новую перспективу Турции, которая основана на продвижении «мягкой силы» и проведении последовательной внешней политики в разных частях мира¹².

Проведение политики «нулевых проблем» позволило в короткие сроки получить положительные результаты. Турции удалось существенно сгладить проблемы в отношениях с соседними странами. Делая упор в межгосударственных отношениях прежде всего на взаимовыгодное экономическое сотрудничество, а также налаживая культурные связи, Турция закрепила за собой статус страны, действующей посредством мягкой силы.

Турецкий премьер-министр Реджеп Эрдоган стал заметной фигурой на мировом политическом поле. Популярность этого политика и уважение

к нему выросли по многим причинам: он был избран и переизбран на свой пост, и даже его оппоненты – несмотря на все свои критические возражения – признают его компетентность и эффективность его правительства. Улучшается как внешнее, так и внутреннее положение Турции: общество консолидируется, меньше стало коррупции, лучше управление и крепче экономика¹³.

О Давутоглу СМИ пишут как о влиятельном политике. В 2010 году он занял седьмое место в составленном журналом *Foreign Policy* рейтинге мировых мыслителей¹⁴, а в 2012 году Давутоглу вошел в сотню самых влиятельных людей планеты по версии журнала *Time*¹⁵.

Благодаря Давутоглу Турция сформулировала внешнеполитическое видение, основанное на более глубоком понимании реалий нового века, так как она действует в соответствии со своей исторической ролью и географическим положением. В этом смысле ориентация Турции на стратегический союз с Западом остается полностью совместимой с участием Турции, среди прочего, в мирном процессе в Ираке, Иране, на Кавказе, Ближнем Востоке и Афганистане¹⁶.

В качестве основы всему Турция рассматривает развитие и укрепление демократии. Второй составляющей является достижение экономической стабильности путем взаимовыгодного сотрудничества. И третьей – проведение активной внешней политики. Ахмет Давутоглу описывает свое видение Турции к 2023 году – празднование столетия Турецкой Республики следующим образом: «Наша роль будет значительно более диверсифицированной. Не только в стратегических вопросах, а как стратегическая страна мы будем более активными в вопросах прав человека, окружающей среды, в социальных вопросах бедности и процветания. Мы хотим, чтобы не было разногласий, была демократия, свободная экономика и дух интеграции вместо великих китайских стен между странами. Мы хотим иметь один интегрированный регион на основе политического диалога, на основе общего понимания общей безопасности, мультикультурализма, многоконфессионального характера общества. Это наше видение на Ближнем Востоке, на Кавказе, на Балканах. Мы хотим добиться этого в ближайшие 10 – 12 лет. Мы надеемся, что этот стратегический пояс стабильности, процветания и безопасности будет создан вокруг Турции. Наша стратегическая цель – демократическая страна с сильной экономической структурой, региональная, европейская и мировая сила»¹⁷.

В настоящий момент заявленная стратегическая цель может выглядеть несколько претенциозной, но следует принять во внимание результаты, которых достигла Турция всего за несколько лет активной региональной политики. Даже если «программа Давутоглу» не будет выполнена полностью, не вызывает сомнения, что при условии сохранения динамики внешнепо-

литической активности Турция способна далеко продвинуться по пути превращения в мировую державу. Серьезным препятствием могут стать экономические и внутривнутриполитические проблемы, однако Турция не единственная страна из состава G-20, сталкивающаяся с подобными трудностями. Несмотря на все «болезни роста», Турция располагает ресурсами, позволяющими ей претендовать на заметную роль на мировой арене. Тем более что наличие четкой стратегии и политической воли у высшего руководства страны является важным фактором для достижения данной цели¹⁸.

В глазах США и стран ЕС Турция становится все более самостоятельным игроком и влиятельной региональной державой. За последнее десятилетие диапазон возможностей и границы свободы действия Анкары явно расширились. При этом вопрос, насколько страна остается в русле прозападной ориентации, встает все острее¹⁹.

Относительно споров по этому поводу А. Давутоглу заявил в своем интервью, опубликованном в американском еженедельном журнале «*Newsweek*» 9 июля 2010 года, что Турция является «частью Запада». Но при этом он отметил, что западные страны совершают большую ошибку, продолжая воспринимать Турецкое государство в рамках своих внешнеполитических целей.

Это говорит о том, что Турция, наконец, откровенно и на высоком уровне в предельно ясной форме заявила, что теперь эта страна не может рассматриваться в качестве объекта влияния со стороны западных стран, особенно США. Глава турецкого внешнеполитического ведомства упрекнул западные страны за их «ограниченную логику». По его мнению, Турция уже не та страна, которую можно использовать в целях реализации своих стратегических задач, а государство со своими собственными внешнеполитическими амбициями, действия которого направлены не против и не в интересах отдельной страны или даже группы стран, где преследуют, прежде всего, свои национальные интересы²⁰.

Турция пытается заявить о себе как о «влиятельной региональной сверхсиле» и уже не позволяет рассматривать себя в качестве «второсортного союзника». По мнению А. Давутоглу, это становится возможным благодаря поэтапному превращению Турции в страну, в последнее время принимающую все более активное участие в европейских делах путем выработанной турецкими властями адекватной внешнеполитической стратегии²¹.

Очевидно, что Анкара уже не хочет быть просто фланговой страной, что было характерно для времен холодной войны. Она однозначно стремится стать центром Евразии, который способен определять развитие региона. Не исключено, что в тактическом смысле это соответствует и интересам Запада. Там разделяют мнение, что после войны в Ираке Турция занимает центральное место в мире новых геополитических и стратеги-

ческих конфигураций. Однако больше всего они видят в ней посредника между цивилизациями. Модернизация по западному образцу, демократическая и светская система позволяют Турецкому государству стать чрезвычайно важным образцом для многих стран так называемого Большого Ближнего Востока, который географически охватывает страны от Марокко в Северной Африке до Пакистана в Южной Азии²².

В настоящее время Турция, географическое положение и исторические связи которой позволяют ей играть роль связующего звена не только между Востоком и Западом, но и между Севером и Югом, стремится к превращению в державу, способную устанавливать региональный порядок, и в значимую величину на международной политической сцене, участвующую в формировании мирового порядка.

Современная Турция находится в переходном состоянии, когда она уже не является просто сателлитом Запада, но еще не превратилась в региональную сверхдержаву. Она больше не ограничивается ролью, которую играла во время холодной войны, будучи всего лишь частью НАТО, но пока не выстроила базис для зрелой региональной политики. Турция не в состоянии сегодня играть роль гегемона, формирующего региональную картину, и в то же время не может игнорировать протекающих процессов. На сегодняшний день Турция не формирует регионального баланса сил, как должна поступать зрелая региональная сила, но, скорее, создает турецкий баланс сил, балансируя между подчинением США и самостоятельной политикой²³.

Тем не менее, очевидным является тот факт, что Турция активна во всех направлениях и здесь, с некоторой осторожностью, можно сказать, что западное уже не является столь очевидно приоритетным. Турция все больше уделяет внимание восточному направлению, обозначив свои интересы в Кавказско-Каспийском и Ближневосточном регионах. Турция ведет многоплановую политику²⁴.

Не вызывает сомнений, что, несмотря на определенные издержки, активная внешняя политика, распространяющаяся на различные регионы, является ступенью на пути к новой ипостаси Турецкой Республики на мировой арене, по которому Анкара последовательно и целеустремленно продвигается²⁵.

В заключение можно сделать вывод, что, преобразовав внешнеполитический курс страны на основе своей концепции, Давутоглу смог опровергнуть мнение многих аналитиков, считавших, что с окончанием холодной войны Турция неминуемо превратится из фланговой страны НАТО в периферийную. Последовательная сбалансированная политика, согласованно проводимая премьер-министром Турции Эрдоганом, президентом Гюлем и министром иностранных дел Давутоглу, напротив превращает Турцию в ключевую страну региона и делает невозможным игнорирование ее участия в международных процессах.

Примечание

- 1 *Сотниченко А. А.* Турция : геополитическая ось Евразии // Геополитика. Вып. IX. М., 2011. С. 6.
- 2 *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik, Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul, Küre Yayınları, 2001. P. 20.
- 3 *Shlomo Ben-Ami.* Turkey's Rise and the Decline of Pan-Arabism. URL : <http://www.project-syndicate.org/commentary/turkey-s-rise-and-the-decline-of-pan-arabism> (дата обращения : 05.09.2013).
- 4 *Лукьянов Ф. А.* Стратегическая бездна. URL : <http://www.globalaffairs.ru/redcol/Strategicheskaya-bezdna-15706> (дата обращения : 12.09.2013).
- 5 Interview by Mr. Ahmet Davutoğlu published in AUC Cairo Review (Egypt) on 12 March 2012. URL: http://www.mfa.gov.tr/interview-by-mr_-ahmet-davuto%99Flu-published-in-auc-cairo-review_-egypt_-on-12-march-2012.en.mfa (дата обращения : 18.06.2013).
- 6 *Бахревский Е.* Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство. URL : <http://www.regnum.ru/news/1467970.html#ixzz1dxtHQJS6> (дата обращения : 28.07.2013).
- 7 *Ульген С.* Место под солнцем или пятнадцать минут славы? Новый внешнеполитический курс Турции // Моск. центр Карнеги. М., 2011. С. 11.
- 8 *Aras B.* Davutoğlu Era in Turkish Foreign Policy. URL : http://www.todayszaman.com/newsDetail_getNewsById.action;jsessionid=2CCA78E22091DBB020EF8B15951424EC?newsId=179504 (дата обращения : 14.04.2013).
- 9 Глава МИД Турции о перспективах открытия турецко-армянской границы. URL : http://www.turtsia.ru/Comment/15035-Глава+МИД+Турции+о+перспективах+открытия+турецко_армянской+границы (дата обращения : 21.08.2013).
- 10 Policy of Zero Problems with our Neighbors. URL : <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (дата обращения : 15.12.2012).
- 11 Свежий ветер по всем направлениям. URL : <http://www.inosmi.ru/europe/20100111/157482757.html> (дата обращения : 17.03.2013).
- 12 *Davutoğlu A.* Turkey's Zero-Problems Foreign Policy. URL : http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy (дата обращения : 07.04.2011).
- 13 *Рамадан Т.* Мир увидел Восток. URL : <http://wordyou.ru/v-islame/mir-uvitel-vostok.html> (дата обращения : 26.07.2013).
- 14 The FP Top 100 Global Thinkers. URL : http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/11/29/the_fp_top_100_global_thinkers?page=0,6 (дата обращения : 19.08.2011).
- 15 2012 Time 100 : The Most Influential People in the World. URL : http://www.content.time.com/time/specials/packages/article/0,28804,2111975_2111976,00.html (дата обращения : 26.05.2013).
- 16 *Davutoğlu A.* Turkey's Zero-Problems Foreign Policy. URL : http://www.foreignpolicy.com/articles/2010/05/20/turkeys_zero_problems_foreign_policy (дата обращения : 07.04.2011).
- 17 *Davutoğlu A.* Speech entitled «Vision 2023: Turkey's

- Foreign Policy Objectives» URL : http://www.mfa.gov.tr/speech-entitled-_vision-2023_-turkey_s-foreign-policy-objectives_-_delivered-by-h_e_-ahmet-davutoglu_-minister-of-foreign-af.en.mfa (дата обращения : 03.02.2013).
- ¹⁸ Свистунова И. А. Внешняя политика Турецкой Республики в 2010 году. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/24-01-10.htm> (дата обращения : 18.11.2011).
- ¹⁹ Шлыков П. В. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны». URL : http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/blizhnvestochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения : 24.02.2013).
- ²⁰ Гаджиев А. К вопросу о глобальных внешнеполитических амбициях Турции. URL : <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/31-05-10a.htm> (дата обращения : 26.10.2011).
- ²¹ Мамедов-Паишбаеви Ф. Турецкая дипломатия в дей-
- ствии. URL : <http://www.archive.n.zerkalo.az/2010-07-24/world/11362p3-tursiya-erdogan-davutoglu> (дата обращения : 17.09.2011).
- ²² Пастухов Е. Проблемы общественно-политической модернизации Турции и ее влияние на внешнюю политику страны. URL : <http://iwep.kz/index.php?newsid=242> (дата обращения : 04.06.2013).
- ²³ Арзуманян Р. Кавказ и проблема арцахского урегулирования в системе глобальной безопасности. URL : <http://theanalyticon.com/?p=1957&lang=ru> (дата обращения : 05.09.2013).
- ²⁴ Кахриманов Д. Стратегические глубины Турции и Россия. URL : <http://www.ansar.ru/analytics/2011/04/18/14282> (дата обращения : 14.11.2012).
- ²⁵ Свистунова И. Обсуждение итогов внешней политики Турции в 2010 году. URL : <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/30-12-10.htm> (дата обращения : 05.04.2013).

УДК 94 (861+87) |20|

«ГОРЯЧАЯ ТОЧКА» АНДСКОГО РЕГИОНА: КОЛУМБИЯ И ВЕНЕСУЭЛА В НАЧАЛЕ XXI СТОЛЕТИЯ

Д. В. Петрыкина

Саратовский государственный университет
E-mail: dariadecember@mail.ru

В статье рассматриваются причины резкого обострения в отношениях между Колумбией и Венесуэлой на современном этапе. Особое внимание автор уделяет позиции и роли США в развитии данной конфликтной ситуации.

Ключевые слова: Андский регион, колумбийско-венесуэльские отношения, США, наркобизнес, Чавес, герилья.

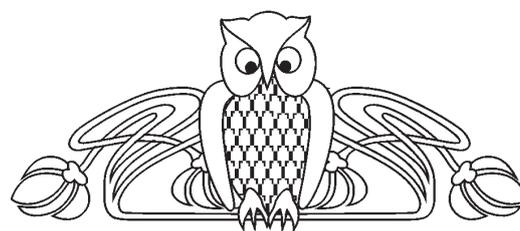
The «Trouble Spot» of the Andean Region: Colombia and Venezuela at the Beginning of the XXI-st Century

D. V. Petrykina

The article considers the reasons of modern Colombia–Venezuela tension. The special attention of the author is focused on the position and the role of the United States in the development of the conflict situation.

Key words: Andean region, Colombia-Venezuela relations, USA, drug business, Chavez, guerrilla.

В последние годы новостные сайты крупнейших информационных агентств мира переполнены сообщениями о конфликте Колумбии и Венесуэлы. Разрывы дипломатических отношений, громкие взаимные обвинения и даже случаи мобилизации вооруженных сил по обе стороны границы едва не привели к открытому силовому столкновению. Обострению противостояния в немалой степени способствовали колоритные лидеры двух латиноамериканских стран – Уго Чавес (1998) и Альваро Урибе Велес (2002–2010). Лишь приход к власти Хуана Мануэля Сантоса в

Колумбии (2010) и смягчение внешнеполитического курса внезапно заболевшего венесуэльского вождя обозначили стремление к умиротворению ситуации в этом беспокойном регионе.

Два столетия тому назад Колумбия и Венесуэла являлись территорией большого и единого государства¹. К началу XXI в. их разделяли не только граница, но и множество противоречий, среди которых наибольшую остроту приобрела тема незаконного оборота наркотиков. Возникновение этой специфической проблемы, несомненно, связано с низким уровнем социально-экономического развития упомянутых стран, а также с активизацией деятельности наркомафии и тесно связанных с ней партизанских формирований в Андском регионе Южной Америки. В итоге Колумбия, Перу и Боливия превратились в основных производителей кокаина, а территория соседних стран – Венесуэлы, Гватемалы, Гондураса, Никарагуа, Сальвадора, Коста-Рики, Панамы и даже Мексики – в зону наркотрафика².

Бурному развитию наркобизнеса в Андском регионе в немалой степени способствуют благоприятные климатические условия. Они позволяют не только выращивать и собирать обильные урожаи коки, но и обеспечивают возможность скрытой переброски готовых наркотиков, поскольку в условиях тропического леса и сложного рельефа местности осуществлять надежный пограничный контроль крайне сложно. В конечном итоге, пальму первенства в организации преступного бизнеса сумели захватить наркокартели Колумбии, превратившие свою страну в главного регионального

производителя кокаина. Именно это государство стало очагом повышенной наркоугрозы для всей Латинской Америки.

Дополнительным источником нестабильности, исходящей со стороны Колумбии, стал фактор внутривластной анархии. На её территории были сформированы вооруженные группировки различной политической ориентации, которые безбедно существовали за счет перепродажи кокаина³. Именно эти силы развязали в стране кровопролитную гражданскую войну. Они же способствовали дальнейшему наращиванию производства и оборота наркотиков, что привело к появлению в Колумбии мощных наркокартелей и к окончательной дестабилизации всего Андского региона.

В конце XX столетия кризисные события охватили и другие страны Латинской Америки. Они нашли отражение в многочисленных леворадикальных переворотах⁴. Казалось, их последними всплесками были события кастровской (Куба) и сандинистской (Никарагуа) революций. Однако в начале XXI столетия тяготение местных политических движений к левому радикализму и авторитаризму было подкреплено новыми «победами». Наиболее яркой и знаковой фигурой в цепи отмеченных событий стал венесуэльский президент Уго Чавес, впервые избранный на этот пост в 1998 г. В этом же ряду – приход к власти Даниэля Ортеги в Никарагуа, Эво Моралеса в Боливии, Рафаэля Корреа в Эквадоре. Следует подчеркнуть: латиноамериканский феномен возрождения радикальных идей базируется на маргинализации народных масс по итогам провала неолиберальных реформ. Деятельность региональных диктаторов, как правило, сопровождается шумной риторикой и масштабным переустройством общественной жизни. Так, приход к власти У. Чавеса в Венесуэле обозначил начало кардинальных преобразований в политической и социально-экономической сферах. В области внешней политики венесуэльский лидер занял антиамериканские позиции, что позволило ему заручиться поддержкой глав соседних государств. Несмотря на то что в венесуэльском продвижении «к социализму» было немало проблем, зримые результаты, особенно в развитии нефтедобывающей промышленности и милитаризации общества, были достигнуты. Не меньшую популярность Чавесу принесли социальные проекты. В отличие от Колумбии, где образование является платным и, фактически, недостижимым для основной массы населения, в Венесуэле оно стало доступным и бесплатным⁵.

Несмотря на обилие внутренних и внешних проблем, характеризующих развитие Колумбии на современном этапе, её главным отличием от Венесуэлы является ориентация в сторону развития демократических форм правления. В течение всего XX столетия здесь доминировали консервативная и либеральная партии, что обеспечило соблюдение принципа сменяемости власти. Принятая в Ко-

лумбии в 1991 г. Конституция подтвердила стремление граждан оградить страну от диктаторских притязаний. Согласно требованиям Основного закона президент имел право избираться на свой высокий пост один раз сроком на четыре года⁶. К сожалению, последствия длительной гражданской войны и существование на территории Колумбии мощных мафиозных и повстанческих группировок перечеркивают стремление её народа к мирному развитию. Нестабильная ситуация сложилась также в области внешнеполитических отношений Колумбии. Вооруженные силы этой страны, преследуя партизанские формирования, нередко нарушают границы соседних стран, главным образом Эквадора и Венесуэлы. Ситуация осложняется тем, что Колумбия – давний союзник США. Следует напомнить в этой связи, что президент Джон Фитцджеральд Кеннеди (1961–1963), опасаясь распространения кубинской революции на другие страны Латинской Америки, сделал Боготу одним из основных получателей американской финансовой и военной помощи. Данные мероприятия осуществлялись в рамках проводимой правительством США программы «Союз ради прогресса»⁷.

Значительным фактором эскалации напряженности в регионе является также стратегия США, в осуществлении которой центральное место отводится борьбе с наркотиками. Одновременный приход к власти в Венесуэле У. Чавеса и усиление американских позиций в Колумбии в рамках принятого администрацией Б. Клинтона «Плана Колумбия» (1999) только усилили противоречия в этой точке земного шара. Действия США, направленные в сторону распространения институтов демократии и борьбы с наркобизнесом, вызывали дополнительную обеспокоенность латиноамериканских лидеров, увидевших в них реальную угрозу собственным интересам. В частности, У. Чавес, отмечая военное присутствие США на границах своей страны, не без оснований заявил: «Будет весьма опасно, если эта операция вызовет военную эскалацию и вьетнамизирует регион Амазонии»⁸. При этом и сам президент Венесуэлы сделал немало для реализации предсказанных осложнений. По мнению экспертов, угроза военного столкновения на колумбийской границе стала демонстративно использоваться Каракасом в собственных целях, в частности, для отвлечения внимания венесуэльцев от внутренних неурядиц. А образ внешнего врага оказался дополнительным поводом для закупки иностранного оружия. В период 2005–2009 гг. только в России правительство У. Чавеса приобрело вооружений (истребители, бронетехника, стрелковое оружие, системы залпового огня) на сумму более 4 млрд долларов⁹.

Между тем, отношения Колумбии и Венесуэлы продолжали ухудшаться. Этому способствовали взаимные обвинения в тайных связях с повстанческими формированиями. Политики

подозревали друг друга в попытках дестабилизировать обстановку путем поддержки сепаратистов. Президент Колумбии Альваро Урибе Велес при активной поддержке США прямо обвинил Чавеса в связях и в оказании помощи военизированной леворадикальной колумбийской группировкам. Оснований для таких демаршей было предостаточно. Президент Венесуэлы У. Чавес как идеолог и практик боливарианская революции, действительно, пользовался при жизни значительным авторитетом среди колумбийских партизан-марксистов¹⁰. Во всяком случае, это люди одной идеологии и политических традиций. Президент Венесуэлы неоднократно выступал в качестве посредника в переговорах между леворадикальной группировкой FARC (ФАРК)¹¹ и правительством Колумбии. При его непосредственном участии проводились спецоперации по освобождению заложников, захваченных колумбийскими революционерами. Одна из них – переговоры по освобождению кандидата на пост президента Колумбии, гражданки Франции Ингрид Бетанкур, находившейся в плену в течение 2002–2008 гг.¹² Межгосударственные противоречия осложнил также отказ лидера Венесуэлы причислить леворадикальные группировки Колумбии FARC¹³ и ЭЛН¹⁴ к террористическим организациям после событий 11 сентября 2001 г. в США. Кроме того, недавно опубликованные WikiLeaks документы свидетельствуют о таком немаловажном факторе, как личная неприязнь между лидерами соседних стран¹⁵.

Безусловно, в разжигании пожара регионального конфликта нельзя винить только леворадикалов Колумбии и Чавеса. Известно, что контакты с парамилитарес, праворадикальными военизированными формированиями Колумбии, поддерживает, например, правительство США. Стремление Вашингтона свергнуть режим У. Чавеса и получить контроль над нефтедобывающей страной подкрепляется финансированием и сотрудничеством с отрядами боевиков венесуэльского штата Сулия, который граничит с Колумбией¹⁶. В перечне задач наёмников – разжигание недовольства местного населения, компрометация власти и разжигание сепаратистских настроений. Итоги такой политики налицо: губернатор штата Пабло Перес, представитель оппозиции, получил обвинение в помощи военизированным антиправительственным формированиям¹⁷. Это обстоятельство раскрывает подлинную суть стратегии США в наиболее взрывоопасном регионе Латинской Америки. Современная Венесуэла – основной региональный экспортер нефти. По этой причине для США крайне важно, чтобы у власти в этой богатой и «товароёмкой» стране находился лояльный, а лучше – подконтрольный режим. Понятно, что антиамериканская политика Чавеса не вписывается в стратегические планы Вашингтона. Раздражают США и дружеские отношения Венесуэлы с Кубой, Ираном. Наконец, Каракас

фактически заблокировал антинаркотическую программу США. «Венесуэла, – утверждал бывший американский посол в Венесуэле Дадди, – не сотрудничает с США по борьбе с наркотиками, за исключением минимального уровня»¹⁸. Комплекс противоречий, сложившихся в регионе Южной Америки, сделал ситуацию предельно взрывоопасной. Наличие в региональной расстановке сил интересов правительства США сделало всех прочих участников этих событий простыми заложниками обстоятельств.

Пик кризиса в отношениях между Колумбией и Венесуэлой пришелся на президентство А. Урибе, сменившего на этом посту А. Пастрана (1998–2002). Новый президент, в отличие от своего предшественника, сторонника мирного урегулирования конфликта, провозгласил политику «демократической безопасности». В соответствии с ней А. Урибе отдал распоряжение о начале мощного силового наступления на леворадикальные повстанческие формирования, амнистировав при этом радикалов правого толка – парамилитарес. При активной поддержке США, вслед за которыми FARC и ЭЛН были причислены к террористическим организациям, колумбийскому правительству удалось достичь значительных результатов и вытеснить повстанцев на границы с Венесуэлой и Эквадором. Военные операции колумбийского спецназа сопровождались громкими скандалами. Так, 1 марта 2008 г. эти подразделения вторглись на территорию Эквадора, где находилась база FARC и лидер группировки Рауль Райс. Операция по уничтожению боевиков была проведена молниеносно, однако едва не стала причиной войны. Президент Эквадора при активной поддержке У. Чавеса обвинил Колумбию в нарушении границы государства и разорвал дипломатические отношения с Боготой. Со своей стороны президент Колумбии, ссылаясь на документы, найденные у повстанцев, обвинил венесуэльского и эквадорского президентов в поддержке FARC¹⁹.

В последующие годы межгосударственный конфликт получил весьма неожиданное продолжение, втянув в свою орбиту Великобританию. Как известно, судебные инстанции этой страны летом 2012 г. приняли решение об экстрадиции из Лондона основателя WikiLeaks Джулиана Ассанжа, который прославился в качестве разоблачителя тайных внешнеполитических операций США. Воспользовавшись конфликтом между латиноамериканскими государствами, в который были вовлечены американцы, Ассанж решил скрыться от британских властей именно в эквадорском посольстве. Расчёт оказался верным. Президент Эквадора удовлетворил просьбу мятежного журналиста о предоставлении ему политического убежища²⁰.

Следует подчеркнуть, что деятельность главы WikiLeaks высветила подробности не только американской политики, но и специфику колумбийско-венесуэльских отношений²¹. Один из

таких документов был опубликован в испанской газете «Эль Паис». Он описывает неофициальную встречу президента А. Урибе с американскими конгрессменами, которая состоялась 28 ноября 2007 г. В ходе секретного randevу колумбийский президент коснулся темы результатов выполнения «Плана Колумбия», подчеркнув при этом важность американской помощи. Затронул он также взаимоотношения с Венесуэлой. Однако основной темой беседы стали отношения с У. Чавесом. Дело в том, что А. Урибе был вынужден отказаться от услуг венесуэльского лидера в ведении переговоров с FARC по вопросу освобождения заложников, среди которых была Бетанкур. В ответ на это президент Венесуэлы заморозил дипломатические отношения. Эти события происходили в конце ноября 2007 г., то есть накануне встречи Урибе с американскими политиками²². По версии колумбийского лидера, отношения испортились по вине У. Чавеса, который якобы вынашивал планы экспорта «нового социализма» в соседние страны. Исходя из этого, Урибе приравнивал угрозу, исходящую от венесуэльского президента, к действиям А. Гитлера. Несмотря на это, он пошел на сотрудничество с Чавесом, поддавшись уговорам семей заложников. Президент Колумбии признавал также, что только венесуэльский лидер пользуется необходимым авторитетом у FARC. Однако впоследствии А. Урибе увидел ряд нарушений в достигнутых договоренностях. Так, президент Венесуэлы решил лично встретиться с лидером повстанческой группировки М. Маруландой. Заручившись неофициальным согласием колумбийского правительства, он неожиданно объявил об этом публично во время своего визита в Париж. После того как У. Чавес лично связался с колумбийским генералом М. Монтойя, нарушив иерархию контактов, президент А. Урибе решил окончательно отказаться от услуг непредсказуемого союзника²³.

В ноябре 2009 г. разразился очередной скандал, приведший к новому витку осложнений в колумбийско-венесуэльских отношениях. Поводом стало подписание военного соглашения о сотрудничестве между США и Колумбией в области борьбы с наркотерроризмом. Согласно этому документу, для более эффективных совместных действий в противостоянии террористическим группам власти США получали право использовать семь военных баз на территории Колумбии. Данное решение вызвало бурную реакцию как внутри страны, так и за ее пределами. Наиболее резко отреагировали на усиление позиций США президенты Э. Моралес и У. Чавес. Венесуэльский президент направил к границе с Колумбией дополнительные войска и рекомендовал гражданам своей страны готовиться к войне. В самой Колумбии по поводу подписанного соглашения неудовольствие высказал также Конституционный суд. На основании его запроса генеральный прокурор был вынужден заявить, что подписанное

соглашение требует серьезных изменений и не может в существующем виде рассматриваться в парламенте для утверждения. Более того, Коллегия колумбийских юристов подала иск, согласно которому договор между Б. Обамой и А. Урибе носит неконституционный характер, что в итоге и было признано²⁴. Свое отношение к происходящему высказал также кубинский лидер Ф. Кастро, заявивший, что это соглашение «равнозначно аннексии Колумбии»²⁵.

Летом 2010 г. Колумбия и Венесуэла вновь оказались на пороге войны. У. Чавес разорвал дипломатические отношения с соседним государством на две недели, после того как Колумбия публично обвинила Венесуэлу в укрывательстве повстанцев. В средствах массовой информации утверждалось, что стороны как никогда близки к вооруженному столкновению. Однако среди политиков и экспертов не менее популярной была иная точка зрения, согласно которой война была маловероятна. В частности, об этом заявил Ф. Кастро в интервью венесуэльским журналистам «Нет ни малейшей возможности того, – утверждал многоопытный команданте, – что Колумбия нападет на Венесуэлу. Во-первых, это ее не интересует; во-вторых, Колумбия этого сделать не в состоянии; в-третьих, Колумбия этого не хочет; и, в-четвертых, Колумбия понимает, что последствия будут катастрофическими»²⁶.

В целом, частые «военные тревоги» сказались на экономиках обеих стран крайне неблагоприятно. Товарооборот между ними за 2008–2010 гг. снизился с 7 до 2 млрд долларов²⁷. При этом предприимчивые дельцы активно использовали незаконные методы для обогащения. К примеру, колумбийские владельцы автозаправочных станций из-за огромной разницы в стоимости бензина (в 2012 г. – 0,0132 долл. за литр против 1,32²⁸) покупали его в Венесуэле. Чтобы пресечь контрабанду топлива, эта страна была вынуждена продавать Колумбии бензин по сниженной стоимости. Правда, убытки от таких «делок» Венесуэла пыталась при У. Чавесе компенсировать закупками дешевого природного газа в Колумбии.

Состоявшаяся в августе 2010 г. смена руководства в Колумбии понизила накал страстей в ее отношениях с Венесуэлой. После отказа Конституционного суда разрешить президенту переизбираться на третий президентский срок, политик принял решение о преемнике. Выбор пал на Хуана Мануэля Сантоса, занимавшего при А. Урибе пост министра национальной обороны. Кроме того, этот политик являлся представителем одной из самых известных и влиятельных колумбийских семей, а его двоюродный брат даже занимал пост вице-президента в администрации А. Урибе. Впрочем, преувеличивать его вес в политике никто не собирался. По словам отечественного специалиста З. Ивановского, «ситуация складывалась таким образом, что любому кандидату, предложенному Урибе, был гарантирован успех»²⁹.

Став президентом, Х. Сантос быстро доказал, что не собирается находиться в тени А. Урибе. Пожалуй, наиболее точно состоявшийся «поворот» в Колумбии объяснил бывший министр иностранных дел Мексики Х. Кастанеда (2000–2003). По его мнению, «хотя Сантос и был министром обороны Урибе, и его преемником, отношения между ними испортились». Суть конфликта заключалась в том, что «Урибе думал, будто Сантос как президент будет выполнять его приказы, а Сантос был убежден, что его (высокая, но снижающаяся) популярность собственных решений не является наследием Урибе»³⁰. Отмеченное расхождение позиций свидетельствует также о существовании серьезных противоречий в рядах местной политической элиты. Тем временем экс-президент А. Урибе активно критикует действующего президента за мирные переговоры с леворадикальными группировками и за восстановление отношений с Венесуэлой.

С приходом во власть Х. Сантоса наиболее серьезные изменения произошли во внешней политике Боготы. Уже 11 августа 2010 г., после личной встречи Сантоса и Чавеса, было объявлено о позитивном решении этого вопроса. В последующие месяцы дружеский тон в отношениях двух стран неукоснительно сохранялся. Лидерам удалось быстро договориться о совместных действиях в борьбе с незаконным оборотом наркотиков. Венесуэльский президент согласился также выступить в качестве посредника в начавшихся мирных переговорах между колумбийским правительством и FARC, впоследствии прошедших в Норвегии и на Кубе. Как сообщил журналистам брат колумбийского президента, первоначально партизаны настаивали, чтобы переговоры проходили на территории Колумбии или в Венесуэле. Правительству с большим трудом удалось настоять на «кубинском варианте»³¹. Кроме того, У. Чавес осуществил некоторые примирительные действия, о которых раньше не могло быть и речи. Среди них арест на территории Венесуэлы и последующая экстрадиция (при участии агентов ЦРУ и МИ-6) влиятельных колумбийских наркобаронов. Одновременно лидер Венесуэлы заметно пересмотрел свои отношения с FARC. Как отметила в этой связи влиятельная BBC, «президент Венесуэлы рассматривал ФАРК в качестве стратегического партнера на случай внешней агрессии, например, со стороны США... Чавес не возражал против использования колумбийскими боевиками территории Венесуэлы, но изменил свое отношение к этому вопросу, как только это стало ему невыгодно»³².

Восстанавливая утраченные ранее связи, правительства Колумбии и Венесуэлы приступили к активному сотрудничеству в различных сферах. Так, в ноябре 2011 г. заинтересованные стороны подписали соглашение о строительстве нефтепровода, который должен обеспечить поставки венесуэльской нефти через территорию

Колумбии на берега Тихого океана. Данный проект в качестве альтернативы Панамскому каналу должен был значительно укоротить нефтетрафик в Китай, а также в другие бурно развивающиеся страны Юго-Восточной Азии, тем самым существенно снизив зависимость Венесуэлы от сбыта нефтепродуктов на североамериканском рынке³³. В качестве акта доброй воли Венесуэла даже согласилась компенсировать ущерб колумбийским экспортерам из-за одностороннего разрыва дипломатических отношений в июле-августе 2010 г. При этом сумма восполняемых убытков должна составить 200 млн долларов. «Мы хотим здоровых торговых связей, прозрачных, насколько это возможно, с постоянством, которое позволит говорить о непрерывном восстановлении отношений», – отметил тогдашний министр иностранных дел Венесуэлы Николас Мадуро³⁴.

Однако потепление отношений между Каракасом и Боготой было недолгим. После смерти У. Чавеса и нелегкой победы Н. Мадуро на президентских выборах, в апреле 2013 г., кризисные ситуации в диалоге двух стран по-прежнему не редкость. И вновь в эпицентре конфликта реакция Венесуэлы на усиление американских позиций в Колумбии. Один из таких эпизодов – визит в Боготу вице-президента США Дж. Байдена, состоявшийся в мае 2013 г. По его итогам президент Колумбии публично заявил о скором подписании соглашения о расширении сотрудничества своей страны с НАТО. Уже 25 июня договор, весьма негативно встреченный в регионе, был заключен³⁵. Несколько ранее Конгресс США ратифицировал также договор о вступлении Колумбии в зону свободной торговли, подписанный в период президентства Дж. Буша-младшего и А. Урибе (2006).

Недавние события вновь поставили под угрозу сотрудничество Боготы и Каракаса. В адрес колумбийского правительства и лично экс-президента А. Урибе из венесуэльской столицы прозвучали обвинения в попытке организовать убийство преемника У. Чавеса, президента Н. Мадуро³⁶. В качестве доказательства сторонники венесуэльского президента использовали факт встречи колумбийского президента Сантоса с лидером венесуэльской оппозиции Э. Каприлесом, не желающим признавать победу Мадуро³⁷.

Предпринятые попытки осторожного сближения, разумеется, не решили всех проблем колумбийско-венесуэльских отношений. Президентские выборы в США (2012) и победа Б. Обамы позволяют говорить о сохранении основных направлений латиноамериканской стратегии этого государства. Болезнь и угасание У. Чавеса выдвинули на авансцену политического курса Венесуэлы относительно «умеренного» Н. Мадуро. Однако в «демократической» Колумбии напряженность по-прежнему сохраняется. Экс-президент А. Урибе всё ещё пользуется популярностью в местных силовых структурах и не намерен сдавать политических

позиций. Эксперты выдвинули предположение, что бывший президент сможет стать основным соперником для всех кандидатов на пост президента Колумбии на выборах 2014 г. Так, осенью 2012 г. вышла в свет англоязычная версия мемуаров А. Урибе, которая немедленно привлекла внимание американской прессы. В авторитетной «The Wall Street Journal» появилась рецензия на книгу под характерным названием «Человек, который спас Колумбию»³⁸. Автор статьи восхваляет А. Урибе и ставит его в один ряд с такими политическими лидерами, сумевшими противостоять событиям и «направить ход истории»³⁹, как У. Черчилль и Г. Коль.

Осознавая степень опасности, которая исходит от бывшего патрона, остающегося политическим тяжеловесом, Х. Сантос и его сторонники ведут целенаправленную политику по замене людей А. Урибе на ведущих государственных постах в Колумбии. Несмотря на эти действия, исход политического противостояния и переизбрание нынешнего президента на второй срок во многом будет зависеть от переговорного процесса с FARC. Если ход мирных переговоров будет сорван, либо заморожен, Сантос рискует повторить судьбу президента А. Пастраны (1998–2002), чья политическая карьера была перечеркнута трагедией колумбийской гражданской войны.

Отношения Колумбии и Венесуэлы в начале XXI столетия переживают серьезный кризис. Однако на пути жесткого противостояния всегда находилось пространство для позитивного сотрудничества. Учитывая степень социально-экономического и политического развития двух стран, а также его специфику, можно предположить, что их осложненные контакты в будущем не претерпят кардинальных изменений. Существенное влияние на колумбийско-венесуэльские отношения, безусловно, окажет и региональный лидер – США.

Примечания

- 1 В период 1819–1831 гг. их земли входили в состав Великой Колумбии, добившейся независимости от Испании под предводительством легендарного Симона Боливара.
- 2 См.: Всемирный доклад по наркотикам. 2010 г. Нью-Йорк, 2010. С. 84. URL : <http://www.unodc.org> (дата обращения: 28.12.2012).
- 3 См. подробнее: Чумакова М. Л. Колумбийская драма : разлом общества, эскалация террора, поиски мира. М., 2002.
- 4 См.: Дабагян Э. «Левый поворот» Латинской Америки // Свободная мысль. 2008. № 2. URL : <http://pravo33.files.wordpress.com> (дата обращения: 28.12.2012).
- 5 Ивановский З. В. Венесуэла : от представительной демократии к «социализму XXI века» // Свободная мысль. 2012. № 7–8. URL : <http://www.intelros.ru> (дата обращения: 07.12.2012).
- 6 Колумбийский президент А. Урибе, внося поправку в действующую Конституцию, в 2006 г. сумел переизбраться на второй срок.
- 7 Jeffrey F. Taffet. Foreign Aid as Foreign Policy : the Alliance for Progress in Latin America. N. Y., 2007.
- 8 Президент Венесуэлы предостерегает, что «План Колумбия» может привести к «Новому Вьетнаму». 1 сентября 2000 г. URL : <http://www.tiwy.com> (дата обращения: 07.03.2012).
- 9 Mapstone N. Сделка между Венесуэлой и Россией породила опасность гонки вооружений («The Financial Times», Великобритания) 07/04/2010. URL : <http://inosmi.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 10 Дабагян Э. Обошлось без кровопролития... // Военно-политический курьер. № 32 (348), 18 августа 2010. URL : <http://vpk-news.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 11 Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа.
- 12 Гордеев А. Чавес спас колумбийских заложников // Утро.ру. 10 янв. 2008. [Электронный ресурс] URL : <http://www.utro.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 13 Революционные вооружённые силы Колумбии – Армия народа.
- 14 ЭЛН – Армия национального освобождения Колумбии.
- 15 Carroll R. Chávez and Uribe ‘almost came to blows’ at summit, says WikiLeaks // The Guardian. 2 Dec. 2010.
- 16 Никандров Н. Чавес. Венесуэла на пороге новых испытаний. 19.12.2012. URL : <http://www.tiwy.com> (дата обращения: 28.12.2012).
- 17 Кандидат от оппозиции Пабло Перес : креатура прошлого. Коррео дель Ориноко Интернационал № 98, 20 января 2012 г. URL : <http://correodelorinoco.ru.blogspot.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 18 Д. Патрик Дадди. Политические беспорядки в Венесуэле / Меморандум № 16 по чрезвычайному планированию // Council on Foreign Relations Press. Сентябрь 2012 г. URL : <http://pervodika.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 19 См.: Эквадор разорвал дипломатические отношения с Колумбией // 04.03.2008. URL : <http://lenta.ru> (дата обращения: 28.12.2012); Stephanie Hanson. FARC, ELN : Colombia’s Left-Wing Guerrillas. August 19, 2009. URL : <http://www.cfr.org> (дата обращения: 28.12.2012)
- 20 Никандров Н. Глава WikiLeaks под защитой Эквадора, или Империя США никогда не прощает. 27.08.2012. URL : <http://www.fondsk.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 21 См.: Nikandrov N. Wikileaks and Latin America // РИА новости. 13/12/2010. URL : <http://en.rian.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 22 Чавес заморозил отношения с Колумбией из-за повстанцев. 26.11.2007. URL : <http://lenta.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- 23 Cable en el que Uribe compara a Chávez con Hitler // El País. 10.12.2010. URL : <http://www.elpais.com> (дата обращения: 28.12.2012).
- 24 Ponencia pide declarar inconstitucional acuerdo de bases militares con Estados Unidos // El Tiempo. 23 de julio de 2010. URL : <http://www.eltiempo.com> (дата обращения: 28.12.2012).

- ²⁵ *Кастро Ф.* Агрессивные Штаты Америки. М., 2010. С. 166.
- ²⁶ Цит. по: Нападение Колумбии на Венесуэлу маловероятно, считает Фидель Кастро. 10.08.2010. URL : <http://gia.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- ²⁷ Еженедельный обзор мировой энергетики и экономики // Российское Энергетическое Агентство. № 9, 25 мая 2012. С. 4. URL : <http://rosenergo.gov.ru/upload/> (дата обращения: 28.12.2012).
- ²⁸ Ibidem.
- ²⁹ *Ивановский З. В.* Колумбия : от демократической безопасности к демократическому процветанию? // Латинская Америка. 2011. № 5. С. 30.
- ³⁰ *Кастанеда Х.* Лагиноамериканская повесть о двух кризисах // Project Syndicate. Sep. 28, 2012. URL : <http://www.project-syndicate.org> (дата обращения: 28.12.2012).
- ³¹ Colombian president's brother reveals new details about peace talks with FARC rebels // The Washington Post. 31 Dec. 2012.
- ³² Уго Чавес «поддерживал ФАРК, когда ему было выгодно». BBC. Русская служба. 10 мая 2011 г. URL : <http://www.bbc.co.uk> (дата обращения: 28.12.2012).
- ³³ Венесуэла и Колумбия планируют строительство нефтепровода к берегам Тихого океана. Новости энергетики. 30.11.2011. URL : <http://novostienergetiki.ru> (дата обращения: 28.12.2012).
- ³⁴ Цит. по: Кризис в отношениях с Колумбией Венесуэла оценила в \$200 млн // РИА Новости. 21.08.2010. URL : <http://gia.ru> (дата обращения: 28.12.2012 г.). В декабре 2012 г. Н. Мадуро был назначен преемником У. Чавеса.
- ³⁵ *Мартынов Б. Ф.* Колумбия дрейфует в сторону НАТО. Ее соседи предрекают шторм // РГРК «Голос России». 06.06.13. URL : <http://www.mgimo.ru/news/experts/> (дата обращения: 02.10.2013).
- ³⁶ Мадуро : экс-президент Колумбии хочет меня убить // BBC. 4 мая 2013 г. URL : <http://www.bbc.co.uk/> (дата обращения: 02.10.2013).
- ³⁷ *Neuman W.* Venezuela : Anger over Colombian President's Meeting with Opposition Leader // The New York Times. May 29. 2013.
- ³⁸ *Llosa Mr. Vargas.* The Man Who Saved Colombia // The Wall Street Journal. Oct. 10. 2012. Небезынтересно, что после своей отставки А. Урибе был приглашен на преподавательскую работу в Джорджтаунский университет (США).
- ³⁹ Ibid.

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

УДК 94(47).045

НОВЫЙ ДОКУМЕНТ О РАННЕЙ ИСТОРИИ г. САМАРЫ

А. В. Беляков

Филиал Московского психолого-социального университета, Рязань
E-mail: feb@ru.ru

Данная статья посвящена анализу документа по ранней истории г. Самары. При этом делается попытка по отождествлению неизвестной ранее анонимной сибирской царевны с сыном, упоминаемых в источнике. Сделанные автором наблюдения позволяют по-новому взглянуть на брачную политику хана Кучума, а также на некоторые события Смутного времени.

Ключевые слова: Чингисиды, Кучумовичи, Русское государство рубежа XVI–XVII в., Самара, русско-ногайские отношения.

A New Document about the Protohistory of the City of Samara

A. V. Belyakov

The article covers the analysis of a document dedicated to protohistory of the city of Samara. It is an attempt to identify a before unnamed Siberian tsarevna and her son as mentioned in the source. The author tries to take a fresh look at the matrimonial policy of Khan Kuchum as well as some events of the Time of Trouble.

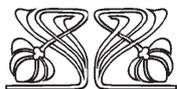
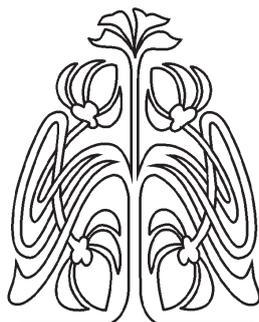
Key words: Genghis Khan descendants, Kuchum descendants (Kuchumovichi), Rus' at the turn of XVII century, Samara, Russian-nogaian affairs.

Из-за многочисленных пожаров и войн документы рубежа XVI–XVII вв. являются редкостью в наших архивах. Особенно остро данная проблема стоит по отношению к городам, образованным в конце XVI столетия. Из-за малонаселённости новых городов и уездов документов, вышедших из их воеводских канцелярий, изначально было не так уж и много. До наших дней их сохранилось и того меньше. Поэтому любая подобная находка имеет для нас особую ценность. При этом следует приложить все старания для того, чтобы информация от его анализа была наиболее полной.

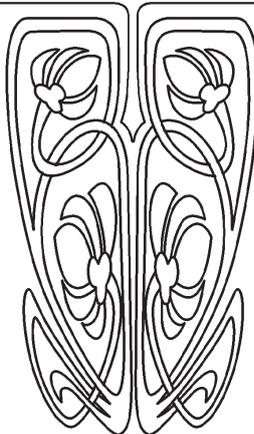
В РГАДА в фонде 131 (Татарские дела) нами была обнаружена грамота Самарских воевод князя Саввы Дмитриевича Щербатова и Федора Ивановича Бирдюкина-Зайцова (Зайцова-Бирдюкина) о том, что 28 апреля 1601 г. в Москву водным путем в сопровождении самарского жильца Якова Авлампеева была отправлена дочь хана Кучума с сыном и мамкою. При этом из этого же документа мы узнаем, что еще 11 января те же воеводы писали в столицу о том, что царица с сыном больны и просят, чтобы им разрешили перезимовать в Самаре. По отметке на грамоте знатные путешественники прибыли в Москву 10 июня (приложение)¹.

Данный документ интересен для нас сразу с нескольких позиций. Во-первых, он доносит до нас имена самарских воевод 1600/1601 г. Нельзя сказать, что их имена не были известны ранее, но, к примеру, Бирдюкина-Зайцева в литературе именуют Бирдениным². Их биографические сведения также ранее не привлекались исследователями. Что нам о них известно?

Князь Савва Дмитриевич Щербатый. Впервые как стольник он отмечен в 1588/1589 г.³ Осенью 1595 г. князь по-прежнему числится в стольниках и неудачно местничает со стольником князем Федором

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Ивановичем Лыковым⁴. Следующий раз мы видим его 18 мая 1598 г. Его послали воеводой на Тульскую засеку «к Заупскной, к Орловским воротам». Князь, по-видимому, вполне оправдал возложенные на него обязанности, так как следующее назначение (осенью 1598 или же, что, на наш взгляд, более реально, весной 1599 г.) было уже воеводой в Самару. Не ранее осени 1601 г. он назначен волуйским воеводой⁵. Перед одним из этих назначений Щербатого жалуют в дворяне по московскому списку⁶. В 1602 г. он вновь местничает с кн. Ф. И. Лыковым (суд не вершен)⁷, а 3 апреля того же года – с Владимиром Ивановичем Вельяминовым⁸. 8 мая 1606 г. мы видим его на свадьбе Лжедмитрия I: «А в поезде были дворяня Московские... князь Сава Дмитриевич Щербатой». В сентябре 1606 г. С. Щербатый назначен царем Василием Шуйским воеводой в Карачев, но вскоре город перешел на сторону Болотникова, а воевода убит. Это произошло в конце 1606 – начале 1607 г., либо во время восстания в городе, либо после отправки пленного воеводы в Путивль по приказу «царевича Петра». «В та же времена убиша при Петрушке и до ево приходу в Путивль и по градом... воевод и дворян, коих имали на бою... князь Саву Щербатово»⁹.

Федор Иванович Зайцов-Бирдюкин происходит из старинного обедневшего московского боярского рода. Выборный городской дворянин из ярославских помещиков. Его поместный оклад составлял 500 четей. Данных о нем немного. Впервые упоминается в 1588/89 г. Тогда он должен был находиться в Новгороде. Но рядом с его именем стоит помета: «нет». В 1604 г. отмечен как умерший. Его вдова, Домна, с поместий составляла 1 конного воина¹⁰. В разрядных книгах он упоминается только в связи с участием в походе против крымского царя в 1598 г., голова у обоза¹¹.

О Якове Авлампееве нам более ничего неизвестно. Однако факт наличия в Самаре рубежа XVI–XVII вв. жильца сам по себе уже интересен. Мы имеем все основания причислить его к верхушке местной служилой корпорации.

Таким образом, и для Зайцова-Бирдюкина и для кн. Щербатого назначение в Самару можно рассматривать как поощрение за прежние службы. Вот только для первого это был пик карьеры, долгожданная награда за долгую полковую службу, а для второго – самое начало административной карьеры. Подобные назначения требовали определенных не только административных, но и дипломатических навыков. Обнаруженный нами документ раскрывает, с чем им приходилось сталкиваться во время этой службы.

Самара рассматриваемого нами времени – небольшая крепость, призванная контролировать часть волжского пути. Но это также приграничный город, администрации которого приходилось разбирать постоянные конфликты с ногаями, казаками, кушцами. Волга являлась значимой магистралью, по которой регулярно передвигались

члены различных посольств. Самара должна была обслуживать и их. Но как мы видим, помимо прочего воеводам приходилось решать и проблемы, связанные с выездами ногайской знати на имя московского царя. Здесь мог пригодиться опыт, пусть даже только наблюдения за происходящим во время многочисленных дворцовых церемоний, в том числе и дипломатических, полученный стольником С. Д. Щербатым.

Настало время разобраться и с анонимной дочерью хана Кучума. Известно, что вывозы плененных сибирских царевичей и их ближайших родственников в европейскую Россию проходили по приблизительно одному и тому же пути: Уфа – Казань – Ярославль – Ростов – Переяславль-Залесский – Москва¹². Почему же здесь упоминается Самара? Этому можно дать только одно объяснение. Перед нами редчайший пример, когда представители семьи последнего сибирского хана выехали в Россию добровольно. При этом выезд состоялся из Большой Ногайской Орды. Логичнее всего было бы предположить, что перед нами одна из дочерей Кучума, выданных ханом за знатных ногайский мирз. Тогда у нас появляется возможность узнать ее имя.

В литературе отмечается, что как минимум четыре дочери Кучума были выданы замуж за ногайских мирз. Нам удалось найти упоминание о трех подобных браках. Одна из них Карамыш, супруга Ураз-Мухаммеда б. Дин-Ахмеда б. Исмаила. Вместе с рукой дочери хан предоставил мирзе ссуду в 5000 алтын¹³. Другую дочь выдали за мирзу Бегая (Бай) б. Ханбая б. Исмаила. Дети от этого брака, внуки Кучума Зен-Магмет (Джан-Мухаммед) и Лалтак, были пленены 20 августа 1598 г. и вывезены в Москву. Позднее здесь оказался и сам Бегай с еще одним своим сыном (от другого брака?) и другими родственниками. Здесь они стали мирзами (в крещении князьями) Смайлевыми¹⁴. Другая дочь стала супругой Ак (Ахмед) б. Шейх-Мамаю, при дворе отца которого воспитывался в детстве Кучум¹⁵. Помимо этого сыновья хана, Али и Канай, были женаты на дочерях Дин-Ахмеда б. Исмаила и Уруса б. Исмаила соответственно. Двумя из многочисленных жен Кучума были царица Хандаза, дочь бия Дин-Ахмеда и царица Данай, дочь бия Уруса¹⁶.

Следует отметить тот факт, что выезд царицы¹⁷ описывается как явное бегство. Ее прибытие в Самару посреди зимы с маленьким ребенком говорит именно об этом. При этом вышла она из ногайских улусов, скорее всего, именно на Самару, а не пришла в город из Астрахани. Поэтому нам следует обратиться к ногайским событиям этого периода. В ногайских степях редко выпадало спокойное время. Представители сильно разросшегося рода Эдиге постоянно боролись между собой за влияние в степном мире. Этот период также не был исключением.

После убийства бия Уруса б. Исмаила Малыми Ногаями в 1590 г. Большеногайским бием

провозглашается Ураз-Мухаммед б. Дин-Ахмед б. Исмаил. В. В. Трепавлов считает, что это произошло при явной протекции Москвы, стремившейся контролировать беспокойные ногайские степи. Около 1598 г. его сменил младший брат, нурадин Дин-Мухаммед. В это время в степи разгорелось очередное междоусобие, поводом для которого стала кровная месть: «Урмамет князь от Урусовых детей умер; за то и Тин Махмет князь умер; за то ж и Байтерек мурза от тех же недрузей за то ж умер». На этом фоне Джан-Арслан б. Урус, возглавивший наследников Уруса, начал борьбу за главенство над Большими Ногаями¹⁸. Москва вынуждена была вмешаться в конфликт и поддерживать своих ставленников, родственников только что убитого бия Дин-Мухаммеда. Царь приказал послать в степь рать с огненным боем. Тюменский воевода в 1601 г. докладывал, что Джан-Араслан собирался разместить свою семью и улусников на реке Исети (Средний Урал), а сам собирался кочевать в Северной Башкирии. Однако мирза попал в плен к астраханским стрельцам и был увезен в Москву. Власть над сильно потрепанной и ослабленной Большой Ногайской Ордой оказалась в руках у Иштерека б. Дин-Ахмеда. В 1600 г. в Астрахани состоялась церемония возведения его на «княжение»¹⁹.

В связи с этим мы предполагаем, что упоминаемая в Самаре зимой 1601 г. дочь Кучума с сыном была женой ногайского мирзы Джан-Арслана. После пленения супруга и окончательной победы в степи мирз Урмаметевых и Тинмаметевых она вынуждена была искать безопасное место, как для себя, так и для своего сына. Добровольный отъезд в Россию, по крайней мере, гарантировал им жизнь и относительно высокое положение. В конце 1604 г. мирза, а с ним, по-видимому, и семья, были отпущены в степь²⁰. Однако Джан-Арслан не был готов начать новую тихую жизнь и вскоре даже попал в астраханскую тюрьму. Но это уже выходит за тему нашего исследования. По настойчивым просьбам бия Иштерека стропитового мирзу 12 октября 1614 г. привезли из Астрахани в Казань, где разместили в соответствии с его высоким статусом. Через полгода он там и умер²¹. В таком случае мы вправе предположить, что и жена мирзы также оказалась в Казани.

Остановимся на размере поденного корма, назначенного царице, ее сыну и мамке. На троих им было положено 8 денег (4 копейки) на день. В целом это соответствовало тогдашней практике. С одной стороны, он равнялся корму сибирского царевича Хансюера б. Али, находящегося в тюремном заточении в Соликамске. Но при этом нужно помнить, что корм женщин был меньше корма мужчин (иногда в два раза), корм малолетних детей был ниже корма женщин. Помимо прочего, корм в дороге всегда уступал корму, получаемому на постоянном месте жительства²². Упоминаемая в документе дочь Кучума по приезде, по-видимому, получила постоянный корм в 5 копеек. В приказ-

ной справке указано: «Дано 10 денег за поденный корм. А царевна сама третья – сын да служанка». Здесь же приведены сведения, взятые «на пример» о выплате денег другим сибирским царевичам: «Сибирскому царевичю Берди-Мурату Кучумову с людьми с пятью человеки на корм по 4 алтын на день. Сибирскому ж царевичю Ишиму с двумя человеки на корм и на дрова по 3 алтын на день»²³. Следует отметить, что этот документ – практически единственное документальное свидетельство о реальном пребывании в Москве царевичей Ишима и Берди-Мурата.

Назвать имя царицы мы не можем. Источники того времени вообще более чем редко воспроизводили женские имена. История по преимуществу писалась мужчинами. Что касается восстановления имени внука Кучума, то здесь также имеются свои трудности. В. В. Трепавлов приводит имена трех сыновей Джан-Арслана – Урак (убийца Лжедмитрия II князь Петр Арасланович Урусов), Зорбек (Александр) и Тук (Иван). Тук крестился довольно поздно, не ранее 1614 г.²⁴ По нашему мнению, именно он более всего подходит на роль маленького мальчика, который вместе с матерью-царицей зимовал в Самаре. Его старшие братья к 1601 г. давно вышли из возраста, когда у них могла быть мамка. В русской истории Тук-Иван, по-видимому, никак себя не проявил. Детей после себя он также не оставил.

Здесь следует отметить еще один немаловажный момент. По-видимому, Кучум посредством браков своих многочисленных детей с представителями ногайской знати стремился обеспечить себе поддержку большинства ветвей потомков Эдиге, а не связывал свою судьбу и судьбу своих наследников только с избранными представителями этого рода, столь долго оказывавшего огромное влияние на события, происходившие в Дешт-и кипчаке.

Таким образом, обнаруженный документ позволяет нам более детально увидеть и понять те сложные процессы, которые протекали на рубеже XVI–XVII вв. на обширных пространствах от Сибири до Нижней Волги.

Приложение

Грамота Самарских воевод князя Саввы Дмитриевича Щербатова и Федора Ивановича Бирдюкина-Зайцова. Подлинник

(РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 1–1об.)

(Л. 1.) Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси холопи твои Савка Щербатай да Федько Бирдюкин-Зайцов челом бьют. В нынешнем, государь, в 109-м году генвора в 11 день писали мы, холопи твои, к тебе, к государю, по твоей государеве грамоте: веленно нам, холопом твоим, Кучумову дочь с

сыном да с мамкою прислати к Москве, к тебе, государю, с кем пригож. И кучумова дочь била челом тебе, государю, а сказала, что она сома немочна и сын ее немочен же, и для стужи ехати нельзе, и тебе б, государю, пожаловати, велети отпустить к Москве, к тебе, государю, воденым путем. И мы, холопи твои, провели подлинно, что она с сыном немочна, велели ей быти в Со-марском до полые воды. И как, государь, ныне Волга вскрылося, и мы, государь холопи твои, Кучюмову дочь с сыном и с мамкою к Москве, к тебе, государю, отпустили апреля в 28 день с сомарским жильцом с Яковом Авлампеевым. И корм ее в дорогу дали до Москвы по твоему государеву указу на день по осми денег. И в Козань о том к воеводе и к дияку писали. //

(Л. 1 об.) Государю царю и великому князю Борису Федоровичю всеа Руси. 109 году июня в 10 день с сомарским жильцом с Яковом Авлампеевым

Примечания

- 1 РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 1.
- 2 Дубман Э. Л. Воеводы и воеводская система управления в Самаре XVI– начала XVIII в. // Самарский земский сборник. 2009. № 1 (18). С. 61–68.
- 3 Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М., 2004. С. 206.
- 4 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1989. Т. III, ч. 3. Л. 996. С. 102–103.
- 5 Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1994. Т. IV, ч. 1. Л. 1061 об. С. 39; Л. 1089. С. 75; Л. 1133 об. С. 131.
- 6 Павлов А. П. Правящая элита Русского государства во второй половине XVI– первой половине XVII в. // Правящая элита Русского государства IX– начала XVIII в. СПб., 2006. С. 252.
- 7 Эскин Ю. М. Местничество в России XVI–XVII вв. Хронологический реестр. М., 1994. № 860. С. 126.
- 8 Там же. № 837. С. 123.

- 9 Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 80, 136, 142, 213; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 14. М., 2000. С. 74.
- 10 Станиславский А. Л. Труды по истории государева двора... С. 222, 263, 357, 393.
- 11 Разрядная книга 147–1598 гг. М., 1966. С. 524, 531.
- 12 Беляков А. В. Дорога царевича Мурад-Гирея в Астрахань // Изв. Саратов. ун-та. Новая серия. Серия История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 92–97.
- 13 Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 373.
- 14 Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 69.
- 15 Маслюженко Д. Н. Этнополитическая история лесостепного Притобольшья в средние века. Курган, 2008. С. 134.
- 16 Трепавлов В. В. Сибирский юрт после Ермака : Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. М., 2012. С. 43.
- 17 В данное время в России существовало правило, по которому дочери татарских царей и царевичей, сохранивших верность исламу, назывались царевнами. В случае выхода замуж, даже если супруг не носил царского титула и даже не относился к какому-либо царскому роду, их называли царицами. См.: Беляков А. В. Чингисиды в России XV–XVII веков : просопографическое исследование. Рязань, 2011. С. 91–115.
- 18 Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. С. 382–385.
- 19 Там же. С. 388–390.
- 20 Там же. С. 391–392.
- 21 Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник : 2002. М., 2003. С. 338.
- 22 Беляков А. В. Чингисиды в России... С. 346.
- 23 РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 3.
- 24 Трепавлов В. В. Российские княжеские роды ногайского происхождения... С. 336, 338.

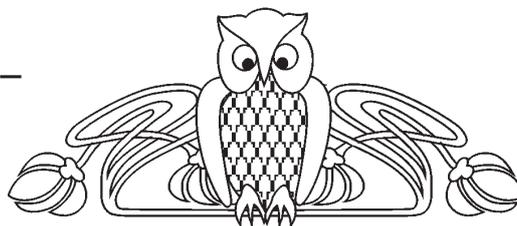
УДК 94(47)0.46+929Чемесов

ВОЕВОДА СТЕПАН ВАСИЛЬЕВИЧ ЧЕМОСОВ – СТРОИТЕЛЬ САРАТОВСКОЙ КРЕПОСТИ (1630–1631)

Я. Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова, связанные с пребыванием в этом городе воеводы Степана Васильевича Чемесова и строительством новой саратовской крепости. Впервые представлена подробная био-

графия этого деятеля Смутного времени, который участвовал в обороне Волока от поляков, в боях под Тихвином и Путивлем. Автор прослеживает дальнейшую судьбу этого человека, который в 1630 г. возглавил строительство новой саратовской крепости.

Ключевые слова: Смутное время, Путивль, Саратов, воевода, Степан Чемесов.

Voivode Stepan Vasil'evich Chemesov – Saratov Fortress Builder (1630–1631)

Ya. N. Rabinovich

In the article are the unknown aspects of the left bank of Saratov associated with being in this city voivode Stepan Vasil'evich Chemesov and building of a new fortress. First is a detailed biography of this figure of the Time of Troubles, which participated in the Volok's defense from the Poles, in the fighting near Tikhvin and Putivl. Author traces the further destiny of this man, who in 1630 led the building of a new Saratov fortress.

Key words: Time of Troubles, Putivl, Saratov, voivode, Stepan Chemesov.

Имя воеводы Степана Васильевича Чемесова в Саратове хорошо известно уже свыше 120 лет. Впервые его привел в своем приложении к списку саратовских воевод в 1892 г. Ф. Ф. Чекалин¹. Возможно, это имя было особо дорого Ф. В. Духовникову и Н. Ф. Хованскому, которые в 1893 г. выделили Степана Чемесова из общего числа саратовских воевод. Ни Оболенский с Мышецким, ни Шушерин с Чемодановым, ни даже награжденный царской шубой Орлов не удостоились чести быть упомянутыми с именем и отчеством, как Степан Васильевич Чемесов (у всех прочих воевод читаем либо инициалы имени и отчества, либо только инициал имени)².

А. П. Барсуков в своем капитальном труде о городских воеводах XVII в. отмечал пребывание Степана Чемесова на воеводском посту в Волоке (1613), Путивле (1616–1617), Мценске (1626) и Саратове (1630)³. А. А. Гераклитов в основном повторил сказанное Барсуковым, сделав лишь небольшое уточнение в датах: Волок (1613–1614), Саратов (апрель 1630 – 1631, а затем повторно 1633), а также сообщив, что Чемесов умер после 1640 г. После воеводства Степана Чемесова в Путивле (1616–1617) у А. А. Гераклитова указан Мценск (1616). По-видимому, дата воеводства в Мценске (1616 вместо 1626 г.) – это просто опечатка в тексте, а не ошибка Гераклитова. Говоря о воеводстве Степана Чемесова в Волоке Ламском, Гераклитов ссылаясь на труд С. А. Белокурова⁴

А. А. Гераклитов не был знаком с биографической статьей о Степане Чемесове, написанной В. Симанским (эта статья опубликована А. А. Половцовым в 1905 г. в одном из томов биографического словаря за 8 лет до выхода труда А. А. Гераклитова). Данная работа В. Симанского и через сто лет после своей публикации является самой полной на сегодняшний день биографией воеводы Степана Чемесова⁵.

Саратовские краеведы часто упоминали Степана Чемесова в связи с тем, что при нем был построен новый острог⁶. Именно этот Саратов увидел через несколько лет после завершения его строительства Адам Олеарий. Некоторые краеведы высказывали мнение, что до Степана Че-

месова Саратов находился совсем в другом месте (не будем приводить различные варианты этого предполагаемого месторасположения Саратова).

Не обошел своим вниманием Степана Чемесова саратовский краевед В. Н. Семенов, назвав нашего героя «старым проверенным кадром московского двора», усугубив опечатку А. А. Гераклитова в дате воеводства Чемесова в Мценске («в Мценске в 1616 г.»), поставив его воеводство в Мценске перед Путивлем. В. Н. Семенов не указал на строительную деятельность воеводы Степана Чемесова по возведению нового острога в Саратове⁷.

Сведений о предках саратовского воеводы Степана Васильевича Чемесова к настоящему времени обнаружить не удалось. К началу XVII в. известны помещики Чемесовы на востоке (Арзамас) и в западном Подмоскowie (Верея). В Арзамасских поместных актах упоминается помещик Степан Васильевич Чемесов еще с 1580-х годов, который в Смутное время за старостью «от службы отставлен». Осенью 1615 г. он в качестве окладчика поручился за арзамасского помещика Афанасия Зюзина («поруча в службе и в деньгах») ⁸. Один из потомков этого Степана Чемесова – известный гравер Евграф Петрович Чемесов (1737–1765). Наш герой не имеет никакого отношения к этому Степану Чемесову: от службы он отставлен не был, служил еще не один десяток лет, да и находился в 1615–1616 гг. далеко от Арзамаса.

Скорее всего, саратовский воевода Степан Чемесов принадлежал к верейским Чемесовым. Доказательством этому может служить запись приходно-расходных книг о получении Степаном Чемесовым денег в конце 1614 г., накануне его отъезда на север. В этой записи говорится, что «Степан Чемесов деньги взял, а брат его Илья в него место руку приложил»⁹. Эта запись не только свидетельствует, что наш герой был неграмотным и не умел писать, но и о том, что у Степана Чемесова был брат Илья. В других источниках упоминается верейский помещик Илья Васильевич Чемесов, зато нигде не встречается арзамасский помещик Илья Васильевич Чемесов. Верея когда-то входила в состав Можайского княжества, затем в начале XV в. стала центром самостоятельного Вереяского княжества, а в конце XV в. была присоединена к Москве.

Сведений о том, чем занимался Степан Чемесов в первые годы Смуты, в источниках также пока не обнаружено. Его имени мы не встречаем ни в боярском списке 1606/1607 г. в армии Василия Шуйского под Калугой, ни среди участников Подмоскownого ополчения Прокопия Ляпунова. Впервые он упоминается в связи с походом короля Сигизмунда III осенью 1612 г. на помощь осажденному в Кремле польскому гарнизону. В это время Степан Чемесов служил в пограничном западном городе Волоке (современный Волоколамск). Трудно сказать, когда и кем он был назначен на эту должность – руководителями

Подмосковного или Нижегородского ополчения. Из источников хорошо известно, что Волок, так же как и соседние Верея, Малый Ярославец, Товарковская волость, Боровск уже летом 1611 г. признавали власть Подмосковного ополчения. В августе 1611 г. на Волок из-под Москвы руководителями ополчения были отправлены дворяне и дети боярские для шубного сбора¹⁰.

В. Симанский в свое время привел сведения из основного источника, Нового летописца, об обороне Волока. Судя по Новому летописцу, главная заслуга в отражении вражеских штурмов Волока принадлежала не воеводам Ивану Карамышеву и Степану Чемесову, а казачьим атаманам, которые со своими станицами обороняли от поляков этот город. В Новом летописце глава 325 так и называется «О приступе к Волоку». Приведем подробный текст: *«Король... повеле приступати жестокими приступы к Волоку. На Волоке в те поры бывшу воеводе Ивану Карамышеву да Степану Чемесову, от них же промыслу мало во граде. Промыслу же всему бывшу от атаманов: от Нелюба Маркова да от Ивана Епанчина, бияхуся на приступех, едва за руки не имаючись, и на трех приступех побиха многое множество Литовских и Немецких людей»*. Р. Г. Скрынников отмечал, что защитники Волока не только отразили три приступа, но и под конец сделали смелую вылазку и отбили у неприятеля несколько пушек¹¹. Вместе с небольшой волоцкой крепостью успешно оборонялся от поляков расположенный неподалеку Иосифо-Волоколамский монастырь. Здесь отличились монастырские старцы и казаки, многих из которых «прибрали» из окрестных крестьян и монастырских слуг. Эта героическая оборона Волока и Иосифо-Волоколамского монастыря заставила короля Сигизмунда прекратить дальнейший поход на Москву и отступить к Вязьме¹². 27 ноября 1612 г. король Сигизмунд отдал приказ об общем отступлении, а в декабре королевское войско уже находилось в Смоленске.

Других источников о подробностях обороны Волока, о так называемой «Осифовской осаде», в первую очередь актовых материалов, пока не обнаружено. С. А. Белокуров привел несколько разрядных записей, в которых указаны имена воевод Волока в 1613 г.: «На Волоку Ламском воеводы Иван Костентинович Карамышев да Степан Васильев сын Чемесов»¹³. В течение всего 1613 г. Степан Чемесов продолжал службу воеводой в Волоке. В начале марта 1613 г. к воеводам Волока Ивану Карамышеву и Степану Чемесову были посланы боярами три грамоты от имени нового царя Михаила Романова о денежных доходах и пушечных запасах¹⁴.

Осенью 1613 г. (до 17 ноября) Степан Чемесов распорядился выслать казаков, которых «прибрали» монастырские старцы ещё при осаде поляками Волока из монастырских служебников и крестьян, на государеву службу под Смоленск. Речь идет о станице в 70 казаков с Яковом Рязанце-

вым из «Осифова монастыря», сведения о которой приведены в росписи войска князя Д. М. Черкасского. Более точно дату отправки Степаном Чемесовым казаков под Смоленск (октябрь 1613 г.) можно установить благодаря тому, что в разрядной записи сказано, что эти казаки отправлены к воеводе Ивану Троекурову. Князь И. Ф. Троекуров был назначен в сентябре вторым воеводой к князю Д. М. Черкасскому после ранения под крепостью Белой Михаила Бутурлина. Можно выяснить примерный состав гарнизона Волока, который отражал нападения польского короля. Известно, что осенью 1613 г. Степан Чемесов отправил из Волока под Смоленск с головами Нелюбом Марковым 121 ч., с Иваном Епанчиным 229 ч., с Дмитрием Конюховым татар и черкас и казаков 150 ч.; а из «Осифова монастыря» с атаманом Яковом Рязанцевым 70 казаков¹⁵.

Отправка этих казаков с Яковом Рязанцевым вызвала гневный протест монастырских старцев. Недовольный «игумен Иосифова монастыря Арсений с братьею» подал царю челобитную на Степана Чемесова. 17 ноября 1613 г. последовал царский указ Чемесову, чтобы этих людей на службу не брать, а велено им оставаться в монастыре в служебниках и в крестьянах по-прежнему. В апреле 1614 г. Степана Чемесова уже не было в Волоке. Его к тому времени сменил новый воевода Тимофей Петрович Тарбеев, которому 16 апреля была отправлена царская грамота такого же содержания, как и Чемесову¹⁶.

О дальнейшей службе Степана Чемесова В. Симанский пишет следующее. В декабре 1614 г. С. В. Чемесов послан в Тихвин, чтобы вместе с воеводой кн. Волконским принять под свою команду «воровских казаков», которые, будучи неоднократно биты царскими войсками, решили прекратить разбои, прибыли в Тихвин и просили царя дать им воевод, «чтобы ходить и промыслять над немецкими людьми». Накануне отправки к Тихвину, 7 декабря 1614 г., эти воеводы получили жалованье, «оклады сполна»: Никита Волконский – 50 руб., а Степан Чемесов – 65 руб.¹⁷ Интересно, что жалование второго воеводы Степана Чемесова было выше, чем у первого воеводы Никиты Волконского. Но казаки не только не стали подчиняться Волконскому и Чемесову, но продолжали грабежи, нападали на самих воевод, избивали их и грабили. Более подробно данный сюжет нашел свое отражение в книге А. Л. Станиславского, который отмечал, что воеводы Волконский и Чемесов с небольшим отрядом верных казаков (историк перечисляет 7 станиц), потерпев поражение, «избитые и ограбленные» вынуждены были отступить в Тихвин. Затем верные правительству казаки были отведены воеводами Волконским и Чемесовым к Москве, где был проведен смотр и разбор с выдачей жалования тем, кто остался на службе¹⁸.

Мятежные казаки, объединившись вокруг атамана Михаила Баловнева, в июне 1615 г. дви-

нулись к Москве, где они были разгромлены боярином Борисом Лыковым в воскресенье, 23 июля.

Судя по всему, правительство не было доволно действиями воевод Волконского и Чемесова под Тихвином и Ладогой, во всяком случае, ничего неизвестно о прибавках к денежному окладу Степана Чемесова. В дальнейшем этот оклад, несмотря на службу Степана Чемесова в Путивле, останется без изменения.

Вскоре после возвращения из Тихвина в Москву и небольшого отдыха Степан Чемесов был назначен вторым воеводой в Путивль помощником к Василию Гавриловичу Коробьину¹⁹. В конце лета 1616 г. в Путивль на смену Василию Коробьину приехал новый первый воевода князь Григорий Васильевич Тюфякин, а Степан Чемесов остался при нем вторым воеводой. Запись в одной из разрядных книг свидетельствует, что в 124 г., т. е. еще до 1 сентября 1616 г., в Путивле уже был Григорий Тюфякин: «В Путивле князь Григорей Васильев сын Тюфякин да Степан Чемесов»²⁰. Весной 1617 г. в Путивль на смену Григорию Тюфякину приехал новый воевода Дмитрий Пущеников. Степан Чемесов оставался и при нем вторым воеводой²¹.

Важным источником о службе Степана Чемесова в Путивле является Книга сеунчей (сеунч – весть о победе)²².

В 1618 г. после приезда в Путивль новых воевод князя Ивана Михайловича Борятинского и Никиты Васильевича Оладыина Степан Чемесов возвратился в Москву (но некоторое время он еще оставался при новых воеводах). Эти новые воеводы Путивля упоминаются в Книге сеунчей уже в июле 1618 г., когда они, уже будучи воеводами Путивля, посылали ратных людей в рейд к литовскому городу Голтва²³.

В одной из разрядных записей под 126 г. (т. е. до 1 сентября 1618 г.) отмечено: «Тово же году по вестем велено быти в Путивле князю Ивану Михайловичю Борятинскому да Никите Васильеву сыну Оладыину да Степану Чемесову... Готов в Путивле, что был с князь с Григорьем Тюфякиным да с Дмитрием Пущениковым». Эти воеводы писали, что «идет на Северу Саадашной с черкасы»²⁴. Речь здесь идет о походе на Москву союзника польского короля украинского гетмана Сагайдачного. Воеводы южных городов не сумели помешать этому походу запорожских казаков, а некоторые города были захвачены и разграблены черкасами. В итоге черкасы практически беспрепятственно подошли к Москве и участвовали в штурме столицы вместе с войсками королевича Владислава.

В 1619 г., т. е. уже после окончания Смутного времени и подписания Деулинского перемирия с Польшей, Степан Чемесов получал деньги из Устюжской чети в прежнем размере 65 руб.²⁵ Мы видим, что его оклад за все время пребывания и в Тихвине и в Путивле нисколько не возрос. Возможно, дяки Разрядного приказа были недо-

вольны путивльской службой Степана Чемесова.

Сведений о том, чем занимался Степан Чемесов в течение 5 лет после своего возвращения из Путивля, пока не обнаружено. Впервые мы видим Степана Чемесова в качестве московского дворянина в 1624 г.; в Дворцовых разрядах именно в этом чине он упоминается на придворной службе. Когда в сентябре 1624 г. царь Михаил Федорович пошел в традиционный поход к Троице (23–27 сентября паломничество в Троице-Сергиев монастырь), то в Москве оставался за царя боярин Федор Иванович Шереметев вместе с боярином Д. М. Пожарским и окольным Г. К. Волконским. Среди московских дворян, которые дневали и ночевали в царском дворце с боярином Ф. И. Шереметевым, записан Степан Васильевич Чемесов²⁶.

Дальнейшая служба Степана Чемесова связана с городом Мценском, куда он был назначен воеводой в 1625 г. В Дворцовых разрядах кратко упоминается о смене воевод в Мценске. В Книгах разрядных в записи за 1624/1625 г. приводятся более подробные сведения о смене воевод в Мценске, а также о составе гарнизона этого города: «В Мценску Василей Олексеев сын Давыдов; и Василью велено ехати к Москве, а во Мценску велено быти Степану Васильеву сыну Чемесову». Гарнизон Мценска состоял из 440 человек (151 осадных детей боярских «мецнян», 60 отставных, 98 пеших стрельцов, 50 конных казаков, 9 пушкарей, 18 затинщиков, 10 рассыльщиков, 4 воротника, а также 40 стрельцов, пушкарей и затинчиков из Орла). Назначение Степана Чемесова воеводой в Мценск и прибытие его в этот город состоялось не ранее мая 1625 г. Еще 3 мая 1625 г. мы видим в Мценске прежнего воеводу Василия Давыдова, который в своем донесении в Москву сообщал о наличии в городе запасов продовольствия (567 чети ржи и 118 чети овса)²⁷.

Будучи воеводой в Мценске Степану Чемесову приходилось взаимодействовать и совместно охранять южную границу от набегов татар с воеводой прибылого полка в этом городе князем Ф. Т. Черново-Оболенским, с которым в будущем ему придется не раз встречаться как в Москве, так и в Саратове²⁸. На следующий год воеводами прибылого полка в Мценск были назначены Иван Бутурлин и Леонтий Извольский. Вместе с ними все лето 1626 г. Степан Чемесов оборонял этот участок южной границы. Состав мценского гарнизона, который находился в подчинении у Степана Чемесова, остался почти без изменения, лишь 40 мценских осадных детей боярских направили в прибылой полк²⁹.

Служба Степана Чемесова в Мценске продолжалась около полутора лет. Уже осенью 1626 г. в Мценске мы видим нового воеводу Якова Александровича Юшкова, а Степан Чемесов возвратился в Москву³⁰. Он вновь упоминается в разрядах в Москве уже в декабре 1626 г. Степану Чемесову велено было провожать из Москвы до Пскова **шведского посла** (выделено мной. – Я. Р.)

Александра Рубцова и быть при нем приставом. Шведские послы короля Густава Адольфа Александр Любим Рубцов и королевский дворянин Юрий Бенгарт приехали из Стокгольма в Москву 22 ноября 1626 г., 3 декабря состоялся торжественный отпуск послов, а 8 декабря послы уехали из Москвы. А «для береженья послан с ними в приставех до Новагорода и до Пскова» Степан Чемесов³¹.

После возвращения из Пскова в Москву (это могло произойти уже в январе–феврале 1627 г.) Степан Чемесов как дворянин московский продолжал служить при дворе. Изредка его имя в 1627–1629 гг. упоминается в разрядах. Например, когда 31 июля 1627 г. царь «для празднества Происхоженъе честнаго креста поволит идти в Симонов монастырь», то в Москве с боярином М. Б. Шейным оставались около 130 дворян, среди которых мы видим и Степана Чемесова³². 12 марта 1629 г. по случаю рождения царевича Алексея Михайловича «был стол у Государя в Грановитой палате» (среди 99 дворян записан Степан Чемесов)³³.

Дальнейшая служба Степана Чемесова связана с городом Саратовом. В одной из разрядных записей отмечено, что Степан Чемесов был назначен на Саратов еще в 137 г., т. е. до 1 сентября 1629 г.³⁴ А. А. Гераклитов отнес начало саратовской службы Степана Чемесова, его первое воеводство в Саратове к апрелю 1630 г. («апрель 1630 г. – 1631 г.»)³⁵. Источником для него послужила разрядная запись о Степане Чемесове: «На Саратове Степан Васильев сын Чемесов, послан в 138 г. в апреле». Возможно, что разница в датах связана с тем, что Степану Чемесову необходимо было перед отправкой в Саратов подготовиться к выполнению важного правительственного задания, связанного со строительством новой крепости в Саратове.

При прежнем воеводе Григории Орлове Саратов подвергся нападению татар, которые были разбиты, однако Саратов как крепость, вероятно, пострадал от нападения. Укрепления его стали ненадежными. Следует также учесть, что при воеводе Федоре Тимофеевиче Черново-Оболенском Саратов строился при тогдашней разрухе в стране не особенно тщательно, не так, как в спокойные мирные времена. С момента строительства левобережного Саратова прошло уже 15 лет, деревянные укрепления обветшали к тому времени. Были приняты меры для дальнейшего усиления оборонительных сооружений саратовской крепости. Но это предстояло делать уже новому воеводе Саратова, Степану Васильевичу Чемесову. Возможно, что он зиму 1629/1630 г. наблюдал за подготовкой строительства нового саратовского острога где-нибудь в верхневолжских лесах, а то и на Каме. Весной 1630 г. эти будущие части укреплений города после разборки сплавились вниз по Волге к Саратову. Это была обычная практика строительства многих городов.

В Книгах разрядных за 138 год (1629/1630) приведены сведения о воеводе С. В. Чемесове и о составе гарнизона в 1630 г., включая 456 человек «для острожного дела на время, покаместа острог сделают». Эти 456 человек направлялись в Саратов «из Понизовых городов, которые выше Казани». Среди этих людей разряды указывают в том месте, где говорится о саратовском гарнизоне и его воеводе Степане Чемесове, «детей боярских 57 ч., новокрещенов и бусурманов 114 ч., да стрельцов 235 ч., да плотников из стрельцов же 50 ч.»³⁶. Эти цифры приводили многие краеведы, однако до настоящего времени никто из исследователей не разобрал конкретных цифр по каждому городу, не проводил сравнительного анализа этих цифр. В Разрядах указано количество людей из десяти городов, которые присланы в Саратов для «острожного дела».

Приведем текст Книг разрядных по каждому городу, из которого направлялись в Саратов эти люди, затем сведем эти цифры в таблицу.

В Казани... «на Саратове для острожного дела детей боярских 15 ч. да стрельцов 10 ч.» (Стб. 289);

В Свяжском... «на Саратове для острожного дела детей же боярских 15 ч. да стрельцов 100 ч.» (Стб. 291);

В Чебоксарах... «на Саратове для острожного дела детей же боярских 50 ч. да новокрещенов 28 ч., да стрельцов 30 ч.» (Стб. 292);

В Кузьмодемьянском... «на Саратове для городского и острожного дела детей боярских 5 ч., да новокрещенов 14 ч., стрельцов 20 ч.» (Стб. 292);

В Ядрине... «на Саратове для городского и острожного дела детей боярских 4 ч., да стрельцов на годовой и для острожного дела по 10 ч.» (Стб. 293);

В Санчурске... «на Саратове стрельцов 15 ч. да для острожного дела детей боярских 2 ч. да новокрещенов 22 ч., да стрельцов 30 ч.» (Стб. 293);

В Еранске... «на Саратове 5 ч. стрельцов да для острожного дела детей боярских 2 ч., да стрельцов 30 ч.» (Стб. 293);

В Царево-Кокшайске... «на Саратове для острожного дела 15 ч. да служилых новокрещенов и бусурманов 34 ч.» (Стб. 294);

В Кокшайске... «на Саратове 10 ч. стрельцов да для острожного дела детей боярских 3 ч., да стрельцов 10 ч.» (Стб. 294);

В Цивильске... «на Саратове для острожного дела (детей боярских) 3 ч., да стрельцов на годовой 20 ч., да для острожного дела 30 ч.» (Стб. 295) (таблица).

Судя по таблице, наибольшее количество детей боярских прибыло в Саратов на строительство новой крепости из Чебоксар, а стрельцов – из Свяжска. Новокрещены и басурманы приехали в Саратов из Чебоксар, Кузьмодемьянска, Санчурска и Царево-Кокшайска. Чебоксары и Свяжск выделили наибольшее количество людей для строительства саратовской крепости.

Участники строительства новой саратовской крепости в 1630–1631 гг.

Город	Дети боярские	Новокрещены и басурманы	Стрельцы	Всего для острожного дела в Саратове	Стрельцы на годовой службе в Саратове	Итого
Казань	15	-	10	25	-	25
Свияжск	15	-	100	115	-	115
Чебоксары	50	28	30	108	-	108
Кузьмодемьянск	5	14	20	39	-	39
Ядрин	4	-	10	14	10	24
Санчурск	2	22	30	54	15	69
Еранск	2	-	30	32	5	37
Царево-Кокшайск	-	34	15	49	-	49
Кокшайск	3	-	10	13	10	23
Цивильск	3	-	30	33	20	53
Итого по таблице	99	98	285	482	60	542
Итого по тексту	57	114	285	456	100	556

При сравнении итоговых цифр данной таблицы с теми цифрами, которые приведены в том месте, где говорится о составе гарнизона Саратова, мы видим некоторое несоответствие.

Цифры в таблице, по-видимому, взяты из отписок воевод данных городов, которые докладывали в Москву, сколько человек они отправили в Саратов. Цифры, приведенные в тексте, где говорится о численности саратовского гарнизона, взяты из отписки воеводы Степана Чемесова в Москву, в которой он указывал, сколько фактически было в Саратове служилых людей.

Детей боярских – по таблице 99, а в тексте – всего 57, новокрещенов и басурманов – по таблице 98, а в тексте несколько больше – 114, зато стрельцов – по таблице 285, что полностью соответствует количеству стрельцов в тексте (235 + 50 плотников из стрельцов).

Если брать вместе детей боярских с новокрещеными и басурманами (предположив, что часть новокрещенов перешла в разряд детей боярских), то увидим, что в Саратов отправлено было из городов 197 человек, а прибыло в город и участвовало в строительстве нового острога всего 171 чел. Остальных 26 чел. можно записать в разряд «нетчиков», которые уклонились от службы и не приехали в Саратов. Данное предположение может быть верным только в том случае, если считать, что в тексте по соответствующим городам нет пропусков в цифрах.

Это, так сказать, переменный состав саратовского гарнизона, наряду с сотней стрельцов годовальщиков (по таблице – 60 годовальщиков). В первый год воеводства Степана Чемесова Книги разрядные указывают в Саратове годовальщиков «Свияжских, Чебоксарских, Ядринских, Цивильских, Царевасанчурских, Еранских 100 ч. стрельцов пеших». В соответствующих местах данного текста, где говорится о гарнизонах этих городов, конкретные цифры годовальщиков указаны только для четырех из перечисленных городов [Цивильск (20 чел.), Ядрин (10 чел.), Еранск (5 чел.), Санчурск (15 чел.)], а по остальным двум городам

(Свияжск и Чебоксары) годовальщики в Саратове не указаны. Кроме того, дополнительно указан Кокшайск (10 человек), которого нет в списке городов, откуда присылались в Саратов годовальщиков. Костяк гарнизона Саратова составлял все же не переменный, а постоянный состав (дети боярские, стрельцы, пушкари и воротники). Он оставался неизменным на протяжении ряда лет. В Книгах разрядных запись за 1629/1630 г. следующая: «На Саратове Степан Васильев сын Чемесов, а с ним голова стрелецкой 1 ч., детей боярских 18 ч., сотников стрелецких 3 ч., конных стрельцов 100 ч., да 200 ч. пеших, пушкарей 4 ч., воротников 2 ч.»³⁷.

Записи за следующий 1630/1631 г. об отправке служилых людей из указанных в таблице 10 городов в Саратов «для острожного дела» идентичны, за исключением Чебоксар, где дополнительно указаны 9 детей боярских: «Да на Саратове для острожного дела детей боярских 9 ч. – Да на Саратове для острожного дела детей же боярских 50 ч., да новокрещенов 28 ч., да стрельцов 30 ч.». С другой стороны, в тексте, где говорится о гарнизоне Саратова и воеводе Степане Чемесове, почему-то ничего не сказано про острожное дело³⁸. Либо это простой пропуск в тексте, либо воевода Степан Чемесов докладывал в Москву, что люди, присланные для острожного дела, уехали из Саратова по своим городам. В таком случае можно предположить, что работы по строительству нового острога в Саратове в 1631 г. были временно приостановлены либо завершены.

При воеводе Саратова С. В. Чемесове началось освоение богатств окрестностей города московским Новоспасским монастырем. Этот монастырь постепенно стал захватывать все прибыльные рыбные ловли и имел значительные привилегии. Всё началось с 1631 г., когда архимандриту этого монастыря Иосифу с братией были пожалованы рыбные ловли на оброк в саратовских иргизских водах, «а оброку указали имати с тех рыбных ловель по двадцати рублей на год». Эту грамоту от 26 декабря 1631 г. привез из Москвы

саратовскому воеводе Степану Чемесову служба Новоспасского монастыря Перфилью Мелентьеву 17 февраля 1632 года³⁹. Таким образом, из данной грамоты следует, что в начале 1632 г. воеводой в Саратове продолжал оставаться Степан Чемесов. Однако в Книгах разрядных за 1631/1632 г. воеводой в Саратове указан уже другой человек – Андрей Федорович Наумов. За этот год в записях нигде не указан состав гарнизонов, только перечисляются воеводы⁴⁰. Скорее всего, Андрей Наумов послан был в Саратов ранней весной 1632 г., и уже к началу лета 1632 г. в Саратове произошла смена воевод. В другой Разрядной книге за этот же 1631/1632 г. уточняется, что «на Саратов на Степаново место Чемесова Ондрей Федоров Наумов»⁴¹.

Летом 1633 г., когда основные силы русской армии были стянуты к Смоленску (шла Смоленская война, армия боярина М. Б. Шеина пыталась отвоевать Смоленск у поляков), участились случаи нападения крымских татар на южные русские земли. Угроза нависла над самой столицей. Могла повториться ситуация 1591 г. Поэтому русское правительство приняло решение срочно возводить в Москве новые укрепления. Каждому члену Боярской думы был поручен определенный участок. В зону ответственности боярина Семена Васильевича Головина входил западный участок от Москвы реки до Тверских ворот. Степан Чемесов летом 1633 г. находился в Москве, он также участвовал в строительстве этих укреплений. В Дворцовых разрядах записано, что в **июле 1633 г.** Степан Чемесов состоял при боярине С. В. Головине, возводившем острог на Москве «для проходу крымских людей ...от Москвы реки по Тверские ворота»⁴². Степан Чемесов здесь упомянут без отчества, перед ним все дворяне записаны с отчеством. В те времена другого московского дворянина Степана Чемесова не было, поэтому без сомнения эта запись относится именно к нашему герою. В таком случае Степан Чемесов не мог в 1633 г. находиться на воеводстве в Саратове, как считал А. А. Гераклитов. Исследователь предположил, что Степан Чемесов в 1633 г. снова приехал в Саратов и сменил там Андрея Наумова. В одной из разрядных записей после указания на воеводство в Саратове в 1631/1632 г. Андрея Федоровича Наумова следует запись за следующий 141 (1632/1633 г.) такого содержания: «*А в Казани и в Чебоксарех и на Самаре и на Саратове воеводы прежние*»⁴³. Скорее всего, эта запись указывает, что Андрей Наумов оставался воеводой Саратова в 1633 г.

К сожалению, к настоящему времени не обнаружено ни одного документа за 1633 г., адресованного воеводе Саратова Степану Чемесову (и, вообще, какому-либо воеводе Саратова), аналогичного царской грамоте от 26 декабря 1631 г., или отписке воеводы Григория ФеофилаТЬева из Саратова от 11 января 1635 г. Однако, учитывая расстояние от Москвы до Саратова, а также то, что уже летом следующего 1634 г. мы видим Степана

Чемесова снова в Москве, трудно согласиться с мнением А. А. Гераклитова о вторичном воеводстве Степана Чемесова в Саратове в 1633 г.

2 июля 1634 г. уже после завершения Смоленской войны и подписания Поляновского мира с Польшей Степан Чемесов вместе с пятью другими дворянами был назначен приставом для «провождения неметцких полковников». По-видимому, здесь речь идет об иноземных командирах полков, которые после капитуляции армии Шеина под Смоленском не перешли на службу польскому королю, а остались верны Михаилу Романову. После завершения боевых действий они, получив расчет у русского правительства, вернулись на родину. Среди иноземных полковников русские источники упоминают шотландца Александра Лесли (остался служить в России), Индрика Фандама (голландец Генрих Фандам), Юрия Матусова (Юрий Матисон), Фалентина Росформа (Валентин Росформ), Копияса Улжина (Тобиаш Унзин, умер во время осады), Самойла Шарля (Самуил Карл Дезберт), Вилима Кита, Ганса Фукса⁴⁴.

В 1635 г. Степан Чемесов упомянут среди объезжих голов в Москве, которые следили за порядком на улицах столицы, «для огней и для всякого береженья». В указе царя от 12 апреля 1635 г. зона ответственности Степана Чемесова определялась «за Каменным городом... от Тверские улицы по Устретенскую улицу» (от Тверской до Сретенской улицы). Рядом «от Зачатейского монастыря по Тверскую улицу» в списке указан брат Степана Илья Чемесов. Аналогичная запись содержится в царском указе от осени 1635 г.⁴⁵ Слишком частые упоминания Тверских ворот, Тверской улицы наводят на предположение, что Степан Чемесов имел двор в Москве именно в этом районе, на северо-западе Москвы.

Последний раз Степан Чемесов упомянут в числе лиц, бывших 15 августа 1639 г. «у стола государева». Эта фраза В. Симанского верна лишь отчасти. Фактически 15 августа 1639 г. на праздник Успения пресвятой Богородицы Степан Чемесов по государеву указу был у патриарха Иоасафа у стола, а не у царского стола (тихого «недерзновенного» Иоасафа, в отличие от его предшественника Филарета, можно именовать государем лишь условно). Степан Чемесов записан последним среди 17 московских дворян, приглашенных к столу патриарха⁴⁶. Вскоре он умер (по мнению А. А. Гераклитова – после 1640 г.).

О семье Степана Чемесова и его потомках сведений пока не обнаружено. Возможно, эта ветвь Чемесовых вскоре пресеклась.

Примечания

- ¹ Чекалин Ф. Ф. Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. Саратов, 1892. С. 80.
- ² Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф. Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Вып. 1. Саратов, 1893. С. 25.

- 3 Барсуков А. П. Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902. С. 592.
- 4 Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 65.
- 5 Симанский В. Чемесов, Степан Васильевич // Русский биографический словарь Чаадаев – Швитков. Издан под наблюдением А. А. Половцова. СПб., 1905 (репринт. М., 2000). С. 142.
- 6 Осипов В. А. Саратовское Поволжье в XVI–XVII вв. // Очерки истории Саратовского Поволжья. Т. 1 : С древнейших времен до отмены крепостного права / под ред. И. В. Пороха. Саратов, 1993. С. 40; Касович А. С. Саратов левобережный // Четыре века : сб. статей, посвящ. 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 25.
- 7 Семенов В. Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 34.
- 8 Арзамасские поместные акты (1578–1618) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1916. Кн. 1 (М., 1916). С. 24, 214, 291–292, 531.
- 9 Приходно-расходная книга Разряда 123 г. : Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1912. Т. 28. Стб. 308–309.
- 10 Роспись городов, в которые посланы дворяне и дети боярские для шубного сбора. 1611, конец августа // Акты подмосковных ополчений и земского собора 1611–1613 гг. / собрал С. Б. Веселовский // ЧОИДР. 1911. Кн. 4 (М., 1911). № 18. С. 24. См. также: Роспись городов, в которые посланы вторые грамоты о немедленном сборе шуб. 1611, 3 октября // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 33. С. 42.
- 11 Новый летописец // ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 128. Скрынников Р. Г. Минин и Пожарский : Хроника Смутного времени. М., 1981. С. 298.
- 12 Станиславский А. Л. Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 94–95.
- 13 Белокуров С. А. Разрядные записи за Смутное время // ЧОИДР. 1907. Кн. 3. С. 112 (Степан Васильев сын Чемесов), 260, 264 (просто Степан Чемесов, без отчества).
- 14 Роспись городов Владимирской чети, в которые посланы грамоты от государя и от властей о денежных доходах и о пушечных запасах. 1613, начало марта // ЧОИДР. 1911. Кн. 4. № 110. С. 132.
- 15 Разрядная книга 1613–1614 гг. // Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 255.
- 16 Царская грамота об освобождении слуг и крестьян Иосифова Волоколамского монастыря от службы ратной. 1614, апреля 16 // ААЭ. СПб., 1836. Т. 3, № 33. С. 70–71.
- 17 Приходно-расходная книга Разряда 123 г. // РИБ. Т. 28. Стб. 309. Симанский В. Чемесов, Степан Васильевич. С. 142.
- 18 Станиславский А. Л. Гражданская война в России... С. 130–137.
- 19 Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии : в 4 т. (далее – ДР). Т. 1. Стб. 244.
- 20 ДР. Т. 1. Стб. 244 ; Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 2. С. 288.
- 21 Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР) : в 2 т. СПб., 1853. Т. 1 (1614–1627). Стб. 402; ДР. Т. 1. Стб. 294.
- 22 Книга сеунчей 1613–1619 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Кн. 1. М. ; Варшава, 1995. С. 19–98.
- 23 Там же. С. 92.
- 24 Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 2. С. 306.
- 25 Расходная книга Устюжской чети 127 г. // Приходно-расходные книги московских приказов. Кн. 1 // РИБ. СПб., 1912. Т. 28. Стб. 689.
- 26 ДР. Т. 1. Стб. 645.
- 27 Там же. Стб. 735; КР. Т. 1. Стб. 1120.
- 28 КР. Т. 1. Стб. 1086–1087.
- 29 Там же. Стб. 1179.
- 30 ДР. Т. 1. Стб. 845–846; КР. Т. 1. Стб. 1227.
- 31 ДР. Т. 1. Стб. 875.
- 32 Записная книга Московского стола. 1626/1627 г. // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 508.
- 33 Дворцовые разряды... СПб., 1851. Т. 2. Стб. 43.
- 34 Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 2. С. 350.
- 35 Гераклитов А. А. Список Саратовских и Царицынских воевод. С. 65.
- 36 Книги разрядные... СПб., 1855. Т. 2. Стб. 288.
- 37 Там же.
- 38 КР. Т. 2. Стб. 353–360.
- 39 Грамота из приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе Степану Васильевичу Чемесову о пожаловании Новоспасского монастыря архимандриту Иосифу с братьею рыбных ловель на оброк в саратовских иргизских водах. Москва. 1631 г., декабря 26 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. С. 439–441.
- 40 КР. Т. 2. Стб. 687.
- 41 Разрядная книга 1550–1636 гг. М., 1976. Т. 2, вып. 2. С. 371.
- 42 ДР. Т. 2. Стб. 338, 449.
- 43 Разрядная книга 1550–1636. Т. 2, вып. 2. М., 1976. С. 375.
- 44 Записные книги Московского стола. 1633, сентябрь – 1634, август // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 561, 575–576.
- 45 ДР. Т. 2. Стб. 449, 484.
- 46 Записные книги Московского стола 1636–1663 г. : Записная книга Московского стола 7145 г. // РИБ. СПб., 1886. Т. 10. С. 190.

УДК 94(47).08

ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА В КАЛМЫКИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

М. С. Горяев

Калмыцкий государственный университет, Элиста
E-mail: mergengoryaev@mail.ru

Автор статьи рассматривает установившуюся с середины XIX в. попечительскую систему управления Калмыкией, которая являлась отражением политики правительства, направленной на замену национальных органов власти унифицированными общеимперскими органами власти и управления. Делается вывод, что производимые затем во второй половине XIX – начале XX в. преобразования не являлись коренной перестройкой, представляли собой продолжение и развитие государственных традиций в управлении инородцами.

Ключевые слова: российское правительство, попечительская система, Управление калмыцким народом, Главный попечитель калмыцкого народа, нойон, зайсанг, улусный попечитель, аймачный старшина.

Russian Government Policy in Kalmykia in the Second Half XIX – Early XX Century

M. S. Goryaev

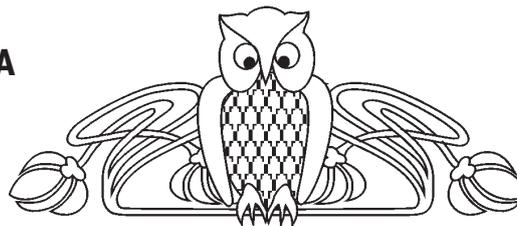
The author considers the trustee system of Kalmykia management that was formed since the mid XIX century. It was a reflection of the Government's policy that was directed to replace national authorities by unified empire-wide authority and control. It is concluded that the produced then in the second half of the XIX – early XX century transformation isn't the radical reconstruction and was the continuation and development of state traditions in the non-Russian management.

Key words: Russian government, trustee system, management of the Kalmyk people, chief trustee of the Kalmyk people, noyon, zaisang, ulus trustee aimak foreman.

Во второй половине XVII в. на юге России в Северном Прикаспии было образовано Калмыцкое ханство, находившееся в вассальной зависимости от Российской империи. На развитии политического курса российского правительства в Калмыкии отразилась его политика, проводившаяся и по отношению ко всем другим народам, которые в разное время вливались в систему российской государственности.

Калмыки были причислены к так называемым «инородцам», к которым относилось неоседлое население страны. Кочевники-инородцы не были полноправными гражданами империи, их права были ограничены, но, с другой стороны, их обязанности были также незначительны, к тому же они имели определенные права самоуправления¹.

Включение в состав России территорий с иноязычным населением ставило перед властью проблему интеграции его в общую правовую

и административную систему. Официальных документов, формулировавших принципы национальной политики царизма в целом, не существовало, поскольку она формулировалась всегда применительно к конкретным конфессиям и народам на том или ином этапе. Однако выявление общих закономерностей ее развития, по мнению В. С. Дякина, вполне возможно².

Б. Н. Мироновым выделены три основных принципа национальной политики Российского государства по отношению к принявшим российское подданство (или присоединенным) народам. Первый заключался в сохранении на инкорпорированных территориях существовавшего ранее административного порядка, местных законов и учреждений, отношений земельной собственности, верований, языка и культуры. Вторым принципом являлось широкое сотрудничество центрального правительства с нерусскими элитами, получавшими в большинстве своем права русского дворянства, что облегчало управление данными территориями. Третий состоял в создании некоторых преимуществ в правовом положении нерусских по сравнению с русским населением³.

А. Каппелер также отмечал, что если «нерусские элиты проявляли лояльность к государю и обеспечивали социально-политическую стабильность в своих регионах, их принимали в качестве партнеров. Правительство сотрудничало с ними, гарантировало сохранение их привилегий и придерживалось проверенной практики гибкого прагматизма и толерантности»⁴.

На наш взгляд, соблюдение этих принципов прослеживается в политике правительства Калмыкии. В первое время после добровольного вхождения калмыков в состав Российского государства в образовавшемся Калмыцком ханстве существовали традиционная административно-территориальная организация, собственные законы («Ик Цааджи»), общественные отношения, быт, уклад, обычаи, религия, язык и культура.

Впоследствии, в условиях российской действительности, они не устранялись, а видоизменялись в соответствии с новыми потребностями. Можно отметить соблюдение и второго принципа национальной политики России. Сохранение привилегированного положения калмыцкой элиты было продиктовано потребностью в наличии своеобразного буфера между центром и народом, что позволяло обеспечивать мобилизацию необходимых ресурсов, в частности мобилизацию калмыцкой конницы для защиты южных и юго-

западных границ России. В правовом положении у калмыков по сравнению с русским населением были некоторые преимущества: так, накануне реформы 1892 г. они не облагались казенными сборами, не несли военной службы (за исключением калмыков-казаков) и т. д.

Административно-политический курс правительства в Калмыкии в целом соответствовал национальной политике государства и был тесно связан, прежде всего, с вопросом эволюции правительственной политики по отношению к калмыцкой знати. Так, лояльность последней и сотрудничество с ней обусловили первоначальное невмешательство центральной власти в существовавшие в калмыцком обществе социальные отношения. Однако затем в поисках оптимального режима отношений с местной знатью правительство стало балансировать между двумя противоположными политическими векторами. С одной стороны, оно усиливало традиционные механизмы легитимации и придавало калмыцкой элите дополнительную устойчивость в отношениях с подвластным населением. Характерными актами в данном случае являются манифест от 16 ноября 1737 г. и указы от 12 мая 1744 г. и 27 июня 1785 г. С другой стороны, русское правительство встало на путь постепенного ограничения прав калмыцкой знати и подчинения калмыков русской администрации. Это осуществлялось в рамках курса на административную интеграцию национальных окраин в состав империи, который с 1863 г. стал всеобщим и форсированным и был дополнен языково-культурной унификацией в форме русификации.

Одна из причин смены этого курса национальной политики, по мнению Б. Н. Миронова, состояла «в необходимости для современного государства, каким становилась Россия после Великих реформ, унифицировать все части империи в административном, культурном, правовом и социальном смыслах, интегрировать общество по вертикали – через прежние сословные барьеры и по горизонтали – через национально-региональные границы, укрепить связи между всеми частями государственного аппарата независимо от их местоположения и всеми жителями страны независимо от их сословной и национальной принадлежности»⁵.

С точки зрения А. Каппелера, с середины XIX в. определился ряд новых факторов, которые изменили традиционную национальную политику Российского государства: национальные движения нерусских народов, прежде всего поляков; все более возрастающая необходимость модернизации империи; изменения, происходившие в остальной Европе, где была опробована и получила дальнейшее развитие модель этнически единого национального государства. Под их влиянием в российской политике стали усиливаться тенденции к форсированной административной, социальной и культурной интеграции общества.

Правительство все более заметно отклонялось от традиционных образцов уважения существующего статус-кво, кооперации с лояльными элитами и толерантности, сохраняя при этом приоритеты безопасности и государственного единства.

Кроме того, установка на модернизацию России, неизбежную после Крымской войны, была связана с административной систематизацией и унификацией государственного и общественного устройства. Данная модернизация была направлена также против сохранившихся особых прав и привилегий нерусских элит, особенно если эти элиты уже не представляли собой, как это было в XVIII и начале XIX вв., некую модель прогрессивного развития, а, напротив, составляли препятствие для такого прогресса. Поэтому с 60-х гг. XIX в. на первый план начали выдвигаться задачи административной и языково-культурной унификации. Особенно это относится к периоду правления Александра III (1881–1894), которое «характеризуется усилением политической реакции и проведением «защитной модернизации»⁶.

Попытки унифицирования управления Калмыцкой степью осуществлялись постепенно. Одним из свидетельств этого была происходившая на протяжении XIX–начала XX в. передача Калмыкии из одного ведомства в другое. Так, ранее ведение калмыцкими делами Азиатским департаментом Коллегии иностранных дел в определенной мере подчеркивало ее автономность. Со второй четверти XIX столетия калмыки были подчинены Министерству внутренних дел, а с начала 1838 г. – вновь созданному Министерству государственных имуществ.

Одним из тактических приемов в унификационной деятельности правительства было сохранение некоторых национальных институтов, например, Зарго. Было немало сделано для того, чтобы их структуру и деятельность приблизить к соответствующим российским учреждениям. Попытки представителей калмыцких владельцев сохранить независимость и самостоятельность практически постепенно были сведены на нет. Так, проект управления, выработанный ими в 1822 г. на Зинзилинском собрании, был категорически отвергнут правительством, так как противоречил основной линии царской политики: сосредоточить управление Калмыцкой степью в руках российской администрации⁷.

Форма государственного устройства и управления Калмыкией постепенно определилась к началу XIX в. путем назначения особо уполномоченных лиц при калмыцких ханах и наместников ханства. Введение представительства явилось одним из важных моментов в распространении на калмыцкий народ общероссийского государственного порядка и управления.

С первой четверти XIX в. правительство разработало и начало вводить собственную систему управления калмыками, направленную на дальнейшее ограничение политической самосто-

тельности калмыцких феодалов и подчинение их деятельности надзору со стороны чиновников. Этот курс нашел отражение в ряде законодательных актов первой половины XIX в. Первыми из них явились «Правила для управления калмыцким народом» от 10 марта 1825 г., окончательно оформившие институт приставства в Калмыкии. Эта система надзора была заменена попечительской опекой изданными 24 ноября 1834 г. и 23 апреля 1847 г. «Положениями об управлении калмыцким народом».

По словам министра государственных имуществ графа П. Д. Киселева, основная цель Положения 1847 г. состояла в том, чтобы «управление народом сделать проще и по возможности сблизить в правилах и порядке с управлением государственными крестьянами, дабы, таким образом, водворяя между калмыками постепенно русские начала, приуготовить их к слиянию с коренными жителями, подобно другим инородцам»⁸. Тем самым министр выразил основные принципы национальной политики центральной власти по отношению к калмыцкому народу.

По мнению Л. С. Бурчиновой, упразднение Зарго, Ламайского духовного правления, расширение полномочий главного попечителя, замена единоличного управления улусом в лице нойона или правителя коллегиальным органом, предусмотренные данными Положениями, свидетельствовали об ограничении автономных начал в управлении калмыками и постепенном подчинении их правительственной администрации. Очевидны были также попытки ограничить в какой-то мере власть двух ведущих социальных групп калмыцкого общества: владельчества и духовенства⁹.

Следует отметить, что данные Положения примечательны также тем, что затронули многие стороны внутренней жизни калмыцкого общества, которых совершенно не касались Правила 1825 г. Это относилось, во-первых, к принципам наследования улусов. Положение 1834 г. узаконило принцип майората – порядок наследования улуса старшим сыном владельца без его дробления. Во-вторых, был точно и ясно определен круг повинностей в пользу владельцев, определены размер албана, права и обязанности нойонов и зайсангов по управлению улусами и аймаками. Причем отныне, в случае «дурного» поведения, главный попечитель с утверждения губернатора мог отстранить их от управления.

Как заметил В. С. Дякин, тенденция к русификации и «православизации» малочисленных народов наметилась еще при Николае I и стала особенно отчетливой в царствование Александра II¹⁰. Мы также можем отметить, что христианизация была важным направлением правительственной политики в Калмыкии. Так, Положением 1847 г. устанавливались определенные льготы для калмыков, изъявивших желание перейти в православие. Нойоны, зайсанги, принявшие христианскую веру, сохраняли все привилегии, имущество, владения

и подвластных калмыков. В случае если последние также крестились, владельцы имели право передать свои владения в казенное ведомство и ежегодно получать из государственной казны сумму, равную годовому доходу от владений. Если православие принимали только калмыки-простолюдины, то нойоны и зайсанги получали от казны вознаграждение – пятилетнюю сумму дохода по числу семейств. Крещеным калмыкам, приобретавшим статус государственных крестьян, оказывалась финансовая помощь нойоном и из государственной казны на хозяйственное обзаведение – до 15 руб. серебром¹¹.

С этим вопросом было связано другое направление правительственной политики, которому также уделялось большое внимание, а именно: мерам по переводу калмыков на оседлый образ жизни. Сенатор князь П. П. Гагарин, проводивший в 1844 г. ревизию калмыцкого управления, отмечал, что его эффективное преобразование невозможно без перевода калмыков на оседлость, потому что кочевая жизнь порождала их болезни, бедность и отсюда разные противоправные поступки. «Обоседление» калмыков, по его мнению, должно было способствовать росту их благосостояния и приобщению к русской культуре и православной религии, то есть это мероприятие влекло за собой изменения в материальной и духовной сфере. Это в свою очередь давало правительству в будущем возможность привлечь калмыков к государственному налогообложению, неизбежная реорганизация управления также позволяла приблизить их к крестьянам¹².

В связи с окончательным введением Калмыкии в состав Астраханского административно-территориального управления и предпринимавшимися правительством мерами по переводу калмыков на оседлый образ жизни был определен статус земель, отведенных калмыкам для кочевий. Положением 1847 г. территория, занимаемая калмыками, была отнесена к казенным землям, находившимся в ведении Министерства государственного имущества, «состоящим у них на правах общего пользования». На отведенных землях разрешалось строить стационарные хозяйства, дома, фабрики, заводы, разводить леса, сады, огороды, заниматься хлебопашеством.

Изданный годом ранее указ от 30 декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях Астраханской губернии», сыгравший определяющую роль в развитии переселенческой деревни Калмыцкой степи, предусматривал создание 44 станиц у дорог, пролегавших через калмыцкие кочевья, в которых могли быть поселены по добровольному согласию калмыки всех сословий.

Однако на деле процессы христианизации и перевода калмыков на оседлость осуществлялись медленно и часто сопровождалась сопротивлением и конфликтами. Нойоны и зайсанги порой вместе с духовенством препятствовали переходу подвластных в другую веру и к другому образу

жизни. Как указывается в статье, опубликованной в «Астраханских епархиальных ведомостях» за 1893 г., «особенно сильным и удобным орудием против обратившихся в христианство калмыков был улусный суд (зарго), действовавший по обычному праву калмыков. Так как и председатель, и большинство его членов были калмыцкие буддисты, то решения суда часто были несправедливы и пристрастны по отношению к калмыкам-христианам. ... Русские власти в подобных случаях часто оказывались бессильными...»¹³

Все члены Комиссий и чиновники, участвовавшие в подготовке проектов преобразований в Калмыцкой степи в 60–80-е гг. XIX в., единогласно высказывались за необходимость и неотложность ликвидации обязательных отношений в калмыцком обществе, рассматривавшейся как естественное и закономерное следствие реформы 1861 г. Отмена обязательных отношений сама по себе не могла быть каким-то обособленным событием, она влекла за собой необходимость реорганизации существовавшей системы управления, судопроизводства, налогообложения, а также, что особенно важно, решение вопроса о землепользовании и землевладении в Калмыцкой степи. При рассмотрении проектов было уделено большое внимание проблеме административного деления и устройства системы управления калмыками. Предлагались различные варианты территориального деления калмыцкого населения: вариации традиционной улусно-аймачной системы, новые административные и общественные единицы – стойбища, участки, уезды и т. д. Обсуждались разные проекты будущей системы управления: сохранение попечительской или организация новой, создание переходных временных органов или новых должностей.

Управление калмыцким народом (далее – УКН) придавало большое значение проведению мероприятий по реорганизации местного управления. Предписание Главного попечителя калмыцкого народа от 27 мая 1892 г. за № 2718 обязанности по управлению и председательствованию в улусных судах возлагало на улусных попечителей, их помощников и заведующих отдельными частями улусов.

Поскольку нерешенность вопроса о землепользовании в калмыцких улусах приводила к некоторой неопределенности в системе управления, то улусные попечители вынуждены были искать пути выхода из сложившейся ситуации. Так, осенью 1892 г. исполняющий обязанности попечителя Александровского улуса предложил при распределении на улусном сходе земель и угодий между аймаками и хотонами принимать во внимание не тот фиктивный аймак или хотон, существовавший на бумаге, в котором были старшина и староста, а понимать под аймаком сосредоточенное в данное время на определенной территории известное число кибиток. Предполагалось выделить в этот новый аймак от 150 до 200 кибиток и разделить

его на 10 хотонов, а уже этому новому хотону предоставить право избирать себе старшину и старосту¹⁴. Целью этого нового устройства был скорейший подрыв влияния родовых зайсангов и упорядочение землепользования и распределения общественных должностей. Но из-за отсутствия средств в общественном калмыцком капитале этот план так и не был осуществлен¹⁵.

Через улусных попечителей нойонам-улусовладельцам и родовым зайсангам объявлялось об освобождении их от обязанностей по управлению улусами и аймаками. Обязанности по управлению аймаками поручались аймачным старшинам, для избрания которых следовало созвать аймачные сходы, а затем списки избранных кандидатов доставить в УКН для представления на утверждение губернатора¹⁶.

17 июня 1892 г. В. Башкиров издал приказ № 307 о том, что правители улусов: Багацохуровского – зайсанг Церен Онкоров, Яндыко-Мочажного – зайсанг Эльзете Оргечкиев, Харахусовского – зайсанг Ванька Леджинов, Эркетеневского – зайсанг Басанг Убушиев и управляющий Икицохуровского улуса – зайсанг Ниме Натыров оставлены «на общем основании за штатом с 1 июня 1892 г. с производством им заштатного содержания, согласно приложения ст. 177 Устава о службе граждан, изданной 1876 г., из остатков сметных сумм, назначенных на расходы по калмыцкому управлению». Опекун Александровского улуса нойон Батыка Тюмень с 1 июня 1892 г. считался освобожденным от обязанностей по управлению улусом¹⁷.

Бывшие улусовладельцы и аймачные зайсанги давали улусным попечителям подписки в том, что им было объявлено предписание Главного попечителя калмыцкого народа от 27 мая за № 2718 об освобождении их от обязанностей по управлению улусами и аймаками¹⁸. Зайсанги, занимавшие ранее должности правителей улусов, также давали подписку об оставлении их за штатом¹⁹. Все эти подписки улусные попечители представляли в УКН.

В июне – сентябре 1892 г. для замены в делах управления бывших родовых зайсангов руководителями улусных управлений были собраны аймачные сходы калмыков, на которых избирались аймачные старшины и к ним два кандидата. Все приговоры аймачных сходов были представлены в УКН. С согласия астраханского губернатора Главный попечитель калмыцкого народа в июле – октябре 1892 г. утвердил в должности более 140 аймачных старшин. При этом среди них было около 38 зайсангов и 2 мелкопоместных владельца²⁰.

7 февраля 1894 г. «по Высочайшему повелению были установлены должностные знаки для аймачных старшин калмыков Астраханской губернии», которые они должны были носить при исполнении служебных обязанностей. И уже летом этого же года УКН разослало эти знаки всем улусным попечителям с предписанием выдать ай-

мачным старшинам. Однако затем В. А. Башкиров приостановил их раздачу, решив лично осуществить «возложение высочайше утвержденных должностных знаков на аймачных старшин», что и было сделано им осенью 1894 г.²¹

Кроме того, вместе с должностными знаками выборные калмыцкие представители получили утвержденную Главным попечителем калмыцкого народа «Инструкцию аймачным старшинам и хотонным старостам» от 15 сентября 1894 г. Согласно ей аймачные старшины наделялись рядом административных функций: они должны были «объявлять по предписаниям улусных попечителей или заведующих отдельными частями улусов законы и распоряжения Правительства»; доносить улусному попечителю обо всех происшествиях в аймаке (пожарах, наводнениях, болезнях, преступлениях и т. п.); принимать «первоначальные меры к прекращению дальнейшего распространения болезней»; «наблюдать, чтобы калмыки не вступали ни в какие сделки по земельным вопросам с посторонними лицами...»²²

На них была возложена обязанность по выдаче удостоверений калмыкам, отлучающимся на заработки или по другим делам за пределы своего улуса. По этим удостоверениям улусные попечители или заведующие отдельными частями улусов выдавали свидетельства на кратковременную отлучку (не более 1 месяца) и билеты для найма в работы (на полгода). Еще они должны были выдавать удостоверения на скот, отправляемый из аймака, о том, что он направляется из «благоприятной местности», то есть не страдающей от эпизоотий.

Аймачные старшины обязаны были обеспечивать исправное исполнение денежных и натуральных повинностей: оказывать демчегам «всевозможное содействие во взыскании с калмыков казенных и мирских сборов», «уклоняющихся от уплаты сборов, а также не имеющих средств к уплате таковых» отдавать в работы до полного платежа. При этом им также поручалось наблюдение, чтобы демчеи выдавали калмыкам квитанции о получении с них денег²³.

Помимо всего этого на аймачных старшин возлагалось исполнение некоторых обязанностей полицейского характера: охранять «благочиние и безопасность лиц и имуществ от преступных действий...»; задерживать бродяг и беглых; не допускать продажи калмыкам алкоголя. Для поддержания в аймаке порядка, тишины и спокойствия старшины должны были «как можно чаще разъезжать по своим аймакам».

Также они обязаны были оказывать содействие различным должностным лицам: демчегам – во взимании сборов, рассыльным улусных правлений – в исполнении данных им поручений, полицейским стражникам – в предъявлении калмыкам судебных повесток или в их приводе²⁴.

При этом были и некоторые ограничения их деятельности. Например, им запрещалось

отлучаться за пределы улуса без разрешения начальства, собирать без разрешения главного попечителя аймачные сходы и составлять на них какие-либо приговоры, прошения, жалобы. Потому что на улусных и аймачных сходах могли обсуждаться только те вопросы, которые предложат улусное управление или попечитель улуса, другие вопросы без разрешения обсуждаться не могли.

Ближайшими помощниками аймачных старшин по управлению хотонами были хотонные старосты, которые должны были во всем им подчиняться и исполнять «все их законные требования». Старостам запрещалось «непосредственное сношение с улусным начальством по делам своего хотона»²⁵.

Дальнейшим шагом в приближении системы управления калмыками к общероссийской стала передача с 1897 г. функций главного попечителя калмыцкого народа астраханскому губернатору. При Астраханском губернском правлении было образовано Главное управление калмыцким народом, представлявшее собой особую канцелярию губернатора по калмыцким делам, её возглавлял заведующий калмыцким народом. Ему подчинялись улусные попечители и управления, получавшие указания, инструкции, отношения, к тому же они утверждали приговоры органов самоуправления Калмыцкой степи.

Изданием каждого последующего акта конкретизировались и дополнялись основные принципы административного управления калмыками, уточнялись и усложнялись правомочия чиновников управления. Реформа 1892 г. стала очередным шагом в этой политике. Отменив владельческие права калмыцких феодалов, правительство отстранило их от управления улусами и аймаками. С передачей их функций улусным попечителям объем полномочий и власти последних значительно увеличился. Последующими мероприятиями существовавшая попечительская система управления была усилена, но в остальном, во внешнем оформлении, не претерпела сильных изменений.

После проведения реформы начал осуществляться перевод Калмыцкой степи в ведение Министерства внутренних дел. К началу 1894 г. часть УКН была передана соответствующей части Астраханского губернского правления, улусные школы и Астраханское калмыцкое училище были подчинены надзору инспекции народных училищ губернии, под контроль губернского прокурора были поставлены помощники улусных попечителей по судебнo-следственным делам, губернские контрольные учреждения стали ревизовать общественный калмыцкий капитал. Эти меры завершил закон 23 декабря 1902 г. о передаче управления калмыками из Министерства земледелия и государственных имуществ в ведение земского отдела МВД. В результате УКН перешло в полное подчинение Астраханского губернского правления, и была ликвидирована двойственность управления калмыцким народом²⁶.

Так как последним признаком административной автономии оставалось традиционное деление на улусы, аймаки и хотоны, правительство начало предпринимать шаги по их упразднению и разрабатывать соответствующие проекты введения в Калмыкии общероссийского сельского административного деления.

В 1904 г. был рассмотрен разработанный в Министерстве внутренних дел проект преобразования Большедербетовского улуса Ставропольской губернии в 6-й земской участок Медвежинского уезда с введением общего для сельского населения России административного деления и общих крестьянских установлений. Несмотря на поддержку некоторых представителей привилегированных слоев калмыцкого населения улуса, он не был реализован. А. Н. Команджаев приводит несколько причин этого: революционные события 1905–1907 гг., необходимость пересмотра самого общего положения о крестьянах, радикальность проекта (отсутствие учета национальных, хозяйственных и других особенностей калмыков улуса), который вызывал отрицательное отношение остальной части населения²⁷.

Административное переустройство предполагалось осуществить и в Калмыцкой степи Астраханской губернии. С этой целью был разработан проект о преобразовании ее в Павловский уезд с центром в поселке Яшкуль или селе Элиста (с переименованием в г. Павловск). В 1910 г. он был утвержден в МВД для последующего внесения в законодательные инстанции, но его реализация сначала затянулась в связи с решением вопроса о будущем уездном центре. Выбор был остановлен на селе Элиста, в пользу которого говорили географическое расположение в центральной части степи и большая развитость в селе сети торгово-промышленных заведений, в том числе проведение здесь крупной ярмарки. Однако затем в силу разных причин правительство вынуждено было ограничиться проведением административной реформы 1910 г.²⁸

Следует заметить, что вопросу о преобразовании административного устройства Калмыкии уделялось большое внимание в проектах всех Комиссий и Главных попечителей, занимавшихся подготовкой реформы 1892 г. Предлагались различные варианты, например, отменить улусно-аймачное деление или преобразовать ее путем создания численно или территориально определенных единиц. Так, К. И. Костенков являлся сторонником замены аймаков родами, что, в сущности, было направлено против сословия зайсангов, которое Главным попечитель планировал постепенно уничтожить²⁹.

В 1905 г. на улусных сходах было принято решение о соединении аймаков, однако, как признала затем администрация, «предположения эти... не получили дальнейшего развития ввиду предполагавшейся тогда общей реформы управления в Калмыцкой степи». Этот вопрос позднее

поднимался на съезде улусных попечителей в 1908 г., на котором было принято решение ходатайствовать об изменении административного деления Калмыкии из-за сложности управления большим количеством мелких аймаков и хотонов, произошедших внутренних миграционных процессов и т. д. В решении, в частности, отмечалось, что «аймаки сами между собою стали группироваться из кибиток, связанных общностью интересов, и состав прежних административных аймаков распался...»³⁰.

С 1 января 1910 г. вместо 198 существовавших ранее аймаков, в которых насчитывалось 772 хотона, были образованы 43 аймака с 180 хотонами. При этом количество улусов и их границы остались прежними. Аймаки и хотоны были укрупнены и приравнены к волостям и селам соответственно и теперь они строились по территориальному признаку и количественному составу населения (в аймаке было до 2000 кибиток-семей). Таким образом, административная реформа 1910 г. унифицировала по статусу и в правах аймаки и хотоны Калмыкии с низовыми административно-территориальными единицами страны³¹.

Другим итогом данной реформы было сокращение управленческого аппарата: до 1910 г. на 142 тыс. человек, или на 31 372 кибитки, приходилось чиновников различного уровня 13 231 чел., то есть 1 чиновник на 110 человек. Теперь же численность должностных лиц (прежде всего, на уровне хотонов и аймаков) значительно сократилась и соответственно несколько уменьшилась сумма налогов на общественное управление³².

Во второй половине XIX в. управление калмыцким народом осуществлялось в рамках административной системы, созданной в первой половине столетия на основе вышеупомянутых законов и получившей название «попечительской системы». Она отражала стремление правительства заменить национальные органы власти унифицированными общеимперскими органами власти и управления.

По мнению К. Н. Максимова, осуществление попечительства было направлено на усовершенствование жизни и быта, правового положения сословий, социальных групп населения, чтобы ускорить их вхождение, интеграцию в социальную структуру российского общества. Особое внимание было уделено внедрению усовершенствованных методов хозяйствования, развитию новых отраслей хозяйства, земледелия, культуры, образования. Однако все эти мероприятия проводились за счет средств прежде всего фонда общественного капитала. Они были рассчитаны на увеличение доходов от калмыцкой экономики, формирование опоры царизма из числа местной феодальной верхушки, преодоление национальных особенностей калмыков в составе населения России³³. Фактически попечительство превратилось в строгую систему государственной опеки

над калмыками через центральные и местные государственные органы, законодательство, религию путем бюрократизации и монополизации управления и контроля, регламентации всей сферы жизни калмыков. Усиление в России бюрократического централизма с первой половины XIX в. сказалось и на устройстве управления Калмыкии.

Несмотря на осуществление в стране крупных преобразований 60–70-х гг. XIX в., система управления Калмыкии, установленная к середине столетия, и ее взаимоотношения с центральными и губернскими органами власти оставались длительное время почти без изменений. Однако происходившие в России процессы вынуждали правительство приступить к проведению реформ в Калмыцкой степи, в том числе и реорганизации управления. Последнее, кроме прочего, было составной частью и следствием ликвидации владельческих прав калмыцких нойонов и зайсангов, необходимость которой стала очевидной после 1861 г., но была осуществлена лишь в 1892 г.

Согласно закону от 16 марта 1892 г. система управления Калмыкией считалась временной. Калмыки оставались в ведении Министерства государственных имуществ. До проведения основных реформ в бывших владельческих улусах устанавливалось такое же управление, что и в казенных: управленческие функции нойонов передавались улусным попечителям, а зайсангов – выборным аймачным старшинам.

Эта замена в управлении улусами и аймаками была проведена в мае – июне 1892 г. Обязанности по председательствованию в улусных судах, лежавшие ранее на нойонах-улусовладельцах и улусных правителях, были возложены на улусных попечителей, их помощников и заведующих отдельными частями улусов. Ряд улусных правителей был оставлен «на общем основании за штатом с 1 июня 1892 г. с производством им заштатного содержания». Бывшие улусовладельцы и аймачные зайсанги давали улусным попечителям подписки в том, что им было объявлено предписание главного попечителя калмыцкого народа об освобождении их от обязанностей по управлению улусами и аймаками.

В июне – сентябре 1892 г. для замены в делах управления бывших родовых зайсангов руководителями улусных управлений были собраны аймачные сходы калмыков, на которых избирались аймачные старшины и к ним два кандидата. В июле – октябре с согласия астраханского губернатора главный попечитель В. А. Башкиров утвердил в должности более 140 аймачных старшин. Следует обратить внимание на тот факт, что среди них было лишь около 38 зайсангов и 2 мелкопоместных владельца, большинство же составляли калмыки-простолюдины.

На наш взгляд, следует согласиться с К. Н. Максимовым в том, что законом от 16 марта 1892 г. Калмыкия была интегрирована в губернское и общероссийское внутреннее устройство.

Итак, установившаяся с середины XIX в. попечительская система управления Калмыкией являлась отражением политики правительства, направленной на замену национальных органов власти унифицированными общеимперскими органами власти и управления, а также на ограничение прав калмыцких привилегированных сословий. Производимые затем во второй половине XIX – начале XX в. преобразования не являлись коренной перестройкой, представляли собой продолжение и развитие государственных традиций в управлении инородцами.

Примечания

- ¹ *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад. М., 2002. С. 47–50.
- ² *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 131.
- ³ *Мионов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII–XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 30–31.
- ⁴ *Каппелер А.* Указ. соч. С. 183.
- ⁵ *Мионов Б. Н.* Указ. соч. С. 37–41.
- ⁶ *Каппелер А.* Указ. соч. С. 183, 190, 197, 205.
- ⁷ *Чужжинов А. А.* К вопросу о превращении Калмыкии во внутреннюю провинцию Российской империи (первая половина XIX в.) // Из истории докапиталистических и капиталистических отношений в Калмыкии. Элиста, 1977. С. 57–58.
- ⁸ Цит. по: *Наберухин А. И.* Калмыкия в трех революциях. Элиста, 1987. С. 14.
- ⁹ *Бурчинова Л. С.* Из истории управления калмыцким народом (XIX век) // Труды молодых ученых. Вып. 3. Серия истории и филологии. Элиста, 1973. С. 65–66.
- ¹⁰ *Дякин В. С.* Указ. соч. С. 135.
- ¹¹ Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. Собр. 2-е (1825–1881). Т. XXII. 1847 г. СПб., 1848. Отд. 1. № 21144. С. 352–354.
- ¹² *Белоусов С. С.* Разработка государственной программы заселения территорий вдоль дорог на калмыцких землях Астраханской и Ставропольской губерний в первой половине XIX в. // Россия сельская. XIX–начало XX века / отв. ред. А. П. Корелин. М., 2004. С. 80.
- ¹³ Астраханские епархиальные ведомости. 1893. С. 344.
- ¹⁴ Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. 9. Оп. 5. Д. 640. Л. 3–3 об.
- ¹⁵ *Деев С. Ю.* Подготовка и проведение реформы 1892 г. // Вестник КИГИ РАН. Элиста, 2003. С. 191.
- ¹⁶ НА РК. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 17–18.
- ¹⁷ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 114. Л. 14.
- ¹⁸ Там же. Оп. 5. Д. 452. Л. 73–76; Ф. 9. Оп. 5. Д. 427. Л. 12–15, 34–41, 142–154.
- ¹⁹ Там же. Д. 427. Л. 25–26.
- ²⁰ Там же. Ф. 9. Оп. 1. Д. 114. Л. 23–26, 34–35, 39–43.
- ²¹ Там же. Ф. 24. Оп. 1. Д. 126. Л. 75–79.

- ²² НА РК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 52. Л. 252–257; Ф. 15. Оп. 4. Д. 15. Л. 4–6.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Полное собрание законов Российской империи : в 33 т. Собр 3-е (1881–1913). Т. XXII. 1902 г. СПб., 1904. Отд. 2. № 22323.
- ²⁷ Команджаев А. Н. Хозяйство и социальные отношения в Калмыкии в конце XIX – начале XX вв. Элиста, 1999. С. 59–60.
- ²⁸ Там же. С. 55–56.
- ²⁹ Деев С. Ю. Проекты общественного, административного и судебного устройства калмыков Астраханской губернии (1860–1882 гг.) // Вестник КИСЭПИ. № 1. Элиста, 2003. С. 168.
- ³⁰ Команджаев А. Н. Указ. соч. С. 56.
- ³¹ Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. Т. 1. М., 1967. С. 369.
- ³² Команджаев А. Н. Указ. соч. С. 57.
- ³³ Максимов К. Н. Калмыкия в национальной политике, системе власти и управления России. М., 2002. С. 200–201.

УДК 94 (470.44–25). 083

СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ О ПЕРВОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕМОНСТРАЦИИ В САРАТОВЕ

Н. А. Троицкий

Саратовский государственный университет
E-mail: izdat@sgu.ru

В статье исследуется громкий судебный процесс по делу о первой в Саратове уличной политической демонстрации 6 мая 1902 г. – характер, особенности (политические, юридические, нравственные) и значение демонстрации и суда над демонстрантами.

Ключевые слова: демонстрация, суд, обвинение, адвокатура, приговор.

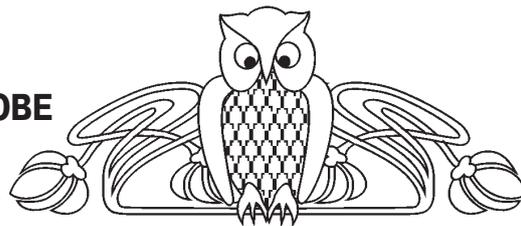
The Trial of the First Political Demonstration in Saratov

N. A. Troitsky

The article investigates a loud trial of the first in Saratov political street demonstration of the May 6, 1902 – the nature, characteristics (political, legal, moral) and significance of demonstration and trial of the demonstrators.

Key words: demonstration, court, prosecution, advocacy, verdict.

Первая в истории Саратова уличная политическая демонстрация состоялась в воскресенье 6 мая 1902 г. То было время, когда «революции тесно становилось в подполье, и она рвалась на улицу», – вспоминал присяжный поверенный М. Л. Мандельштам, выступавший на суде по делу о саратовской демонстрации¹. Правда, здесь, как и в подобных демонстрациях конца XIX в. (к примеру, Казанской 1876 и Добролюбовской 1886 г. в Петербурге), преобладала интеллигентная молодежь, хотя по всей России уже втягивались в революционную борьбу народные массы. Почему так? – «ведь Саратов считался всегда самым передовым и революционным городом Поволжья»². На этот вопрос М. Л. Мандельштам отвечал веско: «В Саратове тогда пролетариат составлял незначительную горсть населения, а потому не мог осознать своего качества в своем качестве»³.

Как бы то ни было, майская демонстрация в Саратове 1902 г. оказалась политически значимой и повлекла за собой громкий политический процесс. В известном справочнике под редакцией Л. И. Гольдмана сказано, что демонстрация «была организована социалистами-революционерами»⁴. Но, как явствует из текста воззваний, разбросанных перед демонстрацией «в разных концах города», организовала ее «Объединенная группа социал-демократов и социалистов-революционеров»⁵. Демонстрация готовилась заранее, но определяющим толчком к ней послужило известие о казни 3 мая в Шлиссельбургской крепости эсера Степана Балмашева, который был сыном очень уважаемого в общественных кругах Саратова местного революционера-народника В. А. Балмашева⁶. Демонстранты несли четыре флага – три красных и один черный (траурный?) с фамилией Балмашева и надписью белыми буквами: «Вечная память герою»⁷.

Общее количество участников демонстрации не подсчитывалось. В обвинительном акте речь шла об их «публичном шествии толпою» «с целью дерзостного порицания установленного законами образа правления, каковое порицание и было выражено выставлением флагов с революционными надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует народное правление!», разбрасыванием преступного содержания воззваний и пением противоправительственных песен»⁸. Эта «цель» и была инкриминирована каждому из участников «публичного шествия толпою». «Здесь было много, очень много учащейся молодежи, – вспоминал М. Л. Мандельштам, – были выходцы из привилегированных классов, которых вывели на улицу не их классовые интересы, а веления совести и побуждения справедливости»⁹. Среди них

Мандельштам назвал дворянина Дмитрия Штейнберга, дочь статского советника Надежду Архангельскую, выпускника Московского университета Василия Фоминых, ветеринарного врача Ивана Бочкарева, ученицу саратовской фельдшерской школы Полину Бударину, конторщицу Анисью Чубаровскую, рабочих Василия Ефимова и Сергея Фофанова. Здесь же были: еще один (17-летний!) рабочий Петр Воеводин (впоследствии видный деятель КПСС, член ВЦИК 5–6 созывов, Герой Социалистического Труда), фельдшерица Елена Ошанина (дочь члена Исполнительного комитета партии «Народная воля» М. Н. Ошаниной) и поднадзорный студент Казанского университета, приятель Степана Балмашева А. И. Рыков (будущий глава Советского правительства, расстрелянный при И. В. Сталине)¹⁰.

Демонстрация была разогнана полицией с помощью банды черносотенных громил. «Часть демонстрантов удалось загнать во двор дома Рыбкина, где они и были арестованы»¹¹. Суду были преданы 15 человек, в том числе все только что перечисленные, исключая А. И. Рыкова, который был арестован после разгона демонстрации, но освобожден до суда по недостатку улик.

Процесс по делу о демонстрации слушался в Саратовской судебной палате 4–7 ноября 1902 г. Председательствовал на суде шеф палаты А. Б. Арсентьев. Обвинение поддерживал прокурор А. А. Макаров (будущий министр юстиции, расстрелянный в 1918 г. по приговору большевистской ВЧК). Двери суда были закрыты. «Безлюдно (если не считать за людей шнырявших в массе шпионов и полицейских) было на улицах, как безлюдно было в самом зале суда», – свидетельствовали очевидцы¹². В такой обстановке судьи вели дело предвзято и жестко. «Позорно вел себя председатель суда, лишивший подсудимых последнего слова, – читаем в № 29 социал-демократической газеты «Искра» от 1 декабря 1902 г. – Лишь только Фофанов, излагая мотивы своей деятельности, начал речь: «Я социал-демократ...», как сейчас же был прерван председателем: «Мы знаем, что вы социал-демократ!». Ошанина была оборвана председателем после двух-трех фраз. Все это настолько возмутило подсудимых, что Ефимов воскликнул: «Я презираю эту судебную трагикомедию!», а Архангельская резко протестовала против поведения председателя и заявила о своей солидарности с товарищами»¹³.

«Говорить удалось одному только Воеводину, – читаем далее в том же номере «Искры». – Он заявил: «Моя беда – лишь частица общего горя и гнета, которые тяготят над всей рабочей массой. Наши враги – капиталисты, выжимающие из нас соки, царское правительство, всецело стоящее на их стороне и мешающее вести борьбу за наши интересы. Мне, как и всему рабочему классу, не оставалось ничего другого, как выйти на улицу и кричать: “Долой капиталистов! Долой самодержавие!”». Участвуя в демонстрации, я исполнил

свой долг, поэтому требую для себя полного оправдания»¹⁴.

«Такие же демонстративные заявления», как вспоминал об этом М. Л. Мандельштам, сделали на суде С. Фофанов и Е. Ошанина, а В. Ефимов, который ранее «уже дважды привлекался к жандармским дознаниям», здесь «наотрез отказался давать какие бы то ни было показания»¹⁵. Никто из подсудимых не выразил раскаяния за содеянное и не проявил малодушия.

Что касается защиты, то ее поведение на саратовском процессе 1902 г. выше всяких похвал. В Саратов прибыли тогда из разных мест корифеи так называемой «молодой адвокатуры», т. е. второго (после В. Д. Спасовича и Д. В. Стасова, Ф. Н. Плевако и А. И. Урусова, П. А. Александрова и С. А. Андреевского) поколения адвокатов. Кстати, в «молодой» адвокатуре тоже был свой *Александров*: там – Петр Акимович, всемирно прославивший себя защитой Веры Засулич, здесь – Александр Михайлович, стяжавший себе всероссийскую славу защитой лейтенанта П. П. Шмидта. Вместе с А. М. Александровым защищали саратовских демонстрантов 1902 г. адвокаты: уже представленный читателю Михаил Львович Мандельштам – однокурсник по Петербургскому университету А. И. Ульянова (старшего брата В. И. Ленина), член ЦК партии кадетов, в советское время юрисконсульт, ставший жертвой сталинских репрессий; Федор Акимович Волькенштейн – двоюродный брат искусствоведа и драматурга В. М. Волькенштейна и племянник известного адвоката-цивилиста М. Ф. Волькенштейна; Алексей Андреевич Никонов – сын царского адмирала, родной брат народовольца С. А. Никонова, шурин знаменитого адвоката Н. П. Карабчевского; Иван Николаевич Сахаров – дед академика А. Д. Сахарова¹⁶. Местную, саратовскую адвокатуру возглавлял ее признанный лидер Самуил Еремеевич Кальманович, по данным жандармской агентуры, – «человек крайних убеждений»¹⁷ и даже «один из видных деятелей партии социалистов-революционеров»¹⁸.

Главное, что сделали адвокаты на том процессе, – опровергли доказательную базу обвинения. Все они утверждали, что показания свидетелей со стороны суда (сплошь жандармов, филеров и прочих сыщиков, т. е. «лиц, служащих и получающих жалованье, командированных для специальной цели») «представляют собой лишь материал для проверки и не могут рассматриваться в качестве судебного доказательства»¹⁹. В противовес обвинению защита, со своей стороны, вызвала 40 свидетелей, которые уличали сыщиков во лжи. «Нашим свидетелям прокурор не верит: «все это, мол, «дружеские показания», «из хороших чувств», – заявил по этому поводу Ф. А. Волькенштейн. – Ну, раз на то пошло, то позволено и мне сказать: если кому нельзя верить, если кто говорит неправду, так это свидетели господина прокурора. И лгут они из самых низменных чувств»²⁰.

Допрос свидетелей адвокаты умело использовали в интересах своих подзащитных, позволяя себе не только оспорить обвинение, но и посмеяться над ним. «По поводу знамени с надписью «Долой самодержавие!» – вспоминал М. Л. Мандельштам, – на процессе произошла интересная сцена, облетевшая потом всю Россию в качестве анекдота. А между тем этот анекдот сотворился в действительности на моих глазах. С. Е. Кальманович допрашивает свидетеля обвинения, до глубины души оскорбленного в своих монархических чувствах. Свидетель показывает, что он сам читал на флаге революционную надпись.

– Какая же это надпись? – допытывается защитник.

Свидетель молчит. Ему неприятно повторять кощунственные слова. Но Кальманович настаивает на своем вопросе. Приходится отвечать:

– Ну, известная *русская поговорка*...

– Поговорок много, какая же именно? – не унимается защитник. Председатель просит свидетеля не стесняться: на суде можно и должно говорить все.

– *Известная поговорка: долой самодержавие!*»²¹.

Защитники вскрывали юридическую ущербность попыток обвинения квалифицировать саратовскую демонстрацию 1902 г. по ст. 252 российского Уложения о наказаниях. Они напомнили судьям, что ст. 252 карает «составление и распространение письменных или печатных сочинений и произнесение публичных речей с дерзостным попицанием установленного строя», и вопрошали с недоумением, законно ли подгонять под *сочинения* надписи на флагах «Долой самодержавие!», а под *публичные речи* – возгласы из тех же двух слов²².

При этом защитники (А. М. Александров, Ф. А. Волькенштейн, М. Л. Мандельштам) солидаризировались с подсудимыми, выдавая демонстрацию 6 мая за «способ мирной пропаганды научных идей». «Посмотрим, чего хочет, чего добивается русская социал-демократия, – говорил, обращаясь к судьям, Мандельштам. – Прочтем прокламацию: свобода совести, свобода печати, собраний, уравнение в правах всех сословий, всех национальностей. Да разве это все так страшно, так несбыточно? Разве под многими из этих пожеланий не подписались бы вы сами?»²³.

Суд больше внимал прокурору, нежели адвокатам. Тем не менее, пятерых обвиняемых из 15-ти он оправдал²⁴, что, конечно же, следует поставить в заслугу защите. Зато остальным подсудимым был вынесен приговор, несоразмерный по жестокости с их обвинением в «публичном шествии толпою»: 7 человек, включая трех женщин (Василий Ефимов, Сергей Фофанов, Иван Бочкарев, Семен Косович, Елена Ошанина, Анисья Чубаровская, Надежда Архангельская) были наказаны за участие в «публичном шествии» ссылкой в Сибирь и трое (Петр Воеводин, Полина Бударина, Евгения Сарапулова) – разными сроками тюрьмы²⁵.

Защитники обратились в Правительствующий Сенат с кассационной жалобой на неоправданно суровый приговор Саратовской судебной палаты, предложив «уничтожить производство по делу осужденных в Саратове, признанных судебной палатой виновными в таком деянии, которое законом не предусмотрено»²⁶. Сенат постановил «кассационную жалобу оставить без последствий» с такой мотивировкой: «толпа пела песни революционного содержания, и поэтому нельзя указывать, что не было речей»²⁷.

Несмотря на неудачу с кассационной жалобой, адвокаты на саратовском процессе заслужили признание революционных партий. «Защита была поставлена блестяще», – говорилось в «письме из Саратова» на страницах эсеровского издания материалов процесса²⁸. А социал-демократическая «Искра» напечатала письмо одной из осужденных по саратовскому делу о том, что она навсегда запомнит «эти три дня процесса», включая тот день, «когда произносились прекрасные речи защитниками»²⁹.

Первая в Саратове уличная политическая демонстрация 6 мая 1902 г. и судебный процесс ее участников вошли в историю российского освободительного движения как примечательные события с громким общественным резонансом. Дело в том, что с 1901 г. в России возобновились после семилетнего перерыва судебные процессы по политическим делам, но теперь перед судом все чаще оказывались не столько *одиночки-террористы* и члены революционных *объединений*, сколько участники *массовых* политических акций, причем не стихийных, а подготовленных и организованных. До начала революции 1905–1907 гг. самыми значимыми из таких акций были четыре политические демонстрации – три (в Саратове, Сормове, Нижнем Новгороде) 1902 г. и одна (в Ростове-на-Дону) 1903 г. Они совокупно засвидетельствовали, что первая в России революция уже не за горами.

Примечания

- ¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах. Записки защитника. М., 1931. С. 66.
- ² Там же. С. 69.
- ³ Там же.
- ⁴ Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1 (1901–1905). М., 1932. С. 47.
- ⁵ Цит. обвинительный акт по делу о саратовской демонстрации 6 мая 1902 г., опубликованный в кн. : Волькенштейн Ф. А. В дореволюционных судах. Речь защитника. М.; Л., 1924. С. 10.
- ⁶ С. В. Балмашев был казнен за убийство ненавистного в России министра внутренних дел и шефа жандармов Д. С. Сипягина, инициалы которого обыватели расшифровывали так: «Дикая Свинья» (Памяти С. В. Балмашева. Женева, 1902. С. 18).
- ⁷ Обвинительный акт... С. 9.

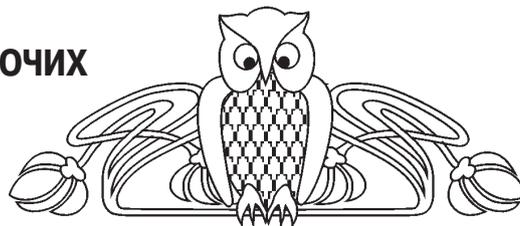
- ⁸ Там же. С. 10.
- ⁹ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 68–70.
- ¹⁰ См.: Революционная Россия. 1903. № 16. С. 6 ; *ГусакOVA З. Е.* Саратовский период биографии А. И. Рыкова // Советские архивы. 1989. № 2.
- ¹¹ Обвинительный акт... С. 9.
- ¹² Из нашей общественной жизни // Искра. Л., 1927. Вып. 4. С. 129.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же. Листовка, опубликованная в «Истории Саратовского края 1590–1917 гг.» (Саратов, 1983. С. 152–153), содержит другую концовку речи П. И. Воеводина, хотя и аналогичную по смыслу.
- ¹⁵ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 70, 74.
- ¹⁶ См. о нем: *Боннэр Елена.* Вольные заметки к родословной Андрея Сахарова. М., 1996 (ук. имен). Подробно обо всех перечисленных адвокатах см.: *Троицкий Н. А.* Адвокатура в России и политические процессы 1866–1904 гг. Тула, 2000 (ук. имен).
- ¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Особый отдел. 1904. Д. 965. Л. 8.
- ¹⁸ ГАСО. Ф. 57. Оп. 1. 1904. Д. 42. Л. 20.
- ¹⁹ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 70–71. С. 75 ; Защита на саратовском процессе // Освобождение. 1903. № 15. С. 254.
- ²⁰ *Волькенштейн Ф. М.* Указ. соч. С. 13.
- ²¹ *Мандельштам М. Л.* Цит. соч. С. 70–71.
- ²² Защита на саратовском процессе // Освобождение. 1903. № 14. С. 219.
- ²³ Там же. С. 222.
- ²⁴ Оправданы были двое мужчин (Василий Фоминых и Дмитрий Штейнберг) и трое женщин : Амалия Григорьева, Варвара Дьякова и Александра Рылова.
- ²⁵ См.: Политические процессы в России 1901–1917 гг. Ч. 1. С. 47.
- ²⁶ Правительствующий Сенат // Право. 1903. № 7. С. 474.
- ²⁷ Там же. № 8. С. 545.
- ²⁸ Демонстранты перед судом. Женева, 1902. С. 20, 21.
- ²⁹ Искра. Вып. 5. С. 31.

УДК 331.45(470.44)(09)

ОХРАНА ЗДОРОВЬЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ РАБОЧИХ САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ В 1953–1985 гг.

А. А. Гуменюк

Саратовский государственный университет
E-mail: GumenukAA@rambler.ru.

В работе анализируются основные направления деятельности государства по организации медицинской помощи рабочим на промышленных предприятиях Саратовской области в период хрущевских и брежневских реформ советского общества. Статья базируется на богатом фактическом материале, извлеченном из архивов, периодической печати, мемуаров.

Ключевые слова: здравпункт, медико-санитарная часть, цеховая медицина, профилактический осмотр, производственная гимнастика, санаторий, заболеваемость, нетрудоспособность, больничный лист, комнаты личной гигиены женщин.

Health's Protection of the Industrial Workers in Saratov Region in 1953–1985 Years

А. А. Gumenyuk

In this article the main state directions of medical care on the industrial factories of Saratov region in period of Khrushchev's and Brezhnev's reforms. Materials on the data of the archives, periodical press and memoirs.

Key words: dispensary, medical sanitary unit, shop's medicine, industrial physical training, sanatorium, morbidity, disablement, sick-leave certificate, personal hygienic women's room.

В начале XXI в. в Российской Федерации стал претворяться в жизнь федеральный национальный проект «Здравоохранение», нацеленный на повышение уровня медицинского обслуживания населения¹. Чтобы этот проект действительно

улучшил положение в отечественной медицине, на наш взгляд, необходимо взять на вооружение опыт преобразований сферы здравоохранения в 1953–1985 гг., главным образом, организации медицинской помощи на промышленных предприятиях. Именно там были достигнуты наибольшие успехи в улучшении здоровья трудящихся. Решить эту задачу более качественно позволяет обращение к провинциальному материалу, в частности Саратовской области, способному создать картину, максимально приближенную к истине. Актуальность темы продиктована и низкой степенью ее изученности. Действительно, данный аспект развития советского здравоохранения в сферу внимания современных российских и зарубежных исследователей только еще входит². Изучался он главным образом советскими историками и врачами³, а также освещался в общих работах по истории советского здравоохранения⁴.

В первые годы советской власти на промышленных предприятиях стали создаваться пункты первой медицинской помощи, преобразованные затем в пункты здравоохранения (здравпункты). Уже в 1940 г. в СССР действовало 9,9 тыс. таких пунктов⁵. В годы Великой Отечественной войны Наркомздрав СССР приступил к созданию медико-санитарных частей (МСЧ) и формированию цеховой системы медицинского обслуживания на предприятиях оборонной промышленности⁶.

В 1946– начале 1953 г. цеховые врачи стали появляться и в других отраслях промышленности. Этот процесс не обошел стороной и Саратовскую область, где в начале 1950-х гг., кроме созданных на крупных предприятиях Саратова и Вольска МСЧ, функционировало 17 врачебных здравпунктов, на 27 предприятиях имелись фельдшерские здравпункты. Однако помещения большинства этих пунктов по площади и санитарно-техническому состоянию не соответствовали существовавшим требованиям. По этой причине, например, врачи здравпункта производственного объединения № 2 Петровского района не могли своевременно проводить рентгеновские обследования заболевших рабочих⁷.

Только на наиболее крупных фабриках и заводах имелись акушерско-гинекологические кабинеты и комнаты личной гигиены женщин. Подростковых кабинетов на предприятиях насчитывалось единицы, отсутствовал и областной методический подростковый кабинет. Поэтому поликлиниками часто нарушалась периодичность медицинских осмотров рабочих, особенно занятых на вредном производстве⁸. Администрация предприятий практически совсем не уделяла внимания устранению сквозняков, налаживанию отопления, оборудованию теплых уборных⁹. Плохое качество обгирочного материала, непроведение его дезинфекции, дефицит умывальников, мыла, полотенец, необеспеченность рабочих спецодеждой (рукавицами), отсутствие защитных ограждений у станков, практика сверхурочных работ, загазованность приводили к высокому уровню заболеваемости кожи (гнойничковые заболевания), невротами, силикозом, ревматизмом, простудой, снижению остроты зрения. Причины высокой заболеваемости рабочих – в отсутствии в фабрично-заводских медпунктах медикаментов, необходимой физиотерапевтической аппаратуры и т. д. В таких условиях заводские врачи, особенно в райцентрах, были не в состоянии правильно поставить диагноз и направляли больных в облцентр¹⁰. Аналогичная ситуация наблюдалась и в других областях РСФСР. Так, по мнению одного из профессоров Свердловского медицинского института, забота о промышленных рабочих была хуже, чем о здоровье домохозяек, приходивших в районные поликлиники¹¹.

Под давлением столь неутешительной статистики и многочисленных жалоб рабочих на слабую организацию охраны здоровья на предприятиях¹² назначенный 27 января 1953 г. министром здравоохранения СССР А. Ф. Третьяков высказался в поддержку льготного здравоохранения для промышленных рабочих. Это направление в развитии здравоохранения активно поддерживалось и следующим министром здравоохранения – М. Д. Ковригиной (с 27 апреля 1954 г. по 12 января 1959 г.)¹³. Поэтому вполне объяснимо, что первый секретарь обкома КПСС Г. А. Денисов обязал в 1955 г. руководство лечебных учреждений

области «обеспечить безотказную медицинскую помощь трудящимся и по месту работы ... исходя из удобства и состояния здоровья»¹⁴. Саратовский областной отдел здравоохранения в своем приказе № 67 от 7 февраля 1955 г. детализировал это положение, указав на необходимость в целях улучшения медицинского обслуживания прикрепить те предприятия, где нет своих МСЧ к ближайшим больницам¹⁵. Реализация этих документов позволила расширить сеть медицинских учреждений, обслуживающих рабочих, и снизить по сравнению с 1953 г. профзаболеваемость среди этой категории населения на 14 промышленных предприятиях области¹⁶. В 1957 г. количество врачей, работающих на цеховых участках Саратова, стало соответствовать нормам Министерства здравоохранения СССР. Восьмой и девятый поликлиникам г. Саратова, медсанчасти завода им. С. М. Кирова в 1959–1960 гг. было присвоено почетное звание школ передового опыта по организации обслуживания рабочих промышленных предприятий¹⁷. Особое значение уделялось заботе о здоровье женщин, работавших на производстве. Усилиями профсоюзных организаций на ГПЗ-3, саратовских швейной (№ 3) и обувной фабриках, заводе «Серп и Молот» и других предприятиях при здравпунктах организовывались комнаты личной гигиены женщин согласно нормам, утвержденным Госстроем СССР 5 мая 1956 г.¹⁸ Одной из основных задач этих комнат, согласно приказа Министерства здравоохранения СССР от 10 января 1959 г., являлось предупреждение и раннее выявление гинекологических заболеваний¹⁹.

Условия труда стали детально изучать сотрудники Саратовского института гигиены и профпатологии. В 1957 г. ими только на предприятиях г. Саратова в 1957 г. было зарегистрировано 20 случаев хронических профзаболеваний²⁰. В г. Энгельсе наибольший рост заболеваемости (простуда, заболевания кожи) отмечался на прядильно-ткацкой фабрике²¹. В первом полугодии 1959 г. по сравнению с первым полугодием 1958 г. возросла текучесть рабочей силы по болезни в строительных организациях области. В организациях совнархоза она выросла с 33% до 39,5%, а в организациях облисполкома с 22,9% до 44,3% соответственно²². Подобная ситуация не могла не вызвать беспокойства у руководства страны, которое приняло ряд мер по корректировке прежнего законодательства по данной проблеме. 4 октября 1957 г. Госстрой СССР разработал новые нормы организации на фабриках и заводах здравпунктов. Документом предусматривалось на предприятиях, с числом работающих от 300 до 800, создавать общезаводской фельдшерский пункт, а с числом работающих от 800 до 2 тыс. человек – один общезаводской врачебный здравпункт. При цехах, особо опасных в отношении травматизма и профессиональных заболеваний, разрешалось открывать дополнительные здравпункты. Они дифференцировались на четыре категории:

1) врачебный здравпункт с четырьмя врачами; 2) врачебный здравпункт с двумя врачами; 3) врачебный здравпункт с одним врачом; 4) фельдшерский здравпункт с одним фельдшером. Для каждой из категорий граждан документ определял размер площади вестибюлей, перевязочных, кабинетов для приема больных. Располагать здравпункты рекомендовалось недалеко от наиболее многолюдных и менее благополучных по травматизму и заболеваемости цехов²³. Приказом № 136 от 7 сентября 1957 г. министр здравоохранения СССР утвердил строго обязательный характер предварительных и периодических медицинских осмотров рабочих, а также распространил их на новые отряды рабочего класса²⁴. Наконец, ЦК КПСС и Совет Министров СССР своим постановлением «О мерах по дальнейшему улучшению медицинского обслуживания и охраны здоровья населения СССР» (14 января 1960 г.) указывал на необходимость расширения сети поликлиник и здравпунктов при крупных промышленных предприятиях, ратовал за разработку мер по предупреждению заболеваемости рабочих в новых отраслях производства²⁵. Об эффективности принятых мер свидетельствуют материалы ноябрьского 1962 г. пленума Саратовского обкома КПСС, делегаты которого в том числе отмечали факт введения в строй стоматологической поликлиники в жилом поселке нефтеперерабатывающего завода им. С. М. Кирова. К середине 1960-х гг. количество медицинских учреждений на предприятиях и стройках Саратова стало еще более увеличиваться. Новые фельдшерские и врачебные здравпункты появились также на предприятиях Энгельса, Балашова²⁶.

Правильность и своевременность оказания медицинской помощи рабочим контролировали страховые делегаты от профсоюзов²⁷. ВЦСПС контролировал также и деятельность инструкторов-общественников, в обязанности которых входило проведение производственной гимнастики на предприятиях и в учреждениях (введена в июне 1956 г.) – важнейшего фактора в сохранении здоровья рабочих и служащих²⁸. Летом 1958 г. население области уже ощутило первые позитивные результаты от этого нововведения, хотя и достигнутые таким добровольно-принудительным методом²⁹. Например, в конце 1960 г. только на трех предприятиях Марковского района производственной гимнастикой занималось уже 897 человек. А в целом по области в 1963 г. ею было охвачено около 78 тыс. рабочих и служащих³⁰. Уровень заболеваемости рабочих и служащих стал снижаться и благодаря систематическому проведению на промышленных предприятиях области начиная с 1959 г. «Месячников здоровья» и «Дней здоровья»³¹.

В 1960 г. Министерством здравоохранения СССР было утверждено новое «Положение о цеховом терапевте медико-санитарной части, больницы, самостоятельной поликлиники».

Цеховой врач становился центральной фигурой на предприятии, он призван был хорошо знать производство и активно вмешиваться в вопросы охраны труда и техники безопасности³². В целом по городам РСФСР число цеховых участков с 1958 г. по 1964 г. возросло на 2897 единиц³³. Аналогичные процессы наблюдались и на провинциальном уровне. В г. Саратове уже в год принятия этого документа было организовано 37 цеховых участков, а спустя два года на 28 предприятиях их насчитывалось уже 62³⁴. В последующем обслуживание по принципу цеховой ординатуры было организовано на Энгельском заводе искусственного и синтетического волокна, на химкомбинате и заводе им. Ф. Э. Дзержинского в г. Балаково, на предприятиях Петровска и Маркса, где их обслуживало 85 цеховых терапевтов. На крупных предприятиях на диспансерный учет были взяты больные ревматизмом, гипертонической болезнью, гастритом, язвенной болезнью. Хирурги, окулисты и дерматологи, прикрепленные к цехам, стали проводить целевые профосмотры. Подлечиться можно было и без отрыва от производства. Для этого существовали ночные санатории, как, например, в парке культуры и отдыха им. Горького в Саратове для саратовских железнодорожников³⁵. В результате к 1965 г. в целом по области заболеваемость с временной утратой трудоспособности рабочих и служащих промышленных предприятий была снижена по сравнению в целом по РСФСР на 10,34 в случаях и 73,7 в днях нетрудоспособности³⁶.

В то же время из-за непоследовательности реформаторского курса Н. С. Хрущева уровень заболеваемости рабочих промышленных предприятий в области сохранялся на высоком уровне. В 1961 г. он составлял 131,3 случая и 1132,4 дня на 100 работающих. В этом отношении в лидерах были рабочие машиностроительной, нефтяной, деревообрабатывающей и легкой промышленности³⁷. Еще летом 1958 г. проверкой было выявлено, что на большинстве предприятий Саратова, Вольска, Энгельса, Петровска, Балашова и Ртищево производственная гимнастика проводилась не во всех цехах и сменах³⁸. Не на всех заводах и фабриках было организовано стационарное лечение непосредственно в зоне предприятия. К середине 1960-х гг. не имело своего стационара в том числе такое крупное предприятие, как Саратовский химкомбинат³⁹, ощущался дефицит комнат личной гигиены женщин. Согласно справке секретариата ВЦСПС на 1 марта 1964 г. по Саратовской области предприятия машиностроительной отрасли были обеспечены комнатами личной гигиены женщин на 50%, химической и нефтеперерабатывающей отрасли на 55,5%, трикотажной и текстильной промышленности на 69,6%, швейной – на 87%⁴⁰.

Прогресс в деле охраны здоровья промышленных рабочих наблюдался лишь на предприятиях авиационной и оборонной промышленности. Материалы сводных квартальных отчетов о вре-

менной нетрудоспособности профсоюза рабочих этой отрасли промышленности за 1959–1964 гг. наглядно демонстрируют снижение общего числа случаев временной нетрудоспособности по всем болезням с 18408 в первом квартале 1959 г. до 10240 в четвертом квартале 1964 г.⁴¹ Люди, не работавшие в этих отраслях производства, чувствовали себя менее социально защищенными. Это видно из количества жалоб, поступавших в саратовский горздравотдел: как в начале «хрущевской оттепели» (1954 г.), так и буквально сразу после ее завершения (1966–1967 гг.) число писем с различного рода замечаниями от населения на работу территориальных лечебных учреждений было примерно одинаковым – более 110 штук⁴².

После устранения от власти непоследовательного в реформаторской деятельности Н. С. Хрущева и начала реформ А. Н. Косыгина степень социальной защищенности человека как члена трудового коллектива, профсоюза, многочисленных трудовых организаций стала постепенно повышаться. Этому способствовало дальнейшее развитие цехового принципа медицинского обследования рабочих промышленных предприятий. Организация цеховых участков для обеспечения преимущественной лечебно-профилактической помощи рабочим промышленным предприятиям была признана одним из ведущих принципов советского здравоохранения⁴³. Поэтому из года в год на предприятиях увеличивалось количество цеховых медицинских участков. В целом по СССР только с 1965 г. по 1971 г. в СССР количество МСЧ возросло на 20,4%, число коек в них на 31,4%, число цеховых участков увеличилось почти на 30%⁴⁴. Аналогичные процессы наблюдались и на провинциальном уровне: если на промышленных предприятиях Саратова насчитывалось 102 цеховых медицинских участка, то к 1974 г. – уже 189. Цеховые врачи, как и прежде, проводили профилактические осмотры работающих (особенно имевших контакт с токсическими веществами), диспансеризацию и противорецидивное лечение больных язвенной болезнью, гипертонией, ревматизмом, сахарным диабетом за счет средств заводов и фабрик. На большинстве промышленных предприятий был организован бригадный метод обслуживания, при котором специалисты закреплялись за цеховыми участками, что давало возможность каждому рабочему лечиться у определенного специалиста⁴⁵.

В конце октября 1965 г. на территории жилого поселка Энгельсского химического комбината открылась новая крупнейшая в области больница с хирургическим, родильным, терапевтическим, гинекологическим отделениями. Она была способна принять на стационарное лечение одновременно 500 человек. 1700 больным в сутки была способна оказать медицинскую помощь при работе в две смены поликлиника при этой больнице. В 1969–1970 гг. новые здравпункты появились на заводах «Серп и Молот» и металлоконструкций

в Энгельсе⁴⁶. Передовой в организации обслуживания рабочих промышленных предприятий продолжала оставаться МСЧ при саратовском заводе им. С. М. Кирова⁴⁷. Кроме того, при этом заводе, как и при производственном объединении «Нитрон», Балаковском комбинате химического волокна, Саратовском химическом комбинате, с 1970 г. стали функционировать санатории-профилактории, где рабочие в свободное от работы время не только отдыхали, но и получали необходимые виды лечения. В том же году на двух последних выше перечисленных предприятиях были построены поликлиника и стационар⁴⁸. Все предприятия тяжелого, энергетического и транспортного машиностроения к этому времени были прикреплены к территориальным поликлиникам, медицинское обслуживание рабочих и служащих также стало осуществляться по цеховому принципу⁴⁹. К концу 1972 г. в области существовало 253 фельдшерских здравпункта и цеховых участка, в поликлинике № 8 г. Саратова, МСЧ Энгельсского и Саратовского химкомбинатов осмотры и другие профилактические мероприятия проводились с использованием передового на тот момент опыта⁵⁰. В результате количество острых профессиональных заболеваний стало постепенно снижаться: в 1969 г. их насчитывалось 96, в 1970 г. – 79, а в 1971 г. – 43⁵¹. Это был результат реализации постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему улучшению здравоохранения и развитию медицинской науки в стране» от 5 июля 1968 г.⁵²

В последующие годы уровень профзаболеваний продолжал уменьшаться. Так, средняя заболеваемость рабочих промышленных предприятий по г. Саратову с 1974 г. по сравнению с 1973 г. снизилась на 15,9 случая и 127 дней (на 100 работающих) или на 11%⁵³. Определенная заслуга в этом принадлежала производственной гимнастике, что доказывают материалы работы областного методического совета по производственной гимнастике и комплексу ГТО, заседавшего в облсовпрофе весной-летом 1976 г. Его участники отмечали успехи во внедрении физкультпаузы на предприятиях связи, Балашовском слюдокомбинате. Врачи, присутствовавшие на совещании, подтвердили, что с введением гимнастики на предприятиях сокращается количество больничных листов⁵⁴. Именно поэтому ЦК КПСС и Совета Министров СССР в своем постановлении «О мерах по дальнейшему улучшению народного здравоохранения» от 22 сентября 1977 г. рекомендовал в профилактических целях более широко использовать производственную гимнастику⁵⁵.

В первой половине 1970-х гг. в области продолжал набирать обороты процесс строительства и реконструкции медико-санитарных частей⁵⁶. В июле 1976 г. Госстрой СССР утвердил новые нормы, по которым следовало создавать здравпункты, помещения для личной гигиены женщин и другие помещения здравоохранения

на промышленных предприятиях⁵⁷. Получила дальнейшее распространение цеховая медицина. Во второй половине 1970-х гг. цеховой принцип медицинского обслуживания стал внедряться и на коммунально-бытовых предприятиях, в том числе в травмажно-троллейбусном управлении, галантерейной фабрике⁵⁸.

В то же время в ряде производств наблюдалась нехватка медпунктов⁵⁹. Так, швея промкомбината г. Хвалынска, выступая на V городской партконференции (19 января 1974 г.), отмечала: «Нам очень необходим медицинский пункт, есть на этот счет решение горисполкома. Но наша просьба – ускорить его открытие»⁶⁰. К тому же немало учреждений здравоохранения, оказывавших медицинскую помощь промышленным рабочим, по-прежнему располагалось в непригодных помещениях барачного типа, в частности психоневрологической диспансер и МСЧ ГПЗ-3. Поэтому практически каждый третий профессиональный больной получал группу инвалидности⁶¹. Качество медицинского обслуживания работников торговли и общественного питания снижалось из-за того, что за предприятиями не были закреплены территориальные поликлиники, а также не применялись методы передовой на тот момент цеховой медицины⁶². МСЧ и цеховые врачи отсутствовали и в пищевых отраслях промышленности⁶³, а в обслуживающих их территориальных больнично-поликлинических учреждениях ощущался дефицит перевязочных материалов, шприцов, аппаратов для измерения артериального давления. В результате уровень заболеваемости только за год (с 1974 г. по 1975 г.) вырос на 14,8%⁶⁴. Высокий уровень профессиональной заболеваемости наблюдался в химической промышленности (89% острых профзаболеваний)⁶⁵, на предприятиях бытового обслуживания (комбинат парикмахерских, Энгельсский комбинат бытового обслуживания). На этих предприятиях из-за нехватки медицинских работников оздоровительные мероприятия профсоюзных комитетов и администрации носили однотипный и нецелесообразный характер. Низким было качество медицинского обслуживания и в МСЧ производственного объединения «Нитрон», поскольку в цеховой ординатуре предприятия вместо пяти врачей работал только один интерн⁶⁶.

Чтобы переломить эту негативную тенденцию, ЦК КПСС и Совета Министров СССР в вышеупомянутом постановлении от 22 сентября 1977 г. рекомендовал путем расширения сети здравпунктов, медико-санитарных частей, лечебно-профилактических и аптечных учреждений на промышленных предприятиях, развития цеховых врачебных участков в поликлиниках и МСЧ добиться снижения уровня профессиональной заболеваемости⁶⁷. О реализации этого постановления можно судить по материалам о развитии здравоохранения в г. Балашове. Так, на предприятиях этого города в 1976–1979 гг. прирост здравпунктов составил семь единиц. Обследованием

рабочих промышленных предприятий занимались и городские поликлиники, работая в две смены. На заводе автотракторных прицепов, слюдокомбинате, тресте № 8 «Балашовстрой», комбинате плащевых тканей имени 50-летия СССР были созданы врачебно-инженерные бригады, в состав которых обязательно входили цеховые врачи⁶⁸. Все эти структуры привлекались к проведению ежегодных медицинских осмотров рабочих, занятых на вредном производстве. В частности, в 1979 г. 90% лиц по состоянию здоровья были переведены на другую работу, что способствовало снижению профессиональной заболеваемости в Балашове⁶⁹. На комбинате плащевых тканей, хлебом, пищевом, маслосырodelьном заводе, заводе железобетонных изделий, пассажирском, автотранспортном предприятиях, в головном конструкторском бюро этого города произошло снижение заболеваемости с временной утратой трудоспособности⁷⁰. Однако в целом по области этого не наблюдалось. Наоборот, в конце 1980 г. ежедневно на работу по области по болезни не выходило более 37 тыс. человек⁷¹. Отчасти это было следствием неудовлетворительного состояния некоторых МСЧ, как, например, на заводе «Техстекло», где из-за недоделок тормозилось введение в строй нового корпуса. Здания и кабинеты здравпунктов обувной фабрики, комбината хлебопродуктов, треста столовых и ресторанов, горпищеккомбината и мельзавода № 7 г. Балашова не соответствовали санитарно-гигиеническим требованиям⁷².

Продолжающийся рост профзаболеваний заставил государство принять ряд дополнительных мер по улучшению охраны здоровья населения. В постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 19 августа 1982 г. указывалось, в частности, на необходимость проведения систематических консультативных приемов в МСЧ специалистами из медицинских вузов и НИИ⁷³. Претворение в жизнь этого документа имело определенную отдачу в Саратовской области. В частности, уже в 1982 г. в поликлиниках и здравпунктах предприятий группы «Б» стал проводиться причинный анализ заболеваемости с временной утратой трудоспособности по цехам, отдельным заболеваниям, профессиям, стажу, полу, возрасту с разработкой конкретных мероприятий по ее снижению. Среди них нужно выделить использование баз отдыха, спортивных залов, плавательных бассейнов, функционирование групп здоровья, клуба любителей бега «Кристалл», внедрение производственной гимнастики. Тем не менее, к концу первого полугодия 1984 г. временная нетрудоспособность на предприятиях и в организации этой группы предприятий оставалась на высоком уровне⁷⁴. Лучшее положение наблюдалось в химической и нефтехимической промышленности, где только за 1981–1983 гг. было открыто 30 фельдшерских здравпунктов, 5 цеховых врачебных участков, активизировалась

работа врачебно-инженерных бригад. В результате уровень профессиональной заболеваемости по сравнению с 1977–1979 гг. снизился в среднем на 2,8%, или на 26,7 дня на 100 работающих⁷⁵.

В 1976–1984 гг. сеть медучреждений для преимущественного обслуживания рабочих продолжала увеличиваться⁷⁶. На предприятиях автотранспорта, тяжелого машиностроения, радиоэлектронной, химической промышленности медицинскими работниками были разработаны дополнительные критерии для проведения предварительных медицинских профилактических осмотров при приеме на работу. Для выработки комплекса мер, предупреждающих заболеваемость язвенной болезнью, привлекались сотрудники кафедры профпатологии СМИ. В рамках этого сотрудничества, в частности, в МСЧ Энгельского производственного объединения «Химволокно» было создано специализированное гастроэнтерологическое отделение⁷⁷. Обеспеченность промышленности комнатами личной гигиены женщин на 1 января 1985 г. составила 61,5%. Но за более лучшие условия медицинского обслуживания рабочие этих отраслей вынуждены были расплачиваться более интенсивным трудом, что неминуемо приводило к росту временной нетрудоспособности⁷⁸. Так, в 1983 г. по сравнению с 1982 г. наибольший уровень заболеваемости наблюдался в лесной, бумажной, деревообрабатывающей промышленности, в объединениях автотранспорта, шоссейных дорог, геологоразведочных работ. В 1985 г. наибольший рост заболеваемости был зарегистрирован на предприятиях нефтяной и газовой промышленности⁷⁹.

Однако в целом организация медицинского обслуживания промышленных рабочих явно выигрывала по сравнению с системой медицинской помощи населению по месту жительства. Так, жалобы на неудовлетворительное медобслуживание в МСЧ при промышленных предприятиях практически не поступали⁸⁰, то на работу городских лечебных учреждений шли неиссякаемым потоком. Так, только за десять месяцев 1971 г. возросло вдвое поступление писем в Саратовский горисполком с просьбой об улучшении работы органов здравоохранения и медицинского обслуживания населения. А в первом полугодии 1976 г. 30% заявителей в Саратовский горком КПСС жаловались на невнимательное, равнодушное отношение к больным, на недостатки в работе ряда лечебных учреждений города. В редакцию областной газеты «Коммунист» за десять месяцев 1978 г. поступило 8526 писем с жалобами, в том числе и на состояние здравоохранения⁸¹. Все это свидетельствовало о постепенном ухудшении положения в сфере здравоохранения и в целом о слабости социальных программ в области медицины.

Постепенно уровень так называемого универсального медицинского обслуживания стал отставать от требований времени, а людские и материальные ресурсы здравоохранения неспра-

ведливо перераспределялись в отдельные элитные центры – для жителей столиц или партийного начальства. Рабочих и служащих промышленных предприятий эти противоречия социальной политики советского общества 1953–1985 гг. коснулись в меньшей степени. Они, в отличие от несвязанных с производством категорий населения, имели возможность без всяких очередей попасть на прием к врачу в поликлинике или врачебном пункте, содержащихся за счет предприятий; подлечиться за счет средств производства в лечебно-оздоровительных учреждениях, пройти ежегодный профосмотр. Причем спектр медицинских услуг, предоставляемых лечебными и профилактическими учреждениями рабочим, имел тенденцию к расширению благодаря получаемым дотациям из средств предприятий. Однако армия промышленных рабочих СССР не была однородной, выделялись элитарные и прочие отряды. К элите относились те, кто работал на секретных оборонных заводах, так называемых почтовых ящиках. Именно они имели возможность пользоваться медицинскими услугами наивысшего качества. К их числу можно отнести и значительную долю рабочих г. Саратова, ставшего после приземления Ю. А. Гагарина на территории области закрытым для посещения иностранных граждан городом. Поэтому неудивительно, что до этого момента проблемы охраны здоровья промышленных рабочих в регионе решались не столь эффективно, чем после вышеуказанного события.

Таким образом, производственный человек в СССР был лучше социально защищен, чем человек территориальный. Это был основной принцип социального проекта, именуемого на языке идеологии «русский коммунизм». Его функционирование определило важнейшую особенность советской социальной политики, заключавшейся в ее прочной экономической связи с градообразующими предприятиями крупных индустриальных центров. Снижение роли государства и предприятий в социальной защите и предоставлении услуг в 1990-е гг. сыграло определенную роль в ухудшении уровня жизни большинства ранее достаточно благополучных групп населения советского общества.

Примечания

- ¹ См.: Кодекс здоровья и долголетия. Молодой и средний возраст. М., 2006 ; Кодекс здоровья и долголетия. Детский возраст. М., 2006 ; Общенациональный Форум «Здоровье детей – основа здоровья нации». Материалы форума 16 февраля 2009 г. М., 2009.
- ² См., напр.: *Бартон К.* Всеохватная помощь при сталинизме? Советское здравоохранение и дух государства благоденствия, 1945–1953 // Советская социальная политика : сцены и действующие лица, 1940–1985. М., 2008. С. 183–184 ; *Васильева Л. Е.* Роль женщины в социально-экономической и политической сферах жизни советского общества в 1945–1965 гг. (по матери-

- алам Саратовской области) : дис. канд. ист. наук. Саратов, 2004. С. 136–167; *Постников С. П., Фельдман М. А.* Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 31–51; *Кара-Муза С.* Советская цивилизация. М., 2011. С. 626–629; *Гуменюк А. А.* Охрана здоровья промышленных рабочих СССР в 1953–1964 гг. (по материалам Саратовской области) // *Пространственное развитие России : проблемы, вызовы, проблемы : материалы Всеросс. науч. конф., Саранск, 11–12 окт. 2012 г.* Саранск, 2012; *Его же.* Оказание медицинской помощи промышленным рабочим СССР в 1965–1985 гг. (по материалам Саратовской области) // *Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории : сб. материалов VI межвузовской научной конференции 15–16 февраля 2013 г.* Саратов, 2013. С. 193–201.
- 3 См., напр.: Саратовская область за 50 лет. Саратов, 1967; *Зезина Т. Б.* Организация медицинской обслуживания рабочих и служащих химической промышленности Саратовской области // *Труды седьмого областного съезда медицинских работников.* Саратов, 1968. С. 55–61; *Михайлова Т. А.* Медицинское обслуживание рабочих промышленных предприятий // *50 лет советского здравоохранения в Саратове.* Саратов, 1969. С. 31–34; *Гаврилов Н. И.* Проблемы здравоохранения рабочих промышленных предприятий СССР (принципы построения сети и вопросы организации) : автореф. ... д-ра мед. наук. М., 1969; *Шахгельдянц А. Е.* Охрана здоровья промышленных рабочих в СССР // *Советское здравоохранение.* 1980. № 3. С. 8–13; *Потапов А. И.* Состояние здоровья и организация медицинской помощи промышленным рабочим // *Советское здравоохранение.* 1987. № 11. С. 9–15.
 - 4 См., напр.: 50 лет советского здравоохранения. М., 1967; *Горчаков Л. Г., Мецкеркин В. И.* Советское здравоохранение за 50 лет. Саратов, 1968; *Трофимов В. В.* Здравоохранение Российской Федерации за 50 лет. М., 1967; *Петровский Б. В.* Советское здравоохранение за 50 лет СССР. М., 1973; 60 лет советского здравоохранения. М., 1977; 70 лет советского здравоохранения, 1917–1987. М., 1987.
 - 5 *Шахгельдянц А. Е.* Указ. соч. С. 9.
 - 6 См.: Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов и материалов. М., 1977. С. 58–62.
 - 7 См.: ГАНИСО. Ф. 970. Оп. 26. Д. 14. Л. 132.
 - 8 См.: *Васильева Л. Е.* Указ. соч. С. 145; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2728. Л. 309–311, 313. Д. 2768. Л. 39, 56. Д. 3084. Л. 8. Д. 3360. Л. 197.
 - 9 Напр., см.: ГАНИСО. Ф. 3509. Оп. 18. Д. 24. Л. 31. Д. 26. Л. 81.
 - 10 Там же. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2768. Л. 39. Ф. 4254. Оп. 16. Д. 4. Л. 63–64. Ф. 4723. Оп. 18. Д. 16. Л. 97.
 - 11 *Бартон К.* Указ. соч. С. 185.
 - 12 См., напр.: Молодой сталинец. 1953. 27. 03. Л. 3; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 2768. Л. 39. Д. 3360. Л. 246. Д. 3084. Л. 8.
 - 13 См.: *Бартон К.* Указ. соч. С. 186, 191; *Залесский К. А.* Кто есть кто в истории СССР. 1953–1991. М., 2010. С. 703.
 - 14 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3592. Л. 34.
 - 15 Там же. Д. 3334. Л. 44–45.
 - 16 Там же. Д. 2887. Л. 113. Д. 2962. Л. 254. Д. 3334. Л. 272.
 - 17 См.: *Михайлова Т. А.* Указ. соч. С. 17; ГАНИСО. Ф. 136. Оп. 19. Д. 88. Л. 135.
 - 18 См.: Охрана труда и техники безопасности (сборник важнейших постановлений и правил). М., 1961. С. 74; *Коммунист.* 1958. 27.09. Л. 3; ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4923. Л. 71. Ф. 136. Оп. 14. Д. 34. Л. 35.
 - 19 Законодательство по здравоохранению. Т. VI. М., 1963. С. 449.
 - 20 ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4093. Л. 67.
 - 21 Там же. Ф. 2485. Оп. 27. Д. 1, Л. 106.
 - 22 Там же. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4231. Л. 269.
 - 23 См.: Охрана труда и техники безопасности (сборник важнейших постановлений и правил). М., 1960. С. 317–318.
 - 24 Охрана труда... М., 1961. С. 35.
 - 25 См.: Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1968. Т. 4. С. 637, 643.
 - 26 См.: *Коммунист.* 1963. 9. 01. Л. 4; 1965. 26. 12. Л. 3; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1068. Л. 47. Оп. 3. Д. 675. Л. 2 об.; ГАНИСО. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 57. Л. 19.
 - 27 См.: Охрана труда : сборник официальных материалов. М., 1981. С. 130–131.
 - 28 *Лебина Н. Б.* Энциклопедия банальностей : Советская повседневность : контуры, символы, знаки. СПб., 2008. С. 293.
 - 29 Подробнее об этом см.: *Гуменюк А. А.* Охрана здоровья промышленных рабочих СССР в 1953–1964 гг. (по материалам Саратовской области). С. 485.
 - 30 См.: ГАНИСО. Ф. 4254. Оп. 20. Д. 16. Л. 46; *Коммунист.* 1963. 10.08. Л. 4.
 - 31 См.: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 4522. Л. 91, 94, 97. Ф. 136. Оп. 14. Д. 34. Л. 35; *Коммунист.* 1959. 14.10. Л. 4.
 - 32 *Шахгельдянц А. Е.* Указ. соч. С. 9.
 - 33 Подсчитано по: *Трофимов В. В.* Указ. соч. С. 90.
 - 34 См.: *Михайлова Т. А.* Указ. соч. С. 31, 32.
 - 35 См.: *Коммунист.* 1961. 17.02. Л. 4; 1964. 17.03. Л. 3. 19.03. Л. 3; 1965. 26.12. Л. 3; ГАНИСО. Ф. 2485. Оп. 31. Д. 93. Л. 50. Оп. 34. Д. 21. Л. 82.
 - 36 *Зезина Т. Б.* Указ. соч. С. 59.
 - 37 Там же. Л. 38.
 - 38 Там же. Д. 4094. Л. 2–4. Ф. 2329. Оп. 35. Д. 2. Л. 82.
 - 39 См.: ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 1. Д. 1144. Л. 11. Оп. 3. Д. 441. Л. 4; *Коммунист.* 1965. 26.12. Л. 3.
 - 40 *Васильева Л. Е.* Указ. соч. С. 145–146.
 - 41 См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 1-а. Д. 30. Л. 2 об. Оп. 1. Д. 61, Л. 7 об.
 - 42 Подсчитано по: ГАНИСО. Ф. 594. Оп. 2. Д. 3052. Л. 94. Оп. 15. Д. 2, Л. 140.
 - 43 Там же. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 252. Л. 98.
 - 44 *Петровский Б. В.* Указ. соч. С. 42.
 - 45 См.: *Михайлова Т. А.* Указ. соч. С. 32; *Коммунист.* 1975. 20.05. Л. 4; ГАНИСО. Ф. 2329. Оп. 46. Д. 1. Л. 49.
 - 46 См.: *Коммунист.* 1965. 1. 11. Л. 4; 1969. 6.10. Л. 4; *Горчаков А. Н.* Заводы и время. Воспоминания. Сара-

- тов, 2005. С. 112, 140 ; *Зезина Т. Б.* Указ. соч. С. 56 ; ГАНИСО. Ф. 2485. Оп. 36. Д. 58. Л. 68.
- ⁴⁷ См.: Саратовская область за 50 лет. С. 420–421 ; ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 374. Л. 21. Этот статус МСЧ сохраняло и в начале 1980-х гг. (Там же. Д. 1385. Л. 4)
- ⁴⁸ Там же. Д. 374. Л. 25 ; *Горчаков А. Н.* Указ. соч. С. 153.
- ⁴⁹ ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 373. Л. 52.
- ⁵⁰ Там же. Д. 479. Л. 6.
- ⁵¹ Там же. Л. 6, 9, 11.
- ⁵² В этом документе содержались положения, нацеливавшие на создание на предприятиях МСЧ со стационарами на 300–400 и более коек или самостоятельных поликлиник; прикрепление предприятий, не имевших МСЧ к территориальным поликлиникам, приспособив последние для лечения профессиональных заболеваний. (См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1986. Т. 11. С. 321, 323–324).
- ⁵³ ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8-пр. Д. 686. Л. 19–20.
- ⁵⁴ Заря молодежи. 1976. 8. 06. Л. 4.
- ⁵⁵ КПСС в резолюциях ... М., 1987. Т. 13. С. 206.
- ⁵⁶ Подробнее об этом см.: *Гуменюк А. А.* Оказание медицинской помощи промышленным рабочим СССР в 1965–1985 гг. (по материалам Саратовской области). С. 196.
- ⁵⁷ См.: Охрана труда : Сборник официальных материалов. С. 210–215.
- ⁵⁸ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8. Д. 751. Л. 23. Ф. 5314. Оп. 23. Д. 1. Л. 73.
- ⁵⁹ Например, на заводах резинотехнических изделий и фосфорных удобрений г. Балаково. (См.: ГАНИСО. Ф. 341. Оп. 41. Д. 1. Л. 40).
- ⁶⁰ Там же. Ф. 472. Оп. 46. Д. 1. Л. 20.
- ⁶¹ Там же. Ф. 6164. Оп. 8 пр. Д. 479. Л. 10, 13–14.
- ⁶² Там же. Д. 751. Л. 7.
- ⁶³ На саратовском и вольском мясокомбинатах, табачной фабрике, саратовском молококомбинате, пивобезалкогольном, маслобойном заводах, хлебозаводе № 3, балашовских мясоконсервном, мясосыр-, хлебо- и горпищекомбинатах, горчишно-маслобойном, ликеро-водочном заводах, краснокутских масло- и пивзаводах, пище- и птицекомбинатах, маслосыр- и маслозаводах, духовницких маслозаводе, хлебокомбинате, новоузенском головном маслозаводе и т.д.
- ⁶⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8 пр. Д. 749. Л. 1–3. Ф. 5314. Оп. 36. Д. 1. Л. 76.
- ⁶⁵ Там же. Ф. 6164. Оп. 8 пр. Д. 479. Л. 11.
- ⁶⁶ Там же. Оп. 8. Д. 751. Л. 30, 39.
- ⁶⁷ КПСС в резолюциях ... Т. 13. С. 209–210.
- ⁶⁸ Эти бригады анализировали состояние заболеваемости и разрабатывали мероприятия, направленные на ее снижение. К концу 1982 г. эти бригады были созданы на всех предприятиях группы «Б» (см.: ГАНИСО, ф. 6164, оп. 8 пр., д. 1214, л. 185).
- ⁶⁹ Так, в 1977 г. во всех предприятиях города было зарегистрировано 15 случаев профессиональных заболеваний, в 1978 г. – шесть случаев, в 1979 – два случая, за первый квартал 1980 г. – ни одного случая (Там же. Ф. 594, оп. 24, д. 149, л. 90–91).
- ⁷⁰ Там же. Л. 89–91, ф. 2329, оп. 54, д. 1, л. 50.
- ⁷¹ Там же. Ф. 6164, оп. 8 пр., д. 1034, л. 48.
- ⁷² Там же. Ф. 5491, оп. 36, д. 33, л. 35, 36, ф. 2329, оп. 54, д. 1, л. 50.
- ⁷³ КПСС в резолюциях ... М., 1987. Т. 14. С. 367.
- ⁷⁴ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8 пр. Д. 1214. Л. 186, 187. Д. 1291. Л. 124. Д. 1386. Л. 193. Д. 1393. Л. 82.
- ⁷⁵ Там же. Д. 1385. Л. 3, 5, 6. Ф. 3509. Оп. 40. Д. 1. Л. 30.
- ⁷⁶ Подробнее об этом см.: *Гуменюк А. А.* Оказание медицинской помощи промышленным рабочим СССР в 1965–1985 гг. (по материалам Саратовской области). С. 199.
- ⁷⁷ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8 пр. Д. 1385. Л. 44, 47 ; *Горчаков А. Н.* Указ. соч. С. 273–277.
- ⁷⁸ Госкомтруд жаловался в ЦК по этому поводу так: «Для обеспечения выполнения плана в конце месяца рабочие привлекаются к массовым сверхурочным работам, работам в выходные дни, зачастую в нарушение трудового законодательства». Например, на хлебоприемном пункте Озинского района Саратовской области в 1975 г. практически каждый выходной объявлялся рабочим; работа во внеурочное время, в предпраздничные и праздничные дни, авралы в конце каждого месяца и года были налицо в г. Энгельсе. В течение первой половины 1980-х гг. в области объем сверхурочных работ, отработанных в среднем одним рабочим за год, практически не уменьшился : в 1980 г. – 16 часов, в 1985 г. – 15,98 (см.: *Шубин А. В.* Истоки перестройки, 1978–1984 гг. М., 1997. Т. 1. С. 94 ; ГАНИСО. Ф. 141. Оп. 39. Д. 7. Л. 54. Ф. 2485. Оп. 40. Д. 1. Л. 112 ; ГАСО. Ф. Р-1738. Оп. 2. Д. 57. Л. 9 об.)
- ⁷⁹ См.: ГАНИСО. Ф. 6164. Оп. 8 пр. Д. 1291. Л. 6. Д. 1489. Л. 8, 10-а.
- ⁸⁰ Так, в МСЧ СЭПО за 10 месяцев 1978 г. и за весь 1980 г. таких жалоб не поступало совсем. Люди, наоборот, обращались к главврачу с просьбами о получении консультации, оказании медицинской помощи, устройстве на стационарное лечение (Там же. Ф. 5491. Оп. 28. Д. 23. Л. 109. Оп. 34. Д. 17. Л. 84. Оп. 36. Д. 33. Л. 22 ; Там же. Оп. 36. Д. 21. Л. 4. Оп. 40. Д. 29. Л. 10, 34, 43, 50, 60, 71, 82. Д. 42. Л. 18).
- ⁸¹ Там же. Ф. 594. Оп. 15. Д. 7. Л. 14–15. Оп. 18. Д. 102. Оп. 20. Д. 134. Л. 198. Ф. 5491. Оп. 36. Д. 21. Л. 58.

ПРЕДСТАВЛЯЕМ КНИГУ

Рецензия на книгу Я. Н. Рабиновича «Воеводы левобережного Саратова (1616–1641)» (Саратов : ИЦ «Наука», 2013. 158 с.)

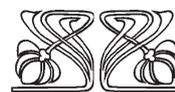
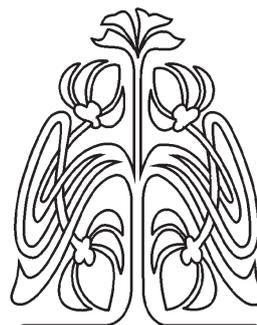
В 2013 г. увидела свет монография саратовского исследователя Я. Н. Рабиновича, посвященная историческим судьбам воевод левобережного Саратова, управлявших городом и его округой в 1616–1641 гг. Издание этой книги является важным и знаковым событием. Для региональных исследователей и любителей старины история XVII столетия остается «темным», во многом малоизвестным периодом. За исключением вышедшего почти 100 лет назад исследования А. А. Герасимова, других глубоких и доступных современному читателю научных работ, посвященных истории Саратова и Саратовского края в XVII в., практически нет. Да и Герасимов глубоко рассмотрел только отдельные эпизоды и события местной истории. Многие вопросы им были очерчены поверхностно или не изучались, прежде всего из-за отсутствия достоверных документов.

Подготовленные Я. Н. Рабиновичем очерки о саратовских воеводах являются результатом длительной профессиональной работы. Ее итогом стало появление многоплановой книги, выходящей далеко за пределы обычной региональной литературы. Следует особо отметить, что историку свойственен широкий взгляд на развитие российской государственности и общества в рассматриваемый период, органичное включение биографий своих героев в общеисторические процессы. Именно такой подход позволяет по-новому взглянуть на глав саратовской администрации, показать их место в событиях общероссийского масштаба.

Автор, основываясь на изучении максимально полной совокупности архивных и опубликованных источников, впервые осуществил комплексный анализ биографий пяти саратовских воевод, информация о которых ранее носила лишь отрывочный характер. Отдельные очерки книги посвящены князьям Рюриковичам – стольнику Федору Тимофеевичу Черново-Оболенскому и Ефиму Федоровичу Мышецкому; московским дворянам Григорию Никитичу Орлову и Григорию Ивановичу Феофилачеву, а также казанскому жильцу Константину Никитичу Шушерину.

Показаны службы этих начальных людей не только на воеводской должности в Саратове, но также в предыдущий и последующий периоды их жизни. Изучение биографий воевод Саратова проводилось в рамках событий первой половины – середины XVII в., происходивших в различных регионах России от Новгородской земли до Нижнего Поволжья, от Смоленщины до Сибири. В бурных событиях Смутного времени многим из них приходилось переоценивать политическую ситуацию, менять свои взгляды, поддерживать различных претендентов на русский престол. После «успокоения» страны, воцарения Михаила Федоровича все они верой и правдой служили первым Романовым, были истинными «государевыми людьми», выполняли сложные и многотрудные правительственные поручения. На наш взгляд, исследование жизни и деятельности служилых людей, будущих саратовских воевод в эпоху Смутного времени и первых лет после его завершения сделано Я. Н. Рабиновичем очень профессионально, с хорошим знанием источниковедческих и историографических тонкостей этой проблематики. Историк прекрасно разбирается в сложных перипетиях начального наиболее сложного периода «бунташного» для Московского государства столетия; когда страна после завершения Смутного времени возвращалась к нормальной жизни.

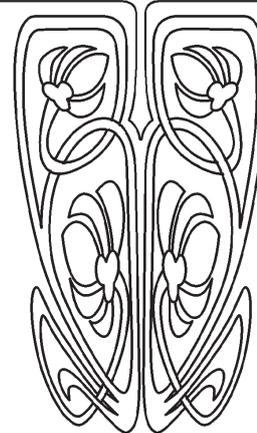
Все очерки этой книги объединены тем, что их герои определен- ный, сравнительно небольшой период своей жизни служили воево-

КРИТИКА

и

БИБЛИОГРАФИЯ

дами в Саратове. Но реконструкция биографий и деятельности этих людей настолько широка и всеобъемлюща, что перед нами предстает исторический портрет представителей средней руки «московских чинов», «государевых людей», несших в течение своей жизни многотрудную службу в ратных походах и окраинных городах Московской Руси. И это, несомненно, является важным достоинством изданной книги, делает ее по-настоящему интересной не только для саратовского читателя.

Очевидно, что одним из наиболее сложных сюжетов для историка явилось восстановление в деталях событий воеводской службы именно в Саратове. Это связано, прежде всего, с практически полным отсутствием делопроизводства приказа Казанского Дворца, в ведении которого находилась вся область понизовых городов, в том числе и Саратов. Как известно, архив этого центрального учреждения погиб в пожаре начала XVIII в. Крайне фрагментарно сохранились и дела местной приказной избы. При рассмотрении истории большинства городов юго-востока Европейской России эпохи позднего средневековья исследователю приходилось использовать фронтальный метод поиска сохранившихся материалов в различных фондах и коллекциях центральных и местных архивохранилищ, собирать материал буквально по крупицам. И Я. Н. Рабинович мастерски справляется с этой задачей. В книге приводится совокупность малоизвестных фактов о событиях 20– начала 40-х гг. XVII в., связанных с Саратовом. Автор рассматривает пребывание в городе персидских и грузинских дипломатических миссий, останавливавшихся в недавно построенной крепости. Важнейшим источником первой половины XVII в. являются материалы пятины по Саратову 1634 г. Ее подробно анализировали многие историки, но Я. Н. Рабинович находит в этом документе новые детали, отражающие экономическую и социальную жизнь местного городского населения. Он дает исчерпывающую характеристику важнейших градостроительных, демографических и социально-экономических процессов, происходивших в Саратове.

Воеводы, посылаемые в провинциальные города, были государевыми людьми. Их полномочия и направления деятельности ограничивались жесткими рамками статей наказов – своеобразных «инструкций», определяющих пределы их власти и требующих подробной отчетности перед центром. В этом случае можно было бы при изучении полномочий воевод понизовых городов провести анализ «типовых» наказов, которые им выдавались при отправлении на новое воеводство. Такие указы сохранились по ряду городов Среднего и Нижнего Поволжья. Они хорошо известны и изучены в исторической литературе. Не уцелевшие (или пока не выявленные) указы саратовским воеводам вряд ли значительно отличались от подобных «инструкций», посылаемых их соседям.

Автором хорошо показано, что Саратов на-

ходился на территории фронта, русского пограничья, необычайно богатого и перспективного для дальнейшего освоения региона, перекрестка транспортных путей. Для Нижнего и Среднего Поволжья выход из Смуты состоялся позднее, чем для ряда других регионов страны. Восстановление государственного порядка на Нижней Волге в целом совпало с возведением нового Саратова в 1616 г., и именно с этого времени, с первого воеводы, поставленного во вновь построенный город, начинается исследование его истории.

Для военно-административной службы в городах волжского фронта требовались люди незаурядные, активные, умеющие воевать, хозяйствовать, способные к дипломатии, с большим жизненным опытом. Именно такими показаны саратовские воеводы в предлагаемой монографии. В ней исследователь представил свой взгляд на реконструкцию жизни и деятельности представителей разных групп служилых людей по отечеству Московского государства первой половины XVII в., управлявших Саратовом в первые двадцать пять лет после его восстановления на левом берегу Волги. Как правило, в небольшие волжские города, находившиеся на окраинах страны, посылались московские служилые люди в чине стольников, «московских дворян», жильцов и т. д. То, что Саратов занимал не самое высокое место даже в этом ряду, подтверждает состав местных воевод.

Для создания более емкого образа саратовских воевод крайне интересно рассмотреть их деятельность при решении совершенно простых бытовых вопросов: назначении на должности и доходные места, решении спорных вопросов бытового характера, распределении рыболовных угодий, споров из-за дворовых мест, конфликтов, возникавших в связи с выполнением градских повинностей и т. д. В этом отношении совершенно замечательные сведения содержат записи в пошлинных и беспошлинных книгах Печатного приказа. С делопроизводством этого учреждения, хранящимся в Российском государственном архиве древних актов, много работали в конце XIX – начале XX в. А. А. Гоздаво-Голомбиевский и А. А. Герасимов. Подробные выписки А. А. Герасимова из книг этого фонда сохранились в его личном архиве (Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского института истории РАН. Ф. 38. Герасимов А. А.). Автору книги о воеводах левобережного Саратова следовало бы воспользоваться рукописным наследием историка.

Хотелось бы также предложить автору при работе над последующими расширенными изданиями этой книги объединить ее содержание разделами, посвященными источниковедению и историографии рассматриваемых вопросов, как местной региональной, так и общероссийской. Отметим, что стереотипы деятельности и поведения русского средневекового городского (уездного) воеводы, пределы его полномочий, права и обязан-

ности достаточно хорошо изучены в отечественной литературе, в том числе и современной (см., например, работы Г. П. Енина, В. Н. Глазьева и др.). Использование уже имеющихся в исторической науке наработок является обязательным для всякого исследователя, берущегося за столь многотрудное дело. Может быть, следует также дать в новой книге краткий очерк о состоянии Саратовского региона в XVII в.

Высказанные замечания представляют лишь дополнения и пожелания, которые никоим образом не снижают научной значимости проведённого исследования.

Особо отметим, что книга написана живым и образным языком, содержит ряд иллюстраций, позволяющих более отчетливо представить картины средневековой жизни Московского государства и Саратовского края. Вместе с тем она является научным изданием, соответствующим всем требованиям, предъявляемым к такого рода работам, снабжена научно-справочным аппаратом, гене-

алогическими схемами, совокупностью карт и планов, именным указателем. Автору на строго научной основе удалось создать увлекательное повествование о малоизвестных страницах истории, как в целом Московского государства, так и юго-восточной окраины европейской части страны – Саратова и его окрестностей.

Издание представляет значительный интерес для специалистов-историков, студентов, а также широкого круга читателей, интересующихся российской и региональной историей. Мы надеемся, что работа над заявленными в данном исследовании сюжетами будет продолжена и в конечном итоге читателю будут предоставлены биографии всех саратовских воевод конца XVI–XVII вв.

*Э. Л. Дубман,
доктор исторических наук,
профессор кафедры российской истории
Самарского государственного университета*

ХРОНИКА

КОНФЕРЕНЦИЯ В ЧЕСТЬ ЮБИЛЕЯ ПРОФЕССОРА М. М. ЯБРОВОЙ

Л. Н. Чернова

Саратовский государственный университет
E-mail: larisachernova@mail.ru

Conference in Honor of Anniversary of Professor M. M. Yabrova

L. N. Chernova

19–20 сентября 2013 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского проходила II Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Британские чтения». Организаторами этого мероприятия стали кафедра истории средних веков и Саратовское отделение Российского общества интеллектуальной истории.

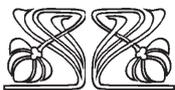
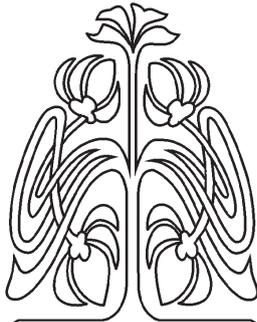
«Британские чтения» этого года стали вторыми (первые состоялись в ноябре 2011 г.) и были посвящены 90-летию со дня рождения доктора исторических наук, профессора Марии Моисеевны Ябровой. Конференция собрала участников, представлявших не только Саратовский государственный университет, но и другие вузы Саратова – Саратовский государственный технический университет, Саратовский государственный социально-экономический университет, а также исследователей из Минска, Москвы (Институт всеобщей истории РАН), Арзамаса, Воронежа, Самары, Пензы, Челябинска.

Конференцию открыла председатель Саратовского отделения РОИИ доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Л. Н. Чернова, отметившая важность сохранения традиции научного общения историков-британистов.

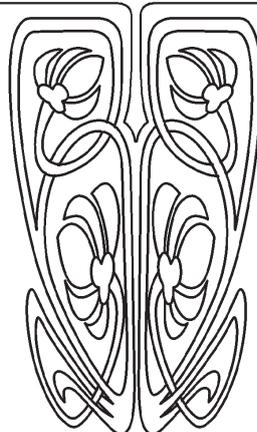
Ярким событием «Британских чтений» стало приветствие, с которым к участникам конференции обратилась юбиляр, написавшая следующие строки: «Дорогие коллеги! Благодарю за внимание и память. Желаю всем здоровья, радости творчества, больших успехов. С искренним уважением Мария Моисеевна Яброва».

Выступившая с приветственным словом директор ИИМО СГУ профессор Т. В. Черевичко отметила, что 2013 год – год важных для Института и исторического сообщества юбилеев. Кафедра истории средних веков отмечает 90-летие М. М. Ябровой и 100-летие заслуженного профессора СГУ С. М. Стама (1913–2010). Два этих события тесно переплетены между собой. С именем С. М. Стама, в 1949 г. приехавшего в Саратов, связано утверждение в 1960-е гг. ведущего направления исследований коллектива воссозданной под его руководством кафедры истории средних веков Саратовского университета, каковым стало изучение истории средневекового города. В русле кафедральной проблематики с начала 1970-х гг. Мария Моисеевна обратилась к изучению истории английского средневекового города.

Заведующий кафедрой истории средних веков профессор А. Н. Галямичев в своем выступлении остановился на характеристике основных этапов жизни и научного творчества М. М. Ябровой. Докладчик особо отметил, что с кафедрой истории средних веков, в штат которой она была зачислена в начале 1950/51 учебного года, и с Саратовским университетом связана вся дальнейшая научная и учебная работа М. М. Ябровой, вначале в должности ассистента, старшего преподавателя, затем доцента и профессора; именно здесь раскрылись ее

ПРИЛОЖЕНИЯ

незаурядные способности преподавателя и исследователя.

И. Р. Чикалова (доктор ист. наук, проф., Минск) в докладе «Связанные одной сетью»: сообщество историков-англоведов из/вне Беларуси» убедительно показала, что есть все основания говорить о существовании со своей уникальной историей сообщества англоведов, имеющих прямое или опосредованное отношение к Беларуси. И особое место в этом во многом уникальном сообществе принадлежит Марии Моисеевне Ябровой.

Всего на конференции было заслушано более 20 докладов. Большая их часть была посвящена различным аспектам и проблемам истории Британии в Средние века и Новое время. Целый ряд выступлений касался разных граней городской истории, культуры и поведенческих практик, развития науки.

А. Ю. Золотарев (канд. ист. наук, доц., Воронеж) в докладе «Англы, бритты и франки: к истории международных отношений в Северо-Западной Европе VI столетия» справедливо отметил, что до настоящего времени дошло чрезвычайно мало свидетельств того, что происходило в Британии VI века. Одним из них является сообщение Прокония Кесарийского о том, что король франков в середине VI в. заявлял о своем господстве над этим островом и обитавшими на нем народами. Автор доклада показал, что обращение к источникам (в частности, к «Житию св. Самсона Дольского»), относящимся к истории Бретани VI в., позволяет пролить свет на положение дел в той части острова, которая в середине столетия контролировалась бриттами. На протяжении некоторого времени существовало политическое единство между северной частью Бретани (Домнонией) и одноименным бриттским королевством на полуострове Корнуолл. Разрыв с франками после 560 г. имел самые печальные последствия для бриттов: контролируемая ими территория Британии стала быстро сокращаться, а их владения как на острове, так и на континенте, оказались отброшены на периферию западного мира.

И. И. Болдырева (канд. ист. наук, преп., Воронеж) рассмотрела проблему становления женского монашества в раннесредневековой Англии (VII–VIII вв.). Освещая хронологию возникновения англосаксонских двойных монастырей, автор установила их связи с королевскими домами Нортумбрии, Уэссекса, Кента и Восточной Англии, выявила ряд особенностей монашеского быта той эпохи, а также причины, побуждавшие представительниц аристократии уходить в монастырь.

Доклад А. А. Майзлиш (канд. ист. наук, науч. сотрудник, Москва) был посвящен анализу англо-бургундских отношений в конце XIV – середине XV в. в контексте торговых и политических интересов сторон. Автор пришла к выводу, что можно говорить лишь о косвенном взаимовлиянии экономики и политики в развитии отношений между Англией и Бургундией в указанный период.

О. В. Яблонская (канд. ист. наук, доц., Арзамас) посвятила свое выступление характеристике благотворительной деятельности лондонского купца XIV–XV вв. Дика Уиттингтона. Анализируя мотивы благотворительности, автор пришла к выводу, что они во многом были связаны с религиозным сознанием эпохи, со стремлением купцов укрепить личный авторитет и авторитет своей компании, с необходимостью сгладить, а по возможности и вовсе избежать внутри- и межцеховых конфликтов. Автором охарактеризованы различные направления благих дел Уиттингтона: поддержание религиозных объектов, реконструкция и ремонт общественных строений (ратуш, больниц, тюрем, библиотек) и в целом благоустройство города, открытие богаделен. Именно благотворительность Дика Уиттингтона сохранила добрую славу о нем на века.

Л. Н. Чернова (доктор ист. наук, проф., Саратов) рассмотрела отношение к образованию в купеческой среде Лондона второй половины XVI в., отметив возросшее значение знаний, образованности в системе ценностей лондонских купцов и городских джентри. На материале нарративных источников и завещательных актов докладчик показала, что именно знания, полученные в грамматических школах и при домашнем обучении, во многом обеспечивали успех представителей купечества, включая обретение и накопление богатства и общественное признание.

Я. Ю. Дубовская (асп., Саратов) в своем выступлении остановилась на проблеме восприятия современниками (У. Гаррисоном, Дж. Стоу, Т. Платтером) социальных аспектов жизни Англии второй половины XVI в. и показала, что все они отразили в своих сочинениях рост могущества и влияния английского, особенно лондонского, купечества, усилившуюся мобильность общества, а также резкое увеличение количества бедняков, нищих и бродяг в результате огораживаний и роспуска монастырей в ходе Реформации.

И. Я. Эльфонд (доктор ист. наук, проф., Саратов) рассмотрела образы британских монархов, конструируемые во французской политической литературе XVI века.

В докладе А. А. Бельцера (канд. ист. наук, проректор Самарского института – высшей школы приватизации и предпринимательства) анализировалась ситуация на англо-шотландском пограничье в первой четверти XVI века. Автор сосредоточил внимание на взаимоотношениях барона Томаса Дакра, стража Западной, Средней и Восточной марки, с жителями двух пограничных областей, Северного Тайндейла и Риддесдейла, известных своими разбойными нападениями на соседние графства. Докладчик показал, что Дакр, вынужденный при ограниченных ресурсах и отсутствии поддержки со стороны местной знати обеспечивать защиту границы, не мог должным образом бороться с разбойниками, поскольку зависел от них в военном отношении. В конечном

итоге, Дакр был смещен со своего поста, а правительство оказалось в состоянии безуспешного поиска достойной замены.

В докладе В. П. Митрофанова (доктор ист. наук, проф., Пенза) рассматривались законодательные и административные меры центральных и местных властей по регулированию производства и торговли пивом в Англии конца XVI – первой трети XVII века. На примере ряда графств автор проследил деятельность судов ассизы по нарушениям в торговле пивом и отметил стремление кабинетов Елизаветы I Тюдор и первых Стюартов к жесткой регламентации, вплоть до установления ограничений на цены и крепость пива, количества пивных заведений в графствах и сотнях и т. п., особенно в годы неурожая на зерновые (1594–1597, 1608, 1622–1623, 1630–1631 гг.). Докладчик показал, что правительственное регулирование производства и торговли пивом не всегда было эффективным из-за причастности мировых судей и других должностных лиц к этому бизнесу.

В докладе М. В. Третьяковой (канд. ист. наук, доц., Арзамас) речь шла о рецептарии Джона Мёррелла (John Murrell), содержащем 122 рецепта и пользовавшемся большой популярностью в Англии, выдержав семь изданий. Автор доклада, сравнивая английские кулинарные книги XVI в. и сборник 1615 г. Джона Мёррелла, пришла к выводу, что принципиальных различий между рецептами в изданиях XVI в. и тем, что предлагал Джон Мёррелл, нет. В основном эти различия сводились к добавлению новых ингредиентов, которые вводил в блюдо Джон Мёррелл, и тем, что он чаще, чем его предшественники, использовал прием гратинирования и придавал большое значение оформлению блюд.

С. М. Морозов (асп., Саратов) в своем докладе обратился к проблеме возникновения в английской общественной мысли начала XVII в. идеи, отрицающей влияние Нормандского завоевания 1066 г. на политические институты и законы Англии. На основе анализа контекста возникновения этой идеи и её источников докладчиком сделан вывод, что эта интерпретация исторического прошлого в момент своего возникновения в начале XVII в. не имела политических коннотаций и не была направлена против королевских прерогатив, а её политическое значение формировалось в последующие годы.

А. В. Афонюшкина (канд. ист. наук, доц., Воронеж) проанализировала освещение Английской революции XVII в. видным российским историком Н. И. Кареевым (1850–1931). Автор подчеркнула, что российские историки дооктябрьского периода уделяли этой теме мало внимания, по сравнению с историей Французской революции XVIII в., в которой видели проблемы, близкие историческому развитию России. В докладе было отмечено, что разработанная Н. И. Кареевым концепция революции как разлада между «государственной идеей» и ее конкретно-историческим воплощением

строилась в том числе и на основе изучения им истории Английской революции XVII столетия.

Н. С. Креленко (доктор ист. наук, проф., зав. кафедрой истории нового и новейшего времени, Саратов) сосредоточила внимание на том, как реализовывались поведенческие практики определенной культурно-исторической эпохи в приложении к конкретной личности. В данном случае речь шла о Хорасе Уолполе, человеке, оставившем заметный след в культурной и политической жизни Великобритании середины XVIII века. Этот период нередко называют веком рококо, имея в виду не только сферу собственно искусства, но и проявления бытовой культуры, для которой было характерно «игровое поведение» (по определению Й. Хейзинги). В случае Х. Уолпола это проявилось в увлеченности молодого аристократа маскарадами и всем, что связано с «игровым началом» в культуре. Свои впечатления он зафиксировал в многочисленных письмах, написанных в непринужденной и остроумной манере салонной беседы времен Просвещения, анализ которых был сделан в докладе.

В. В. Кирюшкина (канд. ист. наук, доц., Саратов) в своем выступлении показала, что перевод Гомера, осуществленный А. Поупом (издан в 1715–1720 гг.), и восприятие английским поэтом этой знаковой для всей европейской традиции фигуры можно рассматривать как своеобразный замковый камень, смыкающий предшествующую традицию с новым осмыслением гомеровского эпоса, критику Гомера и преклонение перед ним. Английское общество испытывало интерес к гомеровским поэмам, при этом самая широкая читательская аудитория была у английских переводов. Автор доклада отметила, что похвалы и порицания А. Поупа в адрес своих предшественников (А. Холла, Дж. Чапмена, Дж. Драйдена) дают ключ к пониманию его собственного видения гомеровского эпоса.

Доклады аспирантов СГУ им. Н. Г. Чернышевского были посвящены различным аспектам истории Британии конца XVIII – первой четверти XIX века. Л. Р. Сабитова остановилась на характеристике дипломатии адмиралов Нельсона и Ушакова в ходе Средиземноморской кампании 1799 г.; В. С. Ерёмин проанализировал вопросы науки и техники на страницах «Эдинбург ревю» в первой четверти XIX в., а Е. С. Демченко – состояние здоровья детей, занятых в фабричном производстве Англии того же периода.

О. А. Чернов (канд. ист. наук, доц., Самара) посвятил своё выступление роли британского фактора в становлении российского дипломата Н. В. Чарыкова. На основе анализа переписки Н. В. Чарыкова и В. И. Чарыкова, сохранившейся в архивных фондах, и воспоминаний Н. В. Чарыкова «Glimpses of High Politics» автор выявил мотивы выбора губернатором В. И. Чарыковым британского учебного заведения для своего сына, охарактеризовал сам процесс обучения Н. В. Ча-

рыкова и его отзывы о британской системе образования и о Британии в целом.

В. И. Дуров (канд. ист. наук, преп., Воронеж) показал, что на рубеже XIX–XX вв. важную роль в жизни Ирландии играло ирландское национальное возрождение. Оно способствовало развитию течения культурного национализма в ирландском национальном движении, яркими представителями которого стали «Гэльская атлетическая ассоциация» (М. Кьюзак) и «Гэльская лига» (Д. Хайд и И. МакНил), продвигавшие идеи возрождения народной культуры и языка и считавшие свое движение аполитичным. Заметную роль в расширении базы культурного национализма сыграли интеллектуалы-модернисты. Это были журналисты, политики, памфлетисты, прежде всего, Д. П. Моран и А. Гриффитс. Автор отметил, что сформулированные ими политические и экономические программы национальной самодостаточности и восстановления однородной общности были радикальными для своего времени и получили широкое распространение в среде революционного течения. Ольстерский кризис 1912–1914 гг., Первая мировая война и Ирландское восстание 1916 г. способствовали расширению числа их сторонников и радикализации политической жизни Ирландии. В ходе этих

событий была сформирована новая католическая национальная элита, стоявшая у истоков создания Ирландского свободного государства.

Все доклады вызвали большой интерес и отклик у собравшихся. Выступавшим было задано много вопросов, ответы на которые подчас переходили в живой обмен мнениями, порождая дискуссии.

В ходе работы «Британских чтений» участники и гости мероприятия могли ознакомиться с выставкой научных работ М. М. Ябровой, обменяться суждениями на круглом столе «Научное творчество М. М. Ябровой и историческая культура конца XX– начала XXI веков».

Значимым событием конференции, жизни кафедры истории средних веков и Института в целом стало открытие Мемориальной аудитории имени заслуженного профессора СГУ Соломона Моисеевича Стама (XI корп., ауд. № 504). В этом мероприятии приняли участие гости «Британских чтений», сотрудники, аспиранты и студенты Института. А. Н. Галямичев рассказал собравшимся о незаурядной личности Соломона Моисеевича, его роли в становлении и развитии медиевистики и ренессансистики в Саратове и России (СССР).

Материалы «Британских чтений» планируется опубликовать в сборнике научных трудов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аксенова Елена Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории науки Самарского государственного университета путей сообщения. E-mail: lenax@list.ru

Алексеев Денис Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Беляков Андрей Васильевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры Социально-культурного сервиса, туризма и межкультурных коммуникаций Рязанского филиала Московского психолого-социального университета. E-mail: feb@ru.ru

Горяев Мерген Саналович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Калмыцкого государственного университета, город Элиста. E-mail: mergengoryaev@mail.ru

Гуменюк Алексей Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Демченко Екатерина Сергеевна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры российской истории Самарского государственного университета. E-mail: dubmane@mail.ru

Кириченко Елена Борисовна, аспирант кафедры всемирной истории Харьковского национального педагогического университета им. Г. С. Сковороды. E-mail: borodina_olena@mail.ru

Кочуков Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор кафедры российской цивилизации и методики преподавания истории Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Кустов Виталий Анатольевич, кандидат исторических наук, докторант кафедры экономической и политической истории России Саратовского государственного социально-экономического университета. E-mail: kustovv@list.ru

Маврина Юлия Валерьевна, аспирант кафедры междуна-

родных отношений и внешней политики России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mavrinajv@mail.ru

Малкин Станислав Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Поволжской государственной социально-гуманитарной академии, Самара. E-mail: malkins@samtel.ru

Мезин Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: mezinsa@mail.ru

Морозова Елена Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: morozovaen@mail.ru

Петрыкина Дарья Владимировна, аспирант кафедры истории нового и новейшего времени Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: dariadecember@mail.ru

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, документовед кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

Симонов Анатолий Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Троицкий Николай Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: izdat@sgu.ru

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средних веков Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: larisachernova@mail.ru

Яковлев Сергей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета. E-mail: YSA_1944@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Aksenova Elena Urevna, History PhD, Associate Professor of the Chair of Philosophy and History of Science, Samara State University of Railways. E-mail: lenax@list.ru

Alexeev Denis Sergeevich, History PhD, Associate Professor of IR, Department of International Relations and Russian Foreign Policy, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: alexeyevds@rambler.ru

Belyakov Andrey Vasilyevich, History PhD, The senior lecturer of chair of Welfare service, tourism and intercultural communications Moscow Psychological-Social University, Ryazan Branch. E-mail: feb@ru.ru

Chernova Larisa Nikolayevna, History Doctor, Professor of the Medieval History Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: larisachernova@mail.ru

Demchenko Ekaterina Sergeevna, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: musienko_ks_89@mail.ru

Dubman Eduard Leibowich, History Doctor, Professor of the Russian History Chair in the Samara State University. E-mail: dubmane@mail.ru

Goryaev Mergen Sanalovich, History PhD, Assistant Professor of the Russian History Department of the Kalmyk State University. E-mail: mergengoryaev@mail.ru

Gumenyuk Alexey Anatolyevich, History PhD, Associate Professor of the Chair of Historiography, Regional History and Archaeology in the Institute of History and International Relations Saratov State University. E-mail: GumenukAA@rambler.ru

Kochukov Sergey Anatolyevich, History Doctor, Professor of the chair of Russian civilization and teaching methodology of history in the institute of History and international Relation Saratov State University. E-mail: kochukovsgu1974@yandex.ru

Kustov Vitaliy Anatolyevich, History PhD, doctoral candidate of the chair of Economic and Political history of Russia of Saratov State Socio Economic University. E-mail: kustovv@list.ru

Kyrychenko Olena Borysivna, Postgraduate student of the world history department of G. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University. E-mail: borodina_olena@mail.ru

Malkin Stanislav Gennadevich, History PhD, Associate Professor of the Chair of World History, Historical Faculty, Samara State Academy of Social Sciences and Humanities. E-mail: malkins@samtel.ru

Mavrina Yulia Valerievna, Postgraduate student of International Relations and Russian Foreign Policy chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mavrinajv@mail.ru

Mezin Sergey Alekseevich, History Doctor, Professor, Head of the History of Russia Department in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: mezinsa@mail.ru

Morozova Elena Nikolajevna, History Doctor, Professor of the chair of Contemporary Russian History in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: morozovaen@mail.ru

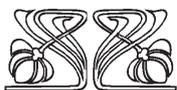
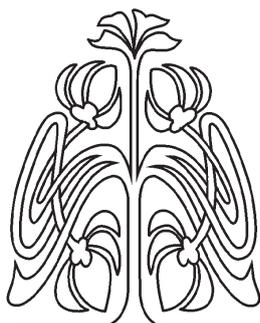
Petrykina Daria Vladimirovna, Postgraduate student of Modern and Contemporary History chair, Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: dariadecember@mail.ru

Rabinovich Yakov Nikolaevich, History PhD, documentologists of the cathedra History of Russia in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: RabinovichYN@yandex.ru

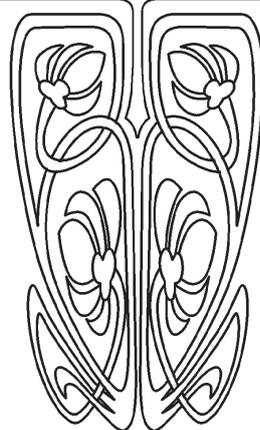
Simonov Anatoly Aleksandrovich, History PhD, Associate Professor of the Chair of Contemporary Russian history in the Institute of History and International Relations, Saratov State University. E-mail: simonoffsgu@mail.ru

Troitsky Nikolay Alekseevich, History Doctor, Professor of the History of Russia Chair in the Institute of History and International Relations of Saratov State University. E-mail: izdat@sgu.ru

Yakovlev Sergey Alexandrovich, History Doctor, professor the department of contemporary national history, IH&FR, Saratov State University. E-mail: YSA 1944@yandex.ru

ПОДПИСКА

Подписка на I полугодие 2015 года

Индекс издания по каталогу ОАО Агентства «Роспечать» 36018,
раздел 15 «История. Филология».

Журнал выходит 4 раза в год.

Подписка оформляется по заявочным письмам
непосредственно в редакции журнала.

Заявки направлять по адресу:

410012, Саратов, Астраханская, 83.

Редакция журнала «Известия Саратовского университета».

Тел. (845-2) 52-26-85, 52-50-04; факс (845-2) 27-85-29;

e-mail: larisachernova@mail.ru

Каталожная цена одного выпуска 350 руб.